АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ТОКАРЕВ

ЗОЛОТОМОР

ЗОЛОТОМОР, или Застывшие слёзы Богов. Часть первая

Жанр произведения: Роман

Произведение написал автор BookBox Алексей Токарев

Ссылка на публикацию

ГЛАВА 1

2024 ГОД. ПРИГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГА

С чего всё началось …? Сейчас и не упомнишь. Скорее всего, с конверта, чудом не угодившего в мусорную кучу и не сожжённого тут же вместе с засохшей травой, обломанными ветками и прочим хламом, скопившимся в доме и вокруг него за последние годы.

С трудом открыв рассохшуюся тяжёлую дверь во двор старого заброшенного родительского дома, Алексей не подозревал, что переступает порог из одной жизни — обыденной, монотонной и размеренной, в другую — незнакомую, непредсказуемую и опасную. Он не думал надолго задерживаться здесь, хотел только перед подачей объявления о продаже осмотреть, всё ли в порядке: двери, окна, крыша, хозяйственные постройки. Собирался поговорить с соседями, чтобы узнать хотя бы примерную цену за продаваемые в округе дома.

Ключ от старого проржавевшего, давно не открывавшегося почтового ящика потерялся. Пришлось вскрыть его лежавшим рядом ржавым топором. Из кипы посеревших от времени, сырости и пыли извещений и квитанций выпал конверт, подписанный незнакомым почерком. Если бы Алексей выкинул его в кучу мусора вместе с остальной ненужной уже корреспонденцией, то спокойная, неторопливая жизнь, скорее всего, и дальше шла бы по накатанной колее — тихо и размеренно. Но он почему-то поднял конверт, сунул в карман, даже не

рассмотрев обратного адреса, и тут же забыл про него.

2001 ГОД. «Я БЫЛ ОДИН В МОЁМ РАЮ …»

После окончания университета Алексей Ильин несколько лет отработал в проектном бюро одного из номерных предприятий Екатеринбурга. Молодой специалист, выпускник московского вуза, русоволосый светлоусый парень среднего роста, с беззаботной приветливой улыбкой, но решительным и взбалмошным характером, быстро влился в дружный коллектив таких же шальных и своенравных в прошлом, но остепенившихся с годами геодезистов.

Хорошая, престижная, с перспективой карьерного роста, работа в центре города. Зарплата вот только меньше, чем хотелось бы, но на весёлую холостяцкую жизнь пока хватало. Встречи со школьными друзьями, поездки с гитарой за спиной на пикники и в гости к подругам, бурные вечеринки до утра. Трудно сказать, чем бы всё это закончилось.

Но вскоре появилась она — стройная, умная, красивая семнадцатилетняя девочка из его юношеских снов. И разошлись тучи над серым от сырости городом, и заискрилось солнце на мокрых от дождя окнах проектного бюро. Отчего-то вспомнились строки, услышанные на одной из московских вечеринок от своей подруги — словацкой студентки Милославы, писавшей дипломную работу по стихам ныне забытого поэта – символиста Фёдора Сологуба:

«…Когда ступени горных плит

Роса вечерняя кропила,

Ко мне волшебница Лилит

Стезёй лазурной приходила.

И вся она была легка,

Как тихий сон, — как сон безгрешна,

И речь её была сладка,

Как нежный смех, — как смех утешна.

И не желать бы мне иной!

Но я под сенью злого древа

Заснул… проснулся, — предо мной

Стояла и смеялась Ева ...».

— Откуда ты, Ева? … Или Лилит?

— Таня, — засмеялась она. — Студентка предвыпускного курса. Приехала в ваше предприятие для прохождения производственной практики.

Это судьба — понял он. На три месяца исчез беспокойный, суетливый, бурлящий мир. Остановилось время. Прошлого не было. А будущее? … Кто может знать, что такое будущее?

Лето пролетело, как сон, и она уехала завершать учёбу, сказав на прощание:

— Через год приеду. Готовься к свадьбе и не шали.

Всё так и получилось. А потом родилась дочь, и пришлось сменить спокойную офисную жизнь на кочевую, но более оплачиваемую — работу в геодезических экспедициях. Командировки, переезды. Исколесил Ильин всю страну. На вертолётах и вездеходах, а чаще пешком — по тундре, тайге, болотам и степям. Поработал и на севере — от Ямала до Колымы, и на южных окраинах России, пока не заработал всё, что хотел, и не осел окончательно в родном Екатеринбурге.

По совету друзей и коллег открыл компанию по своему профилю — геодезическое сопровождение строительства. На заработанные в экспедициях деньги закупил необходимое оборудование, арендовал офис. Работа пошла не сразу. Сначала подбирал команду профессионалов – единомышленников. Потом искал выход на клиентов, заказчиков, подрядчиков. Многие из них знали Ильина по работе в солидном государственном предприятии, доверяли ему, и со временем его компания стала известна в городе и области.

2024 ГОД. БЕЛЫЕ ПОЛОСЫ. ЧЁРНЫЕ ПОЛОСЫ

Пролетели годы.

Круг Жизни: день – ночь, лето – зима, начало – конец.

Колесо Сансары: белая полоса – чёрная полоса, рождение – смерть.

Белая полоса — период удач, везения, находок, преодолений. Главное в это время не успокаиваться и понимать: за белой полосой обязательно последует чёрная.

В отличие от белой полосы, наплывающей тихо и незаметно, чёрная — вереница сложных ситуаций, неудач, провалов, потерь и трагедий — сваливается на голову внезапно и врасплох. Кирпичом с крыши, обухом по голове, громом среди ясного неба. Причём, все беды являются либо сразу скопом, либо сплошной беспрерывной чередой.

Много повидал Алексей за эти годы, немало пережил. Радости и беды, обретения и утраты. До поры до времени жизнь катилась по накатанной колее: дом, семья, работа. И вдруг всё рухнуло. Возможно, бывает и так, но как-то уж очень неожиданно и жестоко. Один за другим ушли из жизни родители: мать погибла в аварии, отца сгубила ошибка врачей при несложной операции.

Беда одна не ходит. Трагедии, потери и несчастья следовали за Ильиным по пятам. И когда два года назад после тяжёлой болезни не стало жены — его тихого, безмятежного счастья, он вспомнил продолжение стихотворения «Я был один в моём раю…», с которого началось их знакомство:

« … И не желать бы мне иной!

Но я под сенью злого древа

Заснул… проснулся, – предо мной

Стояла и смеялась Ева…

Когда померк лазурный день,

Когда заря к морям склонилась,

Моя Лилит прошла как тень,

Прошла, ушла, — навеки скрылась».

С тех пор дела пошли совсем плохо. Конечно, была в этом и его вина. Забросил свой небольшой, но приносящий стабильный доход, бизнес. Редко появлялся на работе, перестал встречаться с заказчиками и они со временем нашли других партнёров – подрядчиков.

Ломала, ломала его судьба. Нет, не сломала. Била, била его. Нет, не убила. Споткнулся только Лёша. Оступился неунывающий заводила и балагур. Рухнул носом в землю упрямый неуступчивый задира. Здоров он был, сердит и упёрт, как бык на корриде, про отвагу и ярость которого рассказывал ему кубинский дружок и сосед по студенческой общаге — однокурсник, гуляка и весельчак Диего.

«Фуэрто комо ун торо» — упрям как бык. Но видать улетели в небо упорство и настойчивость вслед за дорогими ему людьми. Или утонули в грязи после его стремительного падения. Спасовал чуток Алексей, ушёл в загул по старой русской традиции: «чтобы забыться, надо напиться и отключиться». Загулял надолго — дни, недели, месяцы. Сбился со счёта. Сник и обессилел Ильин. Сошёл с него былой лоск. Русые волосы выбелились сединой. Костюм, пошитый в лучшем ателье города, истрепался и болтался на осунувшемся теле, как на старом пластмассовом манекене.

Потерялся, а дорогу никто не показал. Заплутал, а руку никто не протянул. Даже компаньоны и друзья (как он считал) ушли, бросили его, а заодно и «кинули»: на оставшиеся совместные деньги открыли другое предприятие, не вернув ему ни рубля. Только сказали на прощание:

— Иов ты многострадальный. Да и слабак к тому же.

— Хоть и засранцы, но начитанные, — удивился Алексей и не стал спорить, скандалить, судиться: не было ни желания, ни злости, ни сил. Да и правы они: не осилил горемыка свалившихся испытаний.

Придя в себя через несколько месяцев, Ильин понял, что остался без работы, доходов, семьи и друзей. Но жизнь продолжалась, и об этом ему напомнили банки - кредиторы, потребовав возврата долгов и пригрозив судебными исками. Дочь с зятем и внуком жили отдельно в соседнем городе, сестра с сыном и вовсе на другом конце страны. Да и не собирался Алексей обращаться к ним за помощью: сам развалил свои дела, самому и подниматься надо. Встретился с бухгалтером своей когда-то процветавшей, а теперь пришедшей в упадок компании. Поговорил, извинился за задержку зарплаты, наобещал чего-то. Она девушка добрая, сострадательная. Сходила в банки, договорилась о небольшой отсрочке, всё равно конфисковать у него нечего, потом банкротить будут.

Но что же делать дальше? Надо бы найти деньги, и тогда можно попробовать как-то оживить свой разорённый бизнес. Решил зайти по старой памяти к знакомым «авторитетам», прессовавшим и крышевавшим кооператоров в бурные девяностые. Теперь они уже не лиходеи – беспредельщики, а уважаемые руководители фирм, работающих преимущественно по серым схемам. Алексею приходилось иметь с ними дела во время работы со строительными организациями. Вряд ли они сами что-то проектировали или создавали. Скорее, «отмывали» лишние деньги из выделяемых на строительство бюджетных средств.

Ильин со своими заказчиками давал им возможность зарабатывать десятки и сотни миллионов, пусть и они теперь помогут подняться его компании. Может, найдут богатых заказчиков или организуют встречу с кем-то из денежных тузов.

— Ола, амигос бандидос!

Друзья и знакомые Ильина давно уже привыкли и не обращали внимания, когда он в разговоре к месту и без места вставлял иногда приличные, а бывало и не совсем пристойные забугорные словечки и выражения, которым научился в Москве от своего «амиго кубано» – кубинского приятеля. Вот и Михаил Петрович Седов, а в прошлой «жизни по понятиям» просто Седой или Петрович, услышав непривычное для посторонних, но знакомое для него приветствие, особенно не удивился и не осерчал на столь фамильярное обращение.

Когда-то они жили по соседству в пригородном посёлке и учились в одной школе. Потом беззаботная холостяцкая жизнь раскидала их по разным концам необъятной великой страны. Ильин очутился на грязной, хмурой и мрачной её окраине — в послеперестроечной Москве. А Седову его разудалая хулиганская авантюрная судьба подарила прекрасные яркие солнечные просторы срединной России — лагеря центральной Сибири.

Но из библейской притчи давным-давно известно: куда бы ни заносил слепой случай сыновей – скитальцев, обычно все они, блудные, после странствий своих возвращаются домой. Вот и бывшие одноклассники в последние годы снова жили и работали по соседству.

— Ола – ола! Привет, ебургский амиго! Живой, бедолага? Судя по тому, что вспомнил свой хреновый испанский, похоже, что ожил. Снова в рабочей форме? По делу или просто свежим воздухом подышать вышел? — Седой весело и удивлённо, как гостя с того света, рассматривал давнего знакомого, внезапно

появившегося после долгого загула.

— Надышался уже. А к вам, конечно, по делу. Как можно приличных людей попусту беспокоить. Хочу восстановить работу компании, снова поднять её. Не век же гулять. С банками вроде бы договорился. Дали отсрочку пока. Но это на время. Надо зарабатывать. Может, найдёшь хорошего заказчика для нас? Из каких-нибудь крутых боссов — владельцев заводов, газет, пароходов. У тебя же теперь больше, чем у меня, знакомых среди деловых людей. Так что, выручай, Петрович. — Алексей решил подкрепить слова цитатой классика. — Помнишь бессмертное грибоедовское: «Ну как не порадеть родному человечку …»?

Седой, несмотря на десятилетку, о Грибоедове знать не знал, ведать не ведал. Хотя, возможно, слышал где-то краем уха, потому что выражение "горе от ума" часто звучало от него в последнее время. Скорее всего, и сейчас вспомнил его, с пониманием и сочувствием объясняя бессмысленность надежд Ильина на чью-либо финансовую помощь.

— Знаем мы, Лёша, о твоих проблемах. Случилась беда у тебя … и не одна. Всякое в жизни бывает. Мы ведь помогли тебе тогда — в трудные времена. Даже без просьбы с твоей стороны.

— Да, Петрович, спасибо! — Ильин помнил, как в нелёгкие для него дни пришли незнакомые молчаливые парни в одинаковых строгих костюмах, передали от Седова слова соболезнования, деньги и в течение нескольких часов решили все проблемы с ритуальной компанией.

— Поможем и сейчас. Но это так, на хлеб с маслом на первое время. У тебя ведь другие сложности: много задолжал ты компаниям разным, банкам, да и людям непростым. Сколько долгов-то? Тысяч на сто пятьдесят зелёных денег или больше?

— Одиннадцать миллионов рублей плюс проценты, штрафы. Бухгалтер на днях точнее посчитает.

— Ну, это примерно сто семьдесят – сто восемьдесят тысяч баксов. Деньги по нынешним временам небольшие, но кто тебе их даст? Даже под максимальные проценты не дадут. Про банки я уж молчу. Но ведь и деловые люди не дадут! Здесь все знакомы с детства и все друг про друга всё знают. Извини, Лёха, но это же не секрет, что ты на стакане сидишь. Ну, или сидел последнее время. Бухаешь? Завязал? … И мы сидели когда-то, и не только на стакане. Но те времена прошли. Теперь вот в спортзал да в бассейн по вечерам ходим. Банки сейчас предупреждают постоянных клиентов о предприятиях, имеющих определённые затруднения. А твоя компания считается проблемной, так что и

строители с заказами не придут. Слухами земля полнится, а причудами свет. Тебе уже наверняка предлагали банкротиться. Нет? Значит, жди звонка.

— Да пошли они в жопу, — вспылил Алексей. — Знаем мы с тобой ещё с девяностых годов этих грёбаных банкиров. Найду бабки, откачу этим козлам долю, и забудут они тут же о моих проблемах и затруднениях. Столько лет, сил, средств я вложил в это дело. И что же, всё бросить теперь? — Ильин пошёл к выходу. Он особо не надеялся на помощь, но и выслушивать наставления перестроившегося сидельца не собирался.

— Ты не кипятись. — Седов примирительным жестом остановил разгорячившегося приятеля, помогавшего ему в трудные времена. — Я слышал, твои компаньоны ушли от тебя вместе с бабками, «кинули» на прощание. Если так, то можно поговорить с ними, заставить вернуть что положено. Мы-то сейчас такими делами не занимаемся, но если решишь разобраться с ними, дай знать. К тебе подойдут надёжные парни. Но только если сумма приличная. Если небольшая, они и заниматься этим не будут.

— Сумма не стоит разборок. Да и забыл я уже про этих «друзей».

Седов с любопытством посмотрел на Ильина и продолжил:

— Есть ещё один старый вариант, чтобы приподняться, но это на самый крайний случай, если тебя уж окончательно припрёт. Фирма – однодневка.

— А что, работает ещё такая схема?

— Работает. Помнишь Володю Пушкина? Заметил, что его в городе нет? История древняя как мир: запил, загулял, жена бросила, продала каким-то образом без него квартиру и уехала с сыном на край света к родителям-старикам. Побомжевал он с полгода без работы и жилья, а потом и согласился таким образом заработать. Сейчас скрывается где-то на просторах братских республик. Объявили в розыск. Может, поймают когда-нибудь, а может, и нет. Сколько таких, как он, исчезли, и не сосчитать.

Алексей знал этот быстрый, но опасный вариант наживы: найти бомжей или забулдыг с паспортами, оформить на них фиктивную компанию с несуществующим бизнесом и через знакомых работников банков взять кредиты. После этого вывести деньги со счетов, обналичить, разделить со всеми участниками схемы «по-братски», а самому исчезнуть. Знал и пропавшего Володю Лысенкова, которого за пышную шевелюру и бакенбарды все звали Пушкиным. Когда-то был успешным предпринимателем.

— Схема прежняя, — напомнил Седой. — Пятьдесят процентов тебе, пятьдесят — организаторам. И ты после этого испаряешься.

Алексей поблагодарил, пообещал подумать, попрощался и ушёл. Во-первых, знал, чем обычно заканчиваются подобные «бизнес – проекты». Во-вторых, решил, что зарекаться и отказываться сразу тоже нельзя. Помнил пословицу: «Вчера не догонишь, а от завтра не уйдёшь».

Только прилёг дома, зашла соседка тётя Клава, знавшая ещё его родителей и приглядывавшая за ним, особенно в последнее время. Пришла с сыном Олегом, инвалидом и горьким неизлечимым пьяницей. Запричитала:

— Совсем ты исхудал, сердешный. Вон и одежда на тебе болтается, и выглядишь неважно. Поешь хоть немного. Борща я наварила, котлет налепила, давай занесу тебе.

Олег поставил на стол пятилитровую баклажку разливного вина:

— Иваныч! Амиго! Пора засандалить. Брательник из Баку привёз. В командировке там был, вот и нас с тобой не забыл.

Тётя Клава насупилась, но потом смягчилась: — Это сухенькое, его можно. Но котлет и борща я вам сейчас принесу. … Ты бы сходил, Лёша, проведал родительский дом, посмотрел, всё ли там в порядке. Времена сейчас недобрые. Бомжи подселятся, растащат всё, разрушат.

Расслабился Ильин с соседом, успокоился, но, видимо, рано. На следующий день пришло грозное извещение из налоговой инспекции: просрочены выплаты по налогам, начисляется пеня. И далее перечисление видов наказаний — от штрафов до уголовной ответственности. Позвонил по указанному телефону. Налоговый инспектор слушать его не стал. Проговорил заученную, много раз повторяемую фразу:

— Ваш бизнес в настоящее время убыточен. Предприятие надо закрывать, все задолженности гасить, иначе штрафы и дальше будут расти.

И бежать-то некуда, да и было бы куда, но не с чем…

Задумался Алексей. Что делать дальше, как восстановить работу компании? Чтобы выплатить все долги, нужны деньги. Вспомнил вчерашние слова тёти Клавы. В отчаянии решился на скверный шаг, гнусный и подлый, но единственный, как ему казалось, в этой ситуации — продать оставшийся от

родителей дом в пригороде Екатеринбурга.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Дом этот строил его отец через год после рождения первенца. Не один строил, конечно, а с друзьями. Как ни странно, Алексей помнил эту стройку. Помнил, как под ярким летним солнцем бродил голышом на неокрепших спотыкающихся ногах по свежим пахучим стружкам между отёсанных брёвен, а загорелые, раздетые по пояс мужики, шумные и весёлые, стуча топорами, кричали со срубов друг другу: «Осторожно, мальца не зашиби». Помнил, как мать и жёны друзей – строителей сновали между костром, на котором готовили обед, и наспех сколоченным огромным столом, также терпко пахнущим смолой и летом.

Родителей давно нет, сестра уехала. Дом стоит уже несколько лет опустевший, затихший, беспризорный. Надо продавать, а то ведь развалится от времени без надзора и ухода или сгорит по неведомым причинам, как часто это случается здесь. Продажа дома много денег не принесёт и от всех долгов не избавит, но выручит хотя бы на первое время.

Для начала решил осмотреть комнаты, разобрать оставшиеся от родителей вещи и документы с тайной надеждой обнаружить хоть что-нибудь, дающее возможность спасти родную обитель от продажи, а его от окончательного разорения. В доме всё осталось нетронуто, как при отце, редко бывавшем здесь после смерти матери. На столе в гостиной лежали газеты, недочитанные им перед отъездом на операцию. На них очки и пачка «Беломора». Бросив на диван рюкзак с документами, ноутбуком и пакетом с завтраком от тёти Клавы, Алексей оглянулся. Скрипнула дверь, и ему вдруг показалось, что из кухни вот-вот выйдет отец и как обычно спросит про погоду на улице, про дела, про жену и дочь.

Тихо. Нет никого. Только пыль и паутина — на полу, на старых газетах, на потускневших стёклах окон.

Осмотрелся, прикинул, что можно выбросить, а что оставить будущим хозяевам. Немецкая стенка, румынский кухонный гарнитур. Всё доставали с рук (так это тогда называлось) в трудные, но прекрасные в своей беззаботности восьмидесятые годы двадцатого века. Купить в магазинах такое богатство было практически невозможно. И выкидывать жалко даже сейчас: мебель старая, но крепкая, из массива сделана, а не из ДСП, как собирают теперь. Пусть новые

хозяева решают, как поступить с этим антиквариатом.

Включил холодильник. Тот весело загудел в глухой тишине опустевшего жилища.

«Вот же делали! Работает! А сколько ему лет? Двадцать пять, тридцать?»

В одном из шкафов обнаружил старые документы: пожелтевшие квитанции, домовые книги, потрёпанные фотографии знакомых и неизвестных ему людей, обесцененные сберкнижки, комсомольские и профсоюзные билеты бывших обитателей дома. Все нужные и ценные документы Алексей вывез отсюда ещё несколько лет назад к себе домой. А эти сложил сейчас в найденный мешок, чтобы позднее сжечь.

Осторожно встав на шатающийся табурет, заглянул на антресоли под потолком в прихожей. Выгреб оттуда никому уже не нужные вещи. Туда же, в костёр. Поднял упавшую бумажную папку с завязками, открыл: письма и открытки от незнакомых людей. Что это? От кого? Дежурные поздравления с праздниками, присланные в девяностых годах. Несколько из них подписаны Ивановой Ольгой из Оренбурга и Вознесенской Еленой из Казани. Начал просматривать и вспомнил этих женщин и давнюю поездку с матерью к родственникам в незнакомый город на реке Урал, где узнал начало давней, странной, загадочной истории, в заключительных этапах которой и ему через много лет предстояло участвовать.

ГЛАВА 2

1989 ГОД. ОРЕНБУРГ

В тот далёкий год в Оренбурге собрались потомки семей Ильиных и Дубининых, связанных родственными узами ещё с восемнадцатого века. Революция и две войны разбросали их по огромной стране, и они давно уже не общались, хотя слышали и знали друг о друге. Организовал встречу старший из Дубининых — Александр Александрович, решивший собрать потерявших связи родственников, чтобы наконец-то попытаться разгадать тайну событий, произошедших много лет назад с их тогда ещё дружными и сплочёнными семьями.

Встреча проходила в квартире правнучки солепромышленника Ильина, Ольги Ивановой, семья которой вернулась в Оренбург после долгих скитаний по стране. Кроме Дубинина для знакомства с нашедшейся через сто лет роднёй приехали вместе с детьми Валентина Ильина из Свердловска и Елена Вознесенская из Казани.

После радушных приветствий и долгих разговоров о судьбах ушедших предков, родственницы легко смогли найти общий язык, быстро сблизились и, обнаружив много общих интересов, с нетерпением говорили уже о следующих встречах. Дубинину стоило большого труда всех успокоить и настроить на важный разговор, ради которого они собрались здесь.

Для начала он обратился с пожеланием, чтобы приехавшие дети присутствовали при разговоре взрослых. Возможно, им предстоит в будущем продолжать поиски и вести расследование запутанной таинственной истории, случившейся вскоре после революции.

— Как вам, вероятно, известно, наши прадеды, промышленники Ильины и Дубинины, были представителями богатейших семей Российской империи. Во многих городах Поволжья и Прикаспия находились их предприятия, промыслы, магазины, склады. Долго рассказывать не буду, об истории своего рода вы сами знаете не меньше меня. А вот о том, что случилось после революции, поговорим более обстоятельно.

Двенадцатого января тысяча девятьсот восемнадцатого года было опубликовано постановление «Об утверждении секции благородных металлов В.С.Н.Х. и об установлении казенной монополии торговли золотом и платиной». С пятнадцатого января в течение месяца граждане советской России были обязаны продать Государственному банку все имеющиеся у них золотые изделия весом более 16 золотников. Не сданные в этот срок предметы подлежали конфискации. И тогда же большевики решили переправить часть золотого запаса, хранившегося в Москве, в Казанское отделение Народного банка РСФСР. А в середине апреля вышло распоряжение о вывозе золота, серебра и денежной массы из других городов и сосредоточении их в кладовых этого банка. Таким образом, золото и драгоценности семей Ильиных и Дубининых, хранившиеся в банках, были конфискованы и вывезены в Казань.

Казалось бы, всё кончено. Семьи разорены, больше и рассказывать не о чем. Но в августе тысяча девятьсот восемнадцатого года отряды КОМУЧ (Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) и подразделения взбунтовавшегося Чехословацкого корпуса захватили Казань и хранившуюся там часть золотого

запаса России. Всем известно, как после этого золото было вывезено в Самару, а потом в Омск в распоряжение правительства адмирала Колчака.

Но сейчас не об этом. Для нас интереснее другие события тех дней. Один из прадедов семей, присутствующих здесь, а именно Леонард Иванович Ильин, незадолго до упомянутых событий вернулся из сибирской ссылки. А уже в конце августа он при содействии руководства КОМУЧ вывез из казанского банка конфискованные ценности Ильиных и Дубининых и золото, полученное комитетом для финансирования его деятельности. Ни количества, ни списка сокровищ никто не знает, но, по словам моего отца, только золота в монетах Леонарду было передано несколько десятков или даже сотен пудов. Красные подступали к Казани, и незадолго до захвата города он эвакуировал свой груз по Волге в Самару. Оттуда, погрузив его на повозки, в сопровождении конвоя отправился в Оренбург, где семьи Дубининых и Ильиных ожидали обоз. Предполагалось, что затем ценности вывезут дальше — в Крым, на Кавказ или Кубань, а возможно, и в Персию.

Что случилось потом, куда делись сокровища, никто сейчас не знает. Быть может, груз был спрятан где-то по пути следования. Но не исключено, что его всё-таки удалось переправить дальше на юг, где ещё не было Советов. Нет никаких документальных подтверждений какой-либо версии исчезновения золота. Точно известно только одно: Леонард Ильин действительно перевозил его и после этого не пропал вместе с обозом, а остался жив. Доказательство этого факта — его правнук, приехавший со своей матушкой из Свердловска, — Дубинин показал на Валентину и Алексея Ильиных. — Думаю, об этой истории тоже все слышали. И приехавшие на эту встречу, — Александр Александрович окинул взглядом сидящих перед ним родственников, — и те, которых здесь нет.

Для чего я предложил наконец-то собраться и объединиться нам? Считаю, что всё-таки настало время попытаться хоть что-то понять и прояснить в загадочной веренице событий тех лет. Где могут находиться таинственно исчезнувшие сокровища? Вы представляете, что такое несколько тонн золота? И ведь не исключено, что оно до сих пор лежит где-то под ногами. Где …? Под Самарой, Оренбургом, Уральском …? Давайте вместе подумаем, проанализируем, поищем какие-то ранее не замеченные свидетельства. Есть надежда, что в ваших семьях остались записи или дневники участников той эпопеи. Может быть, вы слышали от кого-то из родственников воспоминания, рассказы, версии, предположения?

Поднялась Елена Вознесенская, правнучка рыбопромышленника Николая Дубинина, приехавшая из Казани с сыном Максимом:

— Я историк по образованию и о событиях прошлого знаю не только из рассказов бабушек. Известно, что кроме золота в Казанском народном банке хранились серебро, платина и даже, видимо, ценности царской семьи. Есть много легенд и мифов о вывозе сокровищ из Казани в тысяча девятьсот восемнадцатого году. Бытуют версии и о том, что не все они были отправлены на восток к Колчаку: во время хаоса и неразберихи часть из них вывезли куда-то на юг. Про обоз Леонарда Ильина я тоже слышала рассказы родителей, но ничего конкретного в них не было. Что именно перевозилось, сколько, как и куда — не известно. Достоверно никто ничего не знал. Были ценности, но пропали. Вот и всё. А почему вы уверены, что они где-то укрыты? Шла война. Гражданская, братоубийственная. Белые, красные и многочисленные банды дрались между собой по всей территории Поволжья. Вполне возможно, что обоз захватили, конвоиров перебили, а Ильин каким-то образом остался жив после этого.

Дубинин вскочил и торжествующе воскликнул:

— Да, и такое могло быть. Но у нас есть доказательства того, что груз был доставлен по назначению и потом где-то спрятан! Причём они есть у каждого из нас!

Заскучавшие родственники оживились, зашумели, загремели стульями.

— Что вы имеете в виду? Какие доказательства?

— Ваши прадеды, — продолжил Александр Александрович, — Дубинин Николай Петрович и Ильин Николай Сергеевич в тысяча девятьсот двадцатом году передали своим детям именные медальоны с некими зашифрованными символами. Я надеюсь, что они до сих пор хранятся в ваших семьях. Есть такой и у меня. Отец передал. В них, очевидно, и кроется разгадка тайны исчезнувших сокровищ. Чтобы разобраться в головоломке, оставленной нам, и определить, где они находятся, нужно собрать все медальоны, и постараться понять закодированные в них послания. Как мне говорили, шифр на каждом фамильном медальоне в то время мог разгадать даже ребёнок из семьи, которой он предназначен. Но посторонним людям, даже родственникам из других семей, понять зашифрованные символы трудно или даже невозможно.

Кроме того, знаю от отца, что Леонард вёл записи или дневники со времени сибирской ссылки, которую он отбывал вместе с Бакуном Александром Николаевичем, дедом Ольги Михайловны, — Дубинин кивнул в сторону хозяйки квартиры. — Эти записные книжки и тетради видел мой дед. Впрочем, Леонард и не скрывал этого. — Александр Александрович вопросительно посмотрел на Валентину Ильину.

Она пожала плечами:

— Да, муж рассказывал об этих бумагах. Его отец Анатолий Леонардович Ильин, единственный из всех родственников, как я поняла из разговоров здесь, пытался разобраться в этой таинственной истории. Леонард пропал без вести на фронте в тысяча девятьсот сорок втором году. Вещи, оставшиеся от него — медальон, какие-то тетради и блокноты, Мария Николаевна Ильина, в девичестве Дубинина, передала сыну Анатолию в тысяча девятьсот сорок восьмом году. Тот, разобрав вещи и прочитав записи, загорелся идеей поисков, хотя тогда это было небезопасно. В начале пятидесятых годов он время от времени куда-то уезжал на одну – две недели. Может, и у ваших родителей даже побывал. Вот и в пятьдесят втором, через два года после рождения сына, в очередной раз куда-то отправился. Сказал, что едет на юг по делам и вернётся через несколько дней. После этого его никто больше не видел. Что было дальше, я знаю только по кухонным пересудам. Анатолия объявили в розыск, а через какое-то время признали безвестно отсутствующим или пропавшим. Вещи, записи и медальон Леонарда Ильина после этого исчезли. Возможно, его сын забрал их с собой, уезжая на поиски. Вот такая фатальная судьба у двух близких людей: оба пропали без вести. Один на войне, а другой ровно через десять лет в мирное время.

— Да, ещё одна мистическая страница в этой удивительной истории, — Дубинин встал. — Но это не должно останавливать нас. Наоборот, мы просто обязаны продолжить дело, начатое сыном Леонарда, и всё-таки разгадать тайну исчезновения золотого обоза, сопровождаемого многочисленным вооружённым отрядом. Какие-то следы после того похода должны были сохраниться. Не может быть, чтобы в ваших семьях не осталось никаких записей, дневников или других свидетельств, связанных с этим опасным переходом по территории, охваченной гражданской войной. Поговорите с родственниками, поищите дома. И было бы неплохо нам снова встретиться. Уже с медальонами и желательно с какими-то документальными подтверждениями от ваших предков. Если не мы, то наши дети должны, наконец, разгадать оставленные нам загадки, а возможно и сокровища найти.

Потом долго ещё вспоминали, говорили, спорили: о давних событиях, семейных преданиях и именных медальонах. Из разговоров с родственницами Дубинин понял, что об исчезнувших ценностях они знали только общие детали:

а) Были драгоценности и золото, потом пропали. Где, как и сколько — не известно. Скорее всего, родители не раскрыли детям подробности из страха

перед возможными репрессиями. А когда тревожные времена прошли, их уже не было в живых.

б) Во всех семьях когда-то были медальоны с непонятными знаками и символами, но где они сейчас, никто не рассказал. Многие догадывались, что семейные реликвии как-то связаны с исчезнувшими ценностями, но не знали каким образом.

Александр Александрович решил, что для возобновления поисков надо ехать в Свердловск и вместе с семьёй Ильиных попытаться отыскать записи Леонарда. Но Валентина Леонидовна отказалась от дальнейших контактов и разговоров на эту тему.

Договорились ли тогда о чём-то родственники, Алексей не знал. Помнил только, что к концу встречи они уже горячились, препирались, ссорились вполголоса, разъехались и никогда после этого больше не встречались. Он иногда вспоминал ту поездку — жаркое лето, арбузы, катание на лодках по реке Урал. Мать с неохотой говорила с ним на темы семейных преданий и легенд. А на расспросы о сокровищах и дедушке, пропавшем при их поисках, отвечала, что расскажет как-нибудь позднее. Много лет спустя, когда он поступил в университет и раз в полгода приезжал на каникулы, она иногда откликалась на расспросы и рассказывала известные ей эпизоды из жизни семей его предков — солепромышленников Ильиных и рыбопромышленников Дубининых.

КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

С восемнадцатого века в Оренбурге жили две купеческие семьи с общими корнями — Ильины и Дубинины. Торговали мануфактурой, галантереей, продуктами. Держали магазины, лавки, склады не только в Оренбурге, но и в других городах Поволжья.

Особое внимание обращено на эти две семьи, потому что именно их потомки будут вовлечены самым непосредственным образом в необыкновенные события загадочной истории, случившейся в годы распада великой Российской империи.

ИЛЬИНЫ

К середине девятнадцатого века Ильины занялись продажей и перевозкой соли, а со временем и разработкой соляных промыслов. Сначала глава семьи Алексей Васильевич, а за ним и остальные родственники перебрались в небольшой безуездный городок Илецк Оренбургской губернии, где соль добывалась открытым, а потом и шахтным способом. Его сыновья Сергей и Леонид помогали отцу уже с малолетства: вместе с ним работали на соляных складах в Илецке, Оренбурге, Самаре, встречались с перекупщиками и перевозчиками, участвовали в сделках по заключению договоров. Новое дело приносило солидную прибыль, и к концу века Ильины стали одними из самых известных солепромышленников России. И знали их не только в Поволжье. Илецкую соль, о которой дал свой отзыв ещё М.В. Ломоносов: «...сию соль в твердости, силе и споризне предпочесть прочим солям», они поставляли по всей стране и за её пределы. С соляных складов Самары перевозили баржами по Волге, пароходами через Каспий в Баку и персидский порт Энзели.

Зачинатель династии, обучавшийся дома, умевший весьма сносно читать, писать и считать, уважал людей «ученых», как он говорил, и поэтому всячески стремился дать своим потомкам лучшее на то время образование. Всем дал, всех выучил и гордился этим не меньше, чем достижениями в делах своих. Радовался успехам детей и многих внуков, кого успел увидеть и понянчить. Все выросли, выучились, вышли в люди. Были среди них доктора, учителя, военные. Многие разъехались по стране. Поблизости от родового гнезда остались те, кто продолжили семейное дело — сыновья Сергей и Леонид, и внуки — двоюродные братья Николай Сергеевич и Иван Леонидович Ильины.

К началу двадцатого века делами, связанными с соляным промыслом, занимался, в основном, Николай Сергеевич. Он был и постарше брата, и поухватистее его. Да и внешне был копией своего деда. Иван же в последние годы мало участвовал в работе семейного предприятия. Во время учебы в Московском университете, куда его отправили учиться по настоянию отца, он вместе со многими нужными науками приобрёл страсть к игре в бильярд. И не просто приобрёл, а стал одним из лучших игроков в Москве, а потом и в Поволжье, куда вернулся продолжать семейное дело. Был бы жив дед его, поостерегся бы Иванко, как звал младшего внука старший Ильин, в игры играть. Да к тому времени отошел в мир иной Алексей Васильевич. А Иван играл много, весело, азартно; часто выигрывал, но и проигрывал, случалось, немало.

ДУБИНИНЫ

В тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году по призыву правительства Дубинины отправились осваивать пустующие территории юга России — прикаспийские земли. Государство предложило желающим переехать туда льготы и привилегии — освобождение от податей и воинской повинности, бесплатную добычу тюленей и рыбы в море, соли в соляных озерах по сто пятьдесят пудов на семью. Дубинины перебрались в Закаспийск — недавно образовавшееся поселение на восточном берегу Каспийского моря. Занимались торговлей и перевозками. Закупили лодки, баркасы, снасти и организовали рыболовецкие артели.

Со временем семейство рыбопромышленника, миллионера Николая Петровича Дубинина стало хорошо известно на Каспии и в Поволжье. Дубинин — удачливый предприниматель. Его продукция успешно конкурировала на рыбных рынках страны. Пароходы и баржи перевозили его грузы и разгружались на пристанях, принадлежавших ему же. Для хранения рыбной продукции сооружены амбары, погреба, ледники. В Закаспийске у семьи Дубинина большая усадьба — дом с садом и хозяйственными постройками. В тысяча восемьсот восемьдесят пятом году с помощью Дубининых в городе возвели и освятили церковь во имя Николая Чудотворца. Для наёмных работников открыли баню, торговые лавки, столовую, где бесплатно кормили не только работников, но и их детей. В лавках отпускали товары под запись в счет будущих заработков. Бывало, что и долги списывали в трудные времена. Кроме того, были построены дома, магазины и склады в Астрахани, Гурьеве, Самаре и Оренбурге.

В тысяча восемьсот восемьдесят шестом году Николай Петрович женился. Через год родился сын, которого назвали в память деда, усопшего незадолго до его рождения. Над могилой отца Николай Петрович возвел памятник-часовню.

2024 ГОД. ПРИГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГА

«Интересно, а что же было дальше? Чем закончились поиски Александра Александровича? — задумался Алексей, забывший в трудные для него годы о загадочной истории. — Дубинин тогда явно не собирался останавливаться в своём расследовании. Как бы узнать, нашёл ли он что-нибудь. Если не само золото, то хотя бы объяснение, куда его вывезли».

Ильин помнил, что после поездки в Оренбург мать с кем-то переписывалась. Теперь, увидев папку с письмами и открытками, понял, что она отвечала на поздравления родственников. Но от старшего Дубинина писем в папке не было.

Надо осмотреть сарай, в который он когда-то перенёс ненужные вещи и старую мебель. Потянувшись за ключом, Алексей вытащил из кармана мятый конверт, выпавший из почтового ящика: «Казань, Вознесенский Максим Дмитриевич».

«Казань? Там жили родственники, приезжавшие на встречу в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. Максим Дмитриевич? Кто это? Неужели тот Максимка, с которым они катались на лодке по Уралу тем жарким летом в Оренбурге? Сколько лет им тогда было? Десять? Одиннадцать? — Вскрыл конверт. — Точно, он!»

«Алексей, привет!

Я Максим Вознесенский, твой дальний родственник. Если точнее, твой прадед Ильин Леонард Иванович и моя прабабка Ильина Елена Николаевна были троюродными братом и сестрой. Помнишь, как лет тридцать назад, а то и больше, мы с нашими родителями встречались в Оренбурге? Они собирались по поводу некой таинственной истории исчезновения семейных ценностей после революции. Коротко напомню на всякий случай.

В августе тысяча девятьсот восемнадцатого года золотой запас Российской Империи вывезли из Казанского банка сначала в Самару, а потом в Омск к Колчаку. И в это же время твой прадед Леонард Ильин вывез из этого банка золото наших семей на юг России. Куда точно, никто не знал.

Эта история недавно получила продолжение. Ко мне приезжал сын того самого Дубинина А.А., который собирал наших родителей. Получается, что этот гость в какой-то степени дядя и тебе и мне. Он рассказал, что продолжает дело отца, так же занимается поисками пропавшего золота и хочет найти дневники твоего прадеда, якобы оставшиеся в вашей семье. Перед тем, как приехать ко мне, он заезжал в Екатеринбург, чтобы встретиться с твоей матушкой Валентиной Леонидовной, но никого в вашем доме не застал. Соседи рассказали ему о смерти твоих родителей и жены, а про тебя ничего сообщить не смогли: не знали, где живёшь.

Прими наши соболезнования. Прости, но мы ничего не знали о случившемся.

Думаю, что этот родственник снова приедет к кому-то из нас. Очень уж он заинтересован в получении этих документов или хотя бы части из них. Настоятельно просил меня узнать, где ты находишься и есть ли у тебя бумаги Леонарда. Пишу уже не первый раз и не получаю ответа, наверное, живёшь по другому адресу. Хочу поговорить и переслать некоторую интересную для тебя информацию. Срочно позвони по указанному номеру или вышли свои

координаты!

М. Вознесенский».

Алексей тут же отправил ответ по указанному адресу и принялся ещё раз осматривать закоулки дома: неужели не заметил какие-то незнакомые документы.

Он вспоминал последние годы жизни матери. Как приезжал из Москвы на каникулы и она, вернувшись с работы, подсаживалась к нему, угощала чем-нибудь вкусным и расспрашивала об учёбе, друзьях, подругах. При этом, как бы, между прочим, осторожно выпытывала о том, чем они занимаются кроме занятий на досуге по вечерам и в выходные дни.

— Играете? … А во что? … Шахматы, карты? А в бильярд не играете?

Узнав, что сын с друзьями в бильярд не играют, Валентина Леонидовна успокаивалась до его следующего приезда.

В последние годы она, будто предчувствуя скорую кончину, всё чаще и подробнее рассказывала о жизни семей Ильиных и Дубининых в далёкие годы начала двадцатого века. Из этих рассказов Алексей понял причину её вопросов и опасений.

ГЛАВА 3

НАЧАЛО XX ВЕКА. ИЛЬИНЫ

В тысяча девятисотом году у дальних родственников, но близких друзей и компаньонов Николая Петровича Дубинина и Николая Сергеевича Ильина родились дочери — Мария и Ольга. И в этом же году случилась беда. Неподалёку от Закаспийска, вблизи Лебяжьего острова, во время шторма было выброшено на камни и затонуло торговое судно Ильина. Часть экипажа удалось спасти, несколько человек погибли. Николай Сергеевич выделил деньги для установки на острове памятника погибшим морякам. Спасшихся отхаживали в больнице, построенной Дубининым на окраине Закаспийска.

В тысяча девятьсот пятом году после окончания оренбургской гимназии Леонард Ильин поступил в Императорское Московское техническое училище. В отличие от отца, к азартным играм он не был склонен, но вот революционное неистовство столицы захватило его. После январских событий новый учебный год начался с бурных собраний, сходок, создания различных комитетов. Проводились сборы средств для помощи политзаключенным. Образовывались органы самоуправления, куда выбирались как беспартийные студенты, так и представители различных политических партий: социал-демократы, эсеры, кадеты, анархисты.

Леонард сошёлся с такими же неугомонными и безрассудными сверстниками из ячейки социал-революционеров. Начав с борьбы за принципы студенческого самоуправления, молодые эсеры, выражая солидарность с рабочими столицы, перешли к призывам о прекращении учебных занятий и участии в стачках и забастовках. В тысяча девятьсот шестом году Ильин вступил в Союз социалистов-революционеров-максималистов, выделившийся из партии эсеров и занимавший промежуточную позицию между ними и анархистами. Максималисты ожесточённо противились развитию капитализма в России и боролись за преобразование страны на социалистических началах. В своем стремлении к реформам они избрали путь экспроприаций и террора, надеясь дезорганизовать власть и призвать народные массы к восстанию.

Борьба с режимом, забастовки, митинги, подпольная деятельность. Во всех акциях принимал участие и Леонард, ставший к тому времени одним из активных приверженцев силовых методов давления на власть. В составе одного из летучих отрядов он принимал участие в боевых столкновениях и нападениях на представителей власти. В марте тысяча девятьсот шестого года участвовал в ограблении Московского общества взаимного кредита. А в октябре того же года — в нападении на карету казначея Петербургской портовой таможни. Был арестован охранным отделением, но в скором времени выпущен из-за отсутствия прямых улик.

Отец, узнав об участии Леонарда в нападении на купеческое общество, основанное при участии его семьи и семей других известных предпринимателей, в негодовании лишил сына поддержки проживания и обучения в Москве. Учиться стало заметно труднее, к тому же отвлекали партийные дела. Бывало, что Леонард пропускал по два-три семестра, да и оплату за обучение вносил нерегулярно. В ту пору к «вечным студентам» университетское руководство относилось снисходительно: их не отчисляли, и некоторые, как он, учились по семь-восемь лет, а то и больше.

Тысяча девятьсот одиннадцатый год стал поворотным и несчастливым для Ильина. Сначала случилась беда с его отцом, известным игроком и кутилой. Иван Леонидович, которому на то время шёл сорок пятый год, считался лучшим игроком Поволжья, да и по всей России мало было равных ему бильярдистов. И вот он проиграл огромную сумму, а заодно и особняк в Оренбурге, построенный ещё его отцом, дедом Леонарда. Проиграл и после этого исчез. Ходили слухи, что, скорее всего, в живых его уже нет. То ли сам после игры свёл счёты с жизнью, то ли помогли ему. Говорили, что проигрыш его произошёл при странных обстоятельствах. Играли в известном в городе салоне. Свидетелей было мало, а те, кто присутствовал, особенно не разбирались в тонкостях и правилах игры. Так что они не могли сказать ничего определённого о профессионализме соперников Ивана Леонидовича. Но им показалось, что он был или не здоров, или под воздействием каких-то препаратов: не пьян, но не в себе. Были и такие слухи, что к проигрышу и исчезновению причастен Николай Сергеевич Ильин, которому надоели праздность, игры, расточительность двоюродного брата.

Поиски были организованы с опозданием и не увенчались успехом, потому что родственники пропавшего не сразу сообщили о случившемся. В их среде азартные игры и разгульный образ жизни осуждались. Считалось, что игрок на деньги не может быть серьёзным предпринимателем. Пагубные пристрастия несовместимы с холодной рассудительностью и расчётливостью, которые необходимы промышленникам и купцам. А Иван Леонидович не обладал такими качествами и постоянно попадал в неприятные и даже скандальные ситуации. Близкие привыкли к этому, не обращали внимания на его выходки и особо не торопились спешить ему на помощь.

В том же тысяча девятьсот одиннадцатом году партия революционеров – максималистов прекратила своё существование. Леонард и его единомышленники по партии продолжили борьбу с режимом проведением единовременных акций — экспроприаций банков и коммерческих предприятий. Но, в основном, перешли к методам идеологической борьбы: вовлекали в свои ряды единомышленников, выпускали партийную литературу и листовки, готовили и проводили митинги и забастовки.

За восемь лет участия в революционных битвах из романтического восторженного юноши Леонард превратился в непримиримого борца с монархией — скрытного, жёсткого, решительного, бескомпромиссного.

Ильин был арестован осенью тысяча девятьсот четырнадцатого года. На открытом судебном процессе по делам об ограблениях банков, государственных и частных фондов защищал позицию партии. Как и другие его сподвижники был осуждён и сослан в Сибирь. Там, в селе Манзурка Иркутской губернии, он познакомился с политссыльными Вячеславом Михайловичем Молотовым, Мартином Ивановичем Лацисом, Верой Петровной Брауде. Подружился с анархистом Александром Бакуном, с которым они в тысяча девятьсот шестом году принимали участие в подготовке акции по нападению на инкассаторскую карету Петербургской портовой таможни, названной позднее в газетах «Ограблением века».

После бурных событий тысяча девятьсот пятого года революционная энергия в стране угасала, и только эсеры – максималисты и анархисты различных течений не прекращали борьбы. Бакун был известен как бесстрашный активист боевых дружин анархистов. По окончании гимназии он поступил в Санкт-Петербургский Горный институт, но в тысяча девятьсот седьмом году бросил учебу и полностью отдался работе сначала в подпольном революционном кружке, потом в Московской группе анархистов – коммунистов. Приверженец жёсткого безмотивного антибуржуазного террора и экспроприаций, он был известен в Санкт-Петербурге и Москве под партийным прозвищем Бакунин. Поджарый, среднего роста, темноволосый крепыш с холёными чёрными усами и выправкой спортсмена притягивал женщин и отталкивал мужчин. Незнакомых людей смущал и тревожил его настороженный, недобрый, звероватый взгляд исподлобья — взгляд хищника, всегда готового к внезапному нападению. На выбор псевдонима повлияли и характер, и фамилия, и почитание одного из основоположников анархизма и народничества — Михаила Александровича Бакунина.

В иркутской ссылке Бакун и Ильин вместе охотились, рыбачили, работали в сельской школе.

1916 ГОД. ИРКУТСКАЯ ГУБЕРНИЯ

После тысяча девятьсот пятого года количество политссыльных в России значительно увеличилось. Сибирь стала местом высылки на поселение приверженцев разных идейных направлений, «вредных и революционных» для правящего режима — большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов. Но основную массу ссыльных составляли всё-таки уголовники: от фальшивомонетчиков и конокрадов до воров, разбойников и убийц. Возможно,

поэтому местные жители с недоверием встречали всех этапников, сторонились их и не проявляли никакого сочувствия. Говорили: «Поселенец, что младенец, на что взглянет, то и стянет».

Поначалу политссыльные, особенно из больших городов, были угнетены тяжёлыми условиями новой жизни и беспомощны. В суровом климате недружелюбного захолустья они оказались отрезанными от мира обыденного благополучия. Но со временем привыкали, окружали себя необходимыми вещами, вели спокойную размеренную жизнь, стараясь организовать её по образу той, которой жили до ссылки. Постоянно нуждаясь, брались за любую работу. В «Положении о полицейском надзоре» был установлен порядок надсмотра в местах пребывания политических ссыльных. Давая относительную свободу, им запрещалось отлучаться, поступать на государственную службу, заниматься адвокатской и педагогической деятельностью. Некоторые возможности зависели от дозволения местного начальства. Учителя, студенты, гимназисты иногда получали разрешение на обучение детей грамоте. Врачей в тех краях всегда не хватало, и они занимались лечебной практикой. Кроме того, ссыльные могли устраиваться на временные работы. Кто-то занимался охотой, рыбалкой, кто-то работал на пристанях, лесозаготовках. Местные власти были обязаны помогать ссыльным, что они и делали: выделяли небольшие деньги и продукты питания, выдавали единовременные пособия на летнюю и зимнюю одежду.

Тяжёлые условия, необходимость преодоления житейских проблем не разделяли, а помогали сплочению ссыльных разных национальностей, социального происхождения, политических взглядов. Постепенно складывался неписаный свод правил существования в нелёгких и непривычных для них условиях. Политзаключённые объединялись в ячейки и коммуны, организовывали быт на условиях равенства всех членов коллектива, создавали кассы взаимопомощи, столовые, библиотеки. Помогали вновь прибывающим ссыльным с обустройством на новом месте, и те постепенно свыкались и растворялись в окружающем обществе. Но не все уживались и смирялись. Одни ожесточались и, возвращаясь впоследствии на родину, несли с собой гнев, злобу, ненависть. Другие пытались бежать, но без организованной помощи сделать это было почти невозможно. Иные просто спивались. Только долгая, трудная работа над собой в коллективе помогала в ссылке оставаться человеком.

Уголовники устраивались в этих условиях по-другому. Сбиваясь в группы и артели, они делились строго по специализациям — криминальным «профессиям»

и имели разные права внутри своих общин. В каждой такой группе выбирался староста, державший артельные деньги – «общак». Он же нёс ответственность перед местными властями за все проступки уголовников, которые постоянно досаждали местным жителям.

У политических с уголовниками отношения складывались сложно. Вначале пробовали наладить мирное сосуществование, предлагали помощь по разным вопросам: образованию, просвещению, медицине, бытовым проблемам. Но все миротворческие усилия заканчивались ссорами, жестокими столкновениями, кровопролитными драками. Были даже случаи убийств политссыльных.

Многие из политических до ссылки прошли суровую школу столкновений и боёв с царской охранкой, полицией и жандармерией. Эсеры-максималисты и анархисты считали индивидуальный террор и экспроприацию одними из решающих средств для уничтожения капитализма. Их напору, дерзости и силе уступал даже отлаженный столетиями репрессивный механизм царского режима. Большевики были менее привержены тактике революционного террора. Они относились к нему, как к защите и способу подготовки будущих кадров новой рабоче-крестьянской армии.

Суровая школа отношений после нескольких случаев столкновений, драк и нераскрытых убийств, подтолкнула политссыльных к объединению. Чтобы противостоять уголовникам и подчеркнуть свою независимость, они дистанцировались от общения и впоследствии стали представлять собой внушительную и опасную силу. Боевая выучка и опыт в проведении силовых акций, приобретённые эсерами и анархистами в ходе революционных столкновений, сдерживали уголовников. Они достаточно быстро поняли, что рядом с политическими нужно или мирно жить, или хотя бы соблюдать нейтралитет.

Анархист Александр Николаевич Бакун после очередной стычки с уголовниками, когда его товарищи чудом остались живы, решил вести занятия по боевой подготовке среди политических ссыльных. Во время учёбы в Санкт-Петербурге он вступил в летучий боевой отряд анархистов-коммунистов, девизом которых был лозунг их идола Михаила Александровича Бакунина: «…не может быть революции без широкого и страстного разрушения… спасительного и плодотворного, потому что именно из него… зарождаются и возникают новые миры». Подготовкой этого отряда занимались опытные инструкторы. Они обучали начинающих бойцов приемам рукопашной борьбы, схваткам с использованием винтовок, револьверов, ножей, лопат. Воспитывали в учениках смелость и дерзость, тренировали их на выносливость. Ведение боя летучего

отряда было основано на неожиданной и быстрой атаке короткими ударами рук, ног и любым оружием в наиболее уязвимые части тела.

— Бить надо первым и внезапно, сильно и быстро, не дожидаясь этого от противника, — учил Бакунин свою группу, в которую входили и женщины. — Если не ты, то он ударит первым, и тогда плохи твои дела. Отвлеки противника словом, уклоном, резким движением и ударь его в пах, горло, колено или солнечное сплетение.

Вера Брауде, посещавшая занятия по боевой подготовке, несмотря на своё «интересное положение», поморщилась, услышав об ударах по глазам исподтишка. Что ей не понравилось в словах анархиста, непонятно. Она и её единомышленники — большевики, эсеры, анархисты шли путём революционного насилия, террора и разрушения, считая, что таким образом они противостоят произволу существующей власти. Главное в том, что насилие приведёт к революции, а значит — к построению нового общества, в котором не будет насилия!

1916 ГОД. ВЕРА БРАУДЕ. «ДИКАЯ КОМАНДА»

Вера Петровна Брауде, в девичестве Булич, родилась в тысяча восемьсот девяностом году. Дочь действительного статского советника, дворянка. До восьмилетнего возраста жила в семейном имении в деревне. После переезда семьи в Казань, поступила в женскую гимназию, из которой была исключена в третьем классе за строптивый характер и систематическое нарушение дисциплины. В институте благородных девиц, куда её определили родители для образования и воспитания, тоже надолго не задержалась — после отказа изучать Закон Божий и ходить в церковь была изгнана с мотивировкой «за антирелигиозные настроения».

В Казанской частной гимназии, куда Вера поступила для продолжения образования, она увлеклась идеологией марксизма, занималась организационной и пропагандистской работой в нелегальном большевистском кружке. В пятнадцатилетнем возрасте была первый раз арестована за антиправительственные призывы и участие в демонстрациях. После очередного ареста за изготовление, хранение и распространение нелегальной литературы была отправлена под опеку дяди, служившего земским начальником. Из-под надзора сбежала, но перед этим вместе с друзьями из местной организации РСДРП сожгла имение любимого дядюшки.

Работая в большевистских организациях с тысяча девятьсот пятого года, неоднократно подвергалась задержаниям, арестам, высылкам, репрессиям. После замужества, уже под фамилией Брауде, Вера продолжила революционную деятельность в Казани, Петербурге и Швейцарии, куда эмигрировала, сбежав из очередной ссылки. Там познакомилась с Лениным. Потом переехала в Париж, а в тысяча девятьсот четырнадцатом году вернулась в Россию. Вскоре снова была арестована, теперь уже за антивоенную пропаганду, и в тысяча девятьсот шестнадцатом году выслана в село Манзурка Иркутской губернии.

— Именно так, Вера Петровна, — горячился Бакунин. — Удары исподтишка в наиболее уязвимые места приносят победу в уличных схватках. Честная драка не всегда эффективна, а чаще до неё и не доходит. Вспомните, как убили нашего товарища на лесосплаве. Прохаживался и оживлённо беседовал с кем-то на берегу после работы (так до сих пор и не установили, с кем). Тот его по-дружески за плечо приобнимал. А через полчаса нашли с заточкой под рёбрами в кустах. И глаза песком запорошены.

Леонард усмехнулся: — А я-то думал, зачем у тебя табак с солью в кармане. Теперь понятно.

— Верно, Леон. Песок не всегда найдётся. А табак под рукой. Да и любой порошок подойдёт. Возьмите горсть песка, табака, соли или грязи и бросьте в лицо противнику. А следом — мгновенный удар в глаза, горло, пах, колено. Понятно это? А то ведь перережут здесь, как баранов, а нас там, на большой земле, родные ждут и товарищи наши боевые. Камень, кирпич, палка — это тоже оружие. А потом добивать по голове, да так, чтобы в кровь. … Да, да, уважаемая Вера Петровна, в кровь. Или мы их, или они нас.

Рассказывал Бакунин на этих импровизированных курсах о возможных вариантах нападения и защиты. Показывал и отрабатывал с каждым из товарищей применение различных видов ударов, как без оружия, так и с помощью любых попавшихся под руку предметов.

Уголовники знали об этих тренировках, насмехались над группой Бакуна, зубоскалили, называя её «дикой командой товарища Бакунина». Но вскоре всем пришлось убедиться в необходимости и справедливости его наставлений.

Спокойная жизнь сибирского захолустья была взбудоражена происшествием, вполне предсказуемым и даже, в какой-то мере, закономерным, но как всегда неожиданным. В один из дней ссыльные закончили работу и собрались возле конторы для получения ежемесячного пособия и продуктов. Когда полицейские,

представитель местной власти и сотрудники конторы вошли в здание, к нему из ближайшего перелеска неожиданно подбежали люди с закрытыми лицами, вооружённые ножами и коваными прутьями.

Налётчики, судя по всему, заранее подготовились и действовали строго по плану: двое перекрыли входы, трое ворвались внутрь и быстро взяли под контроль помещения небольшой конторы. Угощавшихся чаем полицейских жестоко избили, разоружили и связали. Посетителей и персонал согнали в одну из комнат и положили на пол. Казалось бы, всё шло по плану злоумышленников. Пока двое складывали деньги и продукты в мешки в одной из комнат, третий обходил контору, помахивая ножом и избивая прутом пытавшихся встать или сесть испуганных людей. Неожиданно он подошёл к одной из работниц, забившейся от страха под стол, и шёпотом заговорил с ней о чём-то. При этом незнакомец совершил роковую ошибку, встав спиной к заложникам.

Вера Брауде, оказавшаяся на полу вместе с другими заложниками, увидела, как лежавший рядом с ней лицом вниз Бакун приподнялся, снял с неё платок и успокаивающе покачал головой. Через несколько секунд бандит уже лежал за столом, задушенный скрученным в жгут платком. Кто-то из женщин приглушённо охнул, но хрипы и стоны избитых полицейских заглушали посторонние звуки. Бакун приложил палец к губам, дав понять оторопевшим людям, чтобы лежали тихо. Надев кепку и маску поверженного противника, с ножом в одной руке и металлическим прутом в другой, тихо, спокойно, без суеты вошёл в соседнюю комнату, где налётчики уже завязывали мешки с добычей, и молча вонзил нож одному из них сзади в шею чуть ниже основания черепа. Как он объяснил потом своим соратникам, это один из надежнейших способов бесшумного убийства.

Второй злоумышленник, так и не поняв, кто это только что молча, хладнокровно прикончил его друга, всхлипнул от ужаса, потянулся к револьверу за поясом и упал с разбитой страшным ударом кованого металла головой.

Вера, подняв оружие, жестами приказала всем оставаться на месте. Бакунин осторожно, прижавшись к стене, двинулся к выходу из здания. Увидев вооружённого незнакомца, прислонившегося к косяку в проёме двери, тихо свистнул, и когда тот повернулся, трижды выстрелил ему в живот. Упав на бок, грабитель закрутился на земле и завизжал дико, тонко, жутко, как недорезанная свинья. Позднее Бакун говорил, что специально пошумел, чтобы вспугнуть и выявить возможных соучастников среди людей, толпившихся неподалёку от конторы.

Пятого налётчика, с ужасом выскочившего из здания и петляя бежавшего в сторону леса, догнал и прикончил Леонард. Вера потом долго злилась на него за то, что он выхватил у неё револьвер и не дал самой пристрелить злодея.

На опознание уголовников, пришедших, как выяснилось, из соседнего поселения, и на заполнение протоколов ушло немного времени. Дольше пришлось приводить в чувство и выхаживать полицейских, перевязывать им разбитые головы, ноги и руки, сломанные рёбра.

Уже в темноте Бакунин спокойно и с видимым безразличием вышел к ожидающим его товарищам. Впоследствии они с Леонардом, да и все политссыльные, замечали, что уголовники наблюдали за ними. Понимали, что те надеялись со временем рассчитаться за своих друзей. Скорее всего, так бы и произошло. Но долгое время бандиты предпочитали не сталкиваться напрямую и обходили стороной «дикую команду» Бакунина. А наступивший тысяча девятьсот семнадцатый год перевернул всё с ног на голову на всей огромной территории великой Российской империи.

ГЛАВА 4

НАЧАЛО XX ВЕКА. ДУБИНИНЫ

Рыбопромышленники Дубинины из Закаспийска и их родственники солепромышленники Ильины из Оренбурга с конца девятнадцатого века расширили рынки сбыта товаров на Каспии и начали работать с заморскими партнёрами. В Бакинской губернии, куда Дубинин отправлял морепродукты, ему посоветовали заняться поставкой соли. Впоследствии они с Ильиным часто приезжали в Баку и Дагестан по делам, связанным с рыбной и соляной коммерцией. Делились опытом работы, планирования торговых площадей, строительства дамб, причалов, маяков. Удивлялись и восхищались тем, как основательно устроен Бакинский порт. Около сотни пристаней на сваях, судовые мастерские, склады, конторы, набережная. Всё сделано добротно, надёжно. Что не понравилось, так это нефтепромыслы на побережье Каспия. Понятно, что нефть и продукты, извлекаемые из неё, необходимы для развивающейся

промышленности, но вот для моря это беда. Отходы, образующиеся при её добыче и переработке, погубят Каспий и всё, что в нём обитает.

«А ведь скоро и у нас то же самое грядёт, — понимал Дубинин. Сам видел в пустыне колодцы с пятнами нефти на воде. — Да, этого не остановить».

В Баку компаньоны познакомились с коммерсантами из Персии. Долго говорили, обсуждая перспективы совместной работы. Тут же заключили договор о поставке первых партий соли, рыбы, икры и условились о следующей встрече в Энзели.

В тысяча девятьсот пятом – тысяча девятьсот одиннадцатом годах в Персии произошла антифеодальная, антиимпериалистическая революция. Как ни странно, после этих событий работать с персидскими компаньонами стало проще. Всегда появляются люди, умеющие извлекать выгоду из постреволюционных трудностей. Вот и Дубинин с Ильиным заметили, что местные коммерсанты стали более активно с ними сотрудничать.

До тысяча девятьсот семнадцатого года концессии на рыболовные промыслы в Каспийском море находились в руках российских подданных. Поэтому в то время было очень выгодно торговать с Персией. Из России коммерсанты поставляли соль, сахар, икру, цветные металлы, лес, изделия из кожи, посуду. Бывало, что вели и нелегальную торговлю: вместе с рыбой и солью в тайниках перевозилось оружие для революционеров. Оплачивались такие поставки алмазами. Дубинины уже давно вкладывали деньги в драгоценные камни и золото. В Россию ввозили рис, чай, пряности, табак, ковры, ткани, галантерею и украшения. Когда правительство России ввело льготную пошлину на ввоз хлопка из Персии, Дубинины и Ильины занялись его поставкой в страну. Со временем приобрели в Энзели земельные участки для выращивания хлопка. Рядом построили семейные усадьбы. Для перевозки товаров закупили два торговых судна, переоборудованных из бывших военных кораблей.

Николай Петрович Дубинин отправил сына на учебу в Оренбургскую гимназию, а в тысяча девятьсот пятом году — в Санкт-Петербургский Горный институт. Во время обучения в гимназии Пётр жил в семье Ильина и сдружился с его сыном Леонардом. В тысяча девятьсот восьмом году после рождения младшего сына Александра к дому Дубининых в Закаспийске сделали две пристройки. С правой стороны для новорожденного, а с левой для дочери Марии.

После института Пётр Дубинин стажировался и работал в соляном управлении у Николая Ильина в Оренбурге и Илецке. Дослужился до старшего советника

управления. Познакомился с дочерью Ильина Еленой, троюродной сестрой Леонарда.

После начала первой мировой войны Пётр был мобилизован и отправлен на фронт. Воевал достойно и храбро, но недолго: был ранен и в течение года восстанавливался в госпитале. После возвращения в тысяча девятьсот шестнадцатом году Пётр и Елена поженились. Николай Петрович, ранее благословивший этот брак, приехал на свадебные торжества, а сразу после них назначил сына управляющим отделением своей компании в Оренбурге и начал готовить его для работы в семейном бизнесе. Вводил в дела, знакомил с партнерами, коллегами, банкирами.

Оренбург тех лет занимал особое положение в торговых отношениях окраин и центра России. Недаром его называли предбанником Востока. В этом центре торговли собиралось множество публики разного сорта: деловые люди и авантюристы, труженики и бездельники, отставные военные и проворовавшиеся чиновники. В среде купечества и промышленников Поволжья обманы и бесчестные поступки осуждались, плуты и мошенники презирались. За нарушенное честное слово человек уже никогда не мог вернуться в круг уважаемых предпринимателей. Считалось, что лучше самому потерять большие деньги, чем подставить партнёра. Умнее потерпеть убытки, если не можешь выполнить обещания, чем впоследствии потерять всё из-за дурной репутации.

Дубинин много и часто ездил по России, но так и не привык к жизни в больших городах. Не любил столичных изысков, манерности, угодничества, суеты и безделья. Вместе с завезенными с Запада новыми изобретениями, машинами, модой, культурой были ввезены и новые отношения, в которых десять заповедей не всегда принимались за основу. Николай Петрович не был ретроградом, понимал, что жизнь не стоит на месте, и наступивший век — время новых людей, новой культуры, нового миропорядка. Но, как выходец из провинции, был по характеру прямолинеен, привык говорить то, что думает, а не то, что выгодно и удобно. Хитрить, ловчить и льстить в общении со столичными чиновниками он не научился, поэтому старался объезжать стороной парадные фасады империи — Петербург и Москву.

Днём Пётр работал с отцом, а вечера посвящал жене: театры, званые ужины, провинциальные балы, благотворительные мероприятия. В сентябре они поехали знакомиться с родовым гнездом — в Закаспийск. Месяц выбрали не случайно: летом жара и горячие степные ветры, зимой те же ветры, но уже ледяные. Не хотелось Петру пугать молодую жену. Осень и весна — самое

подходящее время для знакомства с новой родиной.

Так и получилось, осенний Закаспийск понравился Елене. Городок, разросшийся из небольшой старинной крепости — форпоста империи на её южной окраине. Красивые каспийские пейзажи, спокойная обстановка, благожелательные люди и необычное общество — военные, рыбаки, ссыльные. Елена решила, что когда-нибудь переедет сюда окончательно и будет работать учителем в небольшой местной школе. А пока что осматривалась и знакомилась — с городом, с новыми родственниками и соседями.

У Дубининых новая солеварня, лодки, баркасы, самоходная баржа. В Персии пришвартовано купленное недавно судно. Пётр часто выезжал по делам в Энзели, Баку, Порт-Петровск. Елена сопровождала его. Новые встречи, знакомства, впечатления.

2024 ГОД. ПРИГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГА

«От кого мать могла узнать факты из жизни разных поколений Дубининых и Ильиных? — пытаться понять Алексей. — В тысяча девятьсот семьдесят седьмом году она вышла замуж за его отца, внука Леонарда Ильина и Марии Дубининой. К тому времени мало кто помнил историю исчезновения обоза с золотом времён гражданской войны и, тем более, подробности биографий участников тех событий. Есть два варианта того, где она могла получить эту информацию. Во-первых, возможно, узнала из рассказов бабушки. Леонард пропал без вести в тысяча девятьсот сорок втором году, а его жена прожила до тысяча девятьсот восемьдесят пятого. По рассказам родственников, в начале восьмидесятых годов Мария Николаевна была ещё довольно бодрой старушкой и даже успела понянчиться со своим правнуком. Как представитель обеих семей, Ильиных и Дубининых, она могла лучше других знать их историю. Ну, а второй вариант: мать всё-таки видела и читала дневники Леонарда, о которых её расспрашивал Александр Александрович Дубинин, собравший в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году потомков двух семейств. В таком случае, где же тогда тетради, которые ищут тридцать с лишним лет?»

Звонок телефона вспугнул многолетнюю сонную тишину покинутого людьми дома, прервав воспоминания Алексея.

— Привет, родственник! Наконец-то объявился! Я Максим Вознесенский. Если читал моё послание, значит, находишься в доме родителей или где-то рядом. Я ведь тебе несколько раз уже писал и только сегодня дождался ответа. Давно мы не виделись, больше тридцати лет.

— Привет, Максим! Тридцать пять лет прошло с тех пор, как мы с тобой и Владиком катались на лодках по Уралу, а потом с родителями прямо на бахче арбузами и дынями объедались.

Максим оживился:

— А он-то где теперь? Что-нибудь знаешь о нём? Мы и о тебе только недавно хоть что-то узнали, а вот о нём ничего не слышали с тех пор.

— Всё нормально у него. Жив, здоров, окончил институт, работал на заводе. Что-то связанное с порошковой металлургией. Я точно не знаю, в подробности не вдавался. Мы с ним лет двадцать назад стали общаться, потом переписывались, созванивались. Он несколько раз приезжал в Екатеринбург по своим заводским делам и просто на праздники. Отмечали, веселились, на гитарах играли. Хороший парень, общительный, жизнерадостный, только бесшабашный немного. Был свидетелем у меня на свадьбе. Потом ушёл с завода. Там сокращения начались, и Влад в числе прочих «загремел под фанфары». Но сильно не расстроился: он хорошо в машинах разбирался, любил это дело и незадолго до увольнения открыл свою небольшую автомастерскую. Я ему даже предлагал переехать сюда и работать в моей компании: у нас небольшой автопарк со спецтехникой, и требовался хороший мастер по машинам. Но тогда почему-то не получилось.

— Он так и живёт в Оренбурге?

— Да, и он, и родители его, все там. По крайней мере, года два-три назад так и было. А потом у меня всё наперекосяк пошло. Сейчас даже не знаю, где он и что с ним.

— Понятно, а ты где работаешь? Геодезист? Ну, тогда ясно, почему на письма не отвечал и почему наш новообретённый дядюшка тебя не нашёл. Кстати, он по какой-то причине шифруется, фамилию сменил, и сейчас не Дубинин, а Гурин. А зовут, как и отца, Александр Александрович. И также настойчиво, как отец, пытается отыскать тетради Леонарда Ильина, которые, по его мнению, могут находиться у твоей матушки. Дубинин на встрече в Оренбурге настойчиво расспрашивал Валентину Леонидовну о них. Он знал, что Леонард вёл дневники, которые потом хранились в вашей семье. Да она и не отрицала этого, но сказала, что они исчезли вместе с его сыном. Гурин – Дубинин, приезжавший к

нам, всё-таки уверен в том, что часть дневников Леонарда осталась в вашей семье после исчезновения Анатолия. Что-то он явно знает, но утаивает. И мне это не понравилось: хочет получить от нас некую информацию, но сам рассказывает не всё, что ему известно об этой истории.

На той встрече твоя мать говорила, что Анатолий Ильин занимался поисками, куда-то время от времени ездил и даже, возможно, заезжал к кому-то из родственников. Может быть, он уже тогда контактировал с семьёй этих Дубининых, бывал у них, что-то рассказывал и даже оставил часть записей Леонарда? А иначе, откуда у них такая непоколебимая уверенность в том, что у вас остались некие документы твоего прадеда?

Как бы то ни было, даже если ты не видел дневников раньше, всё же поищи в доме родителей или в другом месте, где они могли их хранить.

— Хорошо, — согласился Алексей. — За последние годы я здесь всё осмотрел: и в доме, и в сарае, и на чердаке. Нашёл только личные документы родителей, квитанции, фотографии. Ничего необычного, странного нигде не обнаружил. Но придётся ещё раз проверить: я ведь хочу продать дом.

Максим забеспокоился.

— А что случилось?

— Да так, небольшие проблемы с финансами. Но я выкручусь.

— Опасно сейчас продавать, пока не найдены документы. А вдруг они где-то так припрятаны, что ты просто не можешь их найти. Допустим, закопаны в саду или во дворе. Я думаю, твоя мать понимала их ценность и могла убрать в какое-то потайное место. Ты где учился?

— В Москве. В Екатеринбурге бывал редко: учеба осенью, зимой и весной. Да и летом почти не бывал: после трёх курсов у нас была летняя практика на геодезическом полигоне, а после четвёртого — производственная практика.

— Тогда ясно. Всё сходится! Возможно, Валентина Леонидовна просто не успела рассказать тебе какие-то семейные тайны. А отец не интересовался этой историей?

— Он и слышать об этом ничего не хотел. Называл буржуйскими небылицами и бабьими сплетнями. Потому и в Оренбург на встречу с родственниками тогда не поехал.

Максим удовлетворённо подытожил:

— Понятно. Теперь я на сто процентов уверен, что Дубинины из Баку были правы. Давай разложим всё по пунктам.

Анатолий Ильин в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, уезжая куда-то на юг, взял с собой часть документов, оставшихся от Леонарда. Не думаю, что он увёз с собой что-то ценное. В то время это было слишком опасно. Вполне возможно, он мог сделать копии документов, необходимых для расследования. Уверен, что и медальон оставил. С собой мог взять его рисунок.

Твоя мать, скорее всего, знала, где находятся документы, медальон и, возможно, ещё какие-то вещи Леонарда, оставшиеся после исчезновения его сына. Думаю, что она хотела всё это тебе передать, а может и рассказать ещё что-то после твоего окончательного возвращения в Екатеринбург. А до того времени, пока ты повзрослеешь, вернёшься домой и будешь готов принять эту информацию, она всё припрятала. Но «Fors omnia versas» — «Слепой случай меняет всё». … Она погибла, и теперь ты сам должен всё найти и разобраться. Если тебе не удалось отыскать дневники, это не значит, что их нет. Пока не будет стопроцентной уверенности, что на территории дома и приусадебного участка документов нет, дом продавать нельзя.

Я тебе так скажу. В нашей семье все историки по образованию. Больших денег мы не заработали и кладов на археологических раскопках не нашли. Но помочь тебе сохранить родительский дом сможем. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока всё не прояснится с пропавшими документами. Как-то лет десять назад мы вспоминали эту историю и решили проверить сведения о семьях Дубининых и Ильиных конца девятнадцатого – начала двадцатого веков. Всё, что мы знали до этого, подтвердилось: к тысяча девятьсот семнадцатому году у них были огромные состояния. Куда они делись после революции? Непонятно. Так что история о вывозе золота Леонардом похожа на правду.

Давай сделаем так:

Я отправлю тебе информацию, которую мы смогли найти в открытых источниках: о наших семьях и о золоте, вывезенном из казанского банка в тысяча девятьсот восемнадцатом году. А ты постарайся отыскать документы Леонарда, и если вдруг найдешь, то никому не говори и не показывай. Дубинин может снова к тебе приехать, но ты и ему пока не открывайся. Скажи, что был в отъезде и ещё не искал, но намекни, что догадываешься, где могут находиться эти бумаги. Пообещай, что сообщишь позднее, если найдешь их. Надо сначала самим разобраться, что в этой истории достоверно, а что придумано и нафантазировано. А дядюшка пускай подумает, может, и расскажет нам что-то более существенное, о чём сейчас умалчивает. Я, кстати, на прощание сказал

ему, что считаю бесперспективными какие-либо попытки отыскать следы золота спустя столько лет.

— Интересно, и как он отреагировал?

— Я удивился: показалось, что он даже обиделся. И при расставании пообещал, что в следующий свой приезд представит убедительные доказательства существования клада Леонарда.

— Подождём. … А вдруг?

2024 ГОД. ЧЁРНЫЕ ПОЛОСЫ. БЕЛЫЕ ПОЛОСЫ

Круг Жизни: день – ночь, лето – зима, начало – конец.

Колесо Сансары: белая полоса – чёрная полоса, рождение – смерть.

Чёрная полоса — череда неудач, провалов и потерь. Главное — не в самих проблемах, а в том, как их принять, пережить и преодолеть. А потом и осознать: за чёрной полосой обязательно последует белая.

Победа, фортуна, благополучие. Белая полоса жизни — период успехов и везения, удач и обретений — надвигается тихо, незаметно, вкрадчиво. Всё вокруг как прежде — город и река, небо и облака. Но нет: вода уже не темнеет, а серебрится, берега не нависают, а укрывают, облака не хмурятся, а стелются. И всем вдруг становится ясно, что такой и должна быть жизнь — светлой, спокойной, беспечальной. Всё в ней складывается, сопутствует, радует. Люди улыбаются, зарплата повышается, магнитные бури утихают. Старые часы – ходики, висящие на стене в память о любимом дедушке, оживают – тикают, а ведь намертво стояли последние годы. И свободного времени становится вдруг так много, что можно посидеть в древнем уютном дедовском кресле под ходиками и поразмышлять о соседях и погоде, о деньгах и налогах, о времени и о себе.

«Золото, поиски, расследование? Какой-то странный дядя? Загадочная история вековой давности? … Что это? Легенда, вымысел, фантазии? — Алексей с детства слышал рассказы об исчезновении семейных сокровищ, но всерьёз не задумывался о возможности поисков. Правдивы ли слухи и разговоры, еще не известно. Но даже если правдивы, велика вероятность, что ценности давно уже кем-то найдены: слишком много людей, знающих о них. Ну а если предположить,

что золото до сих пор не найдено, то найти его сейчас ещё более затруднительно: за прошедшее столетие территория поисков перепланирована в результате воздействий природных явлений и человеческой деятельности. Трудно будет идентифицировать символы, указанные на медальонах и в записях Леонарда, с сооружениями, постройками и предметами на местности. Большинства из них, скорее всего, уже нет, а те, что сохранились, наверняка перестроены или реконструированы.

В конце концов, если заниматься проведением масштабных поисков, нужно отправляться в Казань и для начала пройти путь по следам Леонарда. Возможно, этим исследованиям придётся посвятить много лет, и ещё неизвестно, чем они закончатся.

Что-то слабо верится в эти голливудские страсти на фоне уральских берёзок, — думал Алексей, приступая к разбору хлама, скопившегося в сарае без заботливого хозяина. — И где ещё могут быть документы, когда всё уже осмотрено? За последние годы он не раз устраивал здесь чистки и никогда не видел незнакомых и непонятных старых блокнотов, тетрадей, записей».

Чего только не было в этом сарае, доставшемся ему вместе с родительским домом: поленницы дров, сломанная мебель, разбитые велосипеды, инструменты, мешки с песком и окаменевшим цементом, высохшие кисти, банки с просроченными красками. Аккуратные стеллажи, верстаки и тумбочки заставлены старыми ненужными вещами, которые и выбросить жалко, и хранить ни к чему. Оглядевшись и расчистив путь в дальний угол, Алексей стал укладывать всё, что когда-либо ещё может пригодиться ему или новым хозяевам дома, и выбрасывать за дверь всё окончательно устаревшее, заржавевшее и истлевшее за многие годы нахождения здесь.

А вот и старый бабушкин сундук, который вместе с остальным скарбом он с друзьями перенёс сюда с чердака перед ремонтом крыши дома. Тогда всё проверили и ничего интересного в нём не нашли. Отрезы тканей и полуистлевшие выкройки, хранившиеся бабушкой с незапамятных времён. Старый, позеленевший от времени самовар без крана. Его даже не доставали для осмотра: помят, местами пробит — никакой ремонт уже не спасёт. Жена хотела оставить сундук как раритет, но передумала: слишком громоздкий для городской квартиры. Хотели выкинуть всё сразу же, да решили вывезти грузовиком на свалку позднее вместе с остальным мусором.

«Отдам Олегу, тот сдаст как цветмет, — вспомнил Ильин непутёвого сына соседки, доставая дырявого толстяка из вороха истлевших тканей. — Точно,

надо сдать. Вес приличный. Хоть какие-то деньги. — Вытащив помятый антиквариат под полуденное солнце, осмотрел его. Крышка привязана верёвкой к ручкам, труба заткнута куском тряпки, рвавшейся при попытках извлечь её. — Истлела. Давно он лежит. Дома зацеплю проволокой. Всё равно надо идти перекусить. Там термос с чаем и котлеты тёти Клавы. Часа три уже. … Медь или латунь? Тяжёлый реликт … килограммов десять, не меньше».

Поставив самовар на стол в комнате, Алексей хотел разогреть еду, но любопытство взяло верх. Начал крючком из проволоки выковыривать истлевшую ткань из трубы. Звонок телефона прервал кропотливое занятие. Посмотрел и не стал отвечать. Постоянно кто-то пытался дозвониться с незнакомого номера. Кредиторы? Налоговая? Не до них сейчас.

Алексей устало дожевал холодные котлеты, прилёг на диван, задумался: «Продам дом. Состояние неплохое, большой сад с хозяйственными постройками, туалет во дворе, но утепленный. Тысяч пятьдесят зелёных получу, не меньше. Выплачу пеню и штрафы банкам, погашу часть кредитов. Поеду к Владику в Оренбург или к себе позову. Давно не встречались. Посидим, поговорим, былое вспомним, на гитаре поиграем, «Гусаров» споём. Надо отдохнуть, а то крыша поедет». …

… Горячее солнце ласково припекало. Он неуклюже ковылял по шелковистой траве, засыпанной опилками, спотыкался, падал и вновь поднимался. Весёлые женщины, сновавшие от стола из свежеотёсаных досок к костру и обратно, время от времени подбегали к нему и накидывали на плечи невесомый платок, пытаясь хоть немного прикрыть его от солнца. Но платок вскоре снова падал на мягкие, терпко пахнущие землёй, солнцем и летом стружки, запах которых он уже отличал от множества других запахов этого незнакомого, но красивого мира. Чёрные от солнца, сильные и ловкие мужики, сидя на срубах, шумно вразнобой стучали топорами и громко покрикивали, давая советы друг другу и остерегая проходящих внизу. Вдруг сзади что-то загрохотало, земля содрогнулась. Он оглянулся и увидел, как упавшие сверху брёвна катятся на него. Все замерли от ужаса. И только свалившийся со сруба двоюродный брат отца, дядя Гриша, стучал со злостью обухом топора по бревну и кричал:

— Да чтоб он пропал, паразит! Прибить его мало! … Родительский дом задумал продавать! …

Алексей, подскочив на диване, вытер вспотевший лоб. Громкий продолжительный стук по оконной раме привёл его в чувство.

— Приснится же такое! — Встал. Пошатываясь, подошёл к окну и протёр занавеской пыльное стекло. Из-за разросшихся кустов сирени в палисаднике перед окнами трудно было что-либо разглядеть. Да и смеркалось уже. Снова постучали, теперь в ворота. Послышались голоса. Кто-то крикнул:

— Нет здесь никого. Видишь, в доме темно. Поехали.

Стукнули двери. Машина отъехала.

— Странно, кто бы это мог быть? Никто, кроме городских соседей, не знает, что я здесь. Может, Олег? Вряд ли. Ему теперь уже не до меня.

Ильин сел за стол, вспомнил сон, устало покачал головой:

— Да, прав дядя Гриша. Мерзопакостное дело я затеял.

Выпив остывший чай из термоса, со злостью резанул ножом по верёвке, удерживавшей крышку лежащего на столе самовара. Та с глухим звоном упала на пол. Алексей оторопел: из открывшегося медного чрева торчали тетради, блокноты, туго свёрнутые в рулоны листы пожелтевшей бумаги.

«… Это же они, … те самые документы, которые более тридцати лет ищут Дубинины! … Стоп. А как же утверждение матери о том, что все бумаги пропали вместе с дедом в тысяча девятьсот пятьдесят втором году? Она ведь даже поссорилась с дядей, когда тот хотел приехать в Свердловск для их поиска. Скрывала от всех? Или сама не знала, что они где-то спрятаны …?

Точно! До встречи с родственниками, возможно, и не знала! Но после утверждений Дубинина о том, что какие-то из записей Леонарда должны были остаться в их семье, Валентина Леонидовна, скорее всего, занялась поисками и отыскала их. Тогда понятно, откуда она знала подробности жизни членов семей Дубининых и Ильиных. Что-то услышала от бабушки, Марии Николаевны. А что-то вычитала из дневников Леонарда, найденных, вероятно, после тысяча девятьсот восемьдесят девятого года.

Что же. Получается, прав Максим. Ну, на то он и историк, чтобы выстраивать логические цепочки последовательности событий. Надо позвонить, порадовать его».

Алексей осторожно вытащил из тесного вороха блокнот в твёрдом потёртом переплёте. Зашелестели выцветшие листы, исписанные мелким, аккуратным, незнакомым почерком. Вернулся к первой странице:

«Леонард Ильин.1918 год. Оренбург – Самара – Казань – Самара».

Открыл последнюю страницу:

«1919 год.

Золото, полученное Ильиным Леонардом Ивановичем в Казанском отделении Народного банка РСФСР 21 августа 1918 года …».

В потемневшей комнате стало душно и тесно.

Алексей подошёл к окну, открыл форточку и задёрнул пыльные занавески. Вышел во двор: «Быстро день пролетел. … Что же теперь делать?». Озираясь, подошёл к воротам и, оглядев пустую улицу, проверил, всё ли надёжно закрыто. Торопливо вернулся в дом и подбежал к столу.

«1919 год.

Золото, полученное Ильиным Леонардом Ивановичем в Казанском отделении Народного банка РСФСР 21 августа 1918 года.

1. Золото семьи Ильиных на сумму 2.580.000,0 (два миллиона пятьсот восемьдесят тысяч) рублей;

2. Золото семьи Дубининых на сумму 1.400.000,0 (один миллион четыреста тысяч) рублей;

3. Золото руководства КОМУЧ на сумму 1.100.000,0 (один миллион сто тысяч) рублей.

4. Золото для А. М. на сумму 1.460.000,0 (один миллион четыреста шестьдесят тысяч) рублей.

Всего 5624,4 кг (пять тысяч шестьсот двадцать четыре килограмма четыреста граммов) золотых монет в 109 ящиках на сумму 6.540.000,0 (шесть миллионов пятьсот сорок тысяч) рублей.

Вес золотых монет в стандартном банковском ящике — 51,6 кг.

Банковский стандарт — 60 (шестьдесят) тысяч золотых рублей в ящике.

В одном ящике 6 (шесть) тысяч монет достоинством по 10 (десять) рублей.

При передаче/ получении присутствовали:

1. Марьин Петр Александрович — Управляющий Казанским отделением Народного банка РСФСР.

2. Фортунатов Борис Константинович — представитель Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ).

3. Лебедев Владимир Иванович — член Военного штаба КОМУЧ.

4. Ильин Николай Сергеевич — промышленник».

Сколько просидел Алексей, перечитывая короткую запись и рассматривая лист блокнота с обеих сторон, трудно сказать.

«Пять с половиной тонн! … Это же сотни миллионов долларов!»

Ильин даже не стал считать точнее. Разболелась голова. Наверняка поднялось давление. А каптоприл он положил в аптечку два-три года назад, и тот, скорее всего, уже просрочен.

В голове не укладывалось, как такое количество золота могло исчезнуть без следа. Очевидно, что отец и сын Дубинины тридцать пять лет назад и недавно при встрече с Максимом говорили именно о нём. Ну что же, теперь есть более конкретное свидетельство правдивости истории столетней давности — вот этот листок. Известно, что Анатолий получил тетради и блокноты от матери в тысяча девятьсот сорок восьмом году, а в начале пятидесятых занялся поисками: куда-то ездил и даже, возможно, общался с кем-то из родственников. Какие-то документы он взял с собой в последнюю поездку, из которой уже не вернулся. Вероятнее всего, забрал бумаги, в которых были самые ценные сведения для поисков пропавшего золота. Похоже, что именно из-за этих записей он и пропал. Так что слишком сильно надеяться на решение старой семейной загадки после изучения найденных документов не стоит. Ну а вдруг …? По крайней мере, ни у кого из двух семей, кроме воспоминаний, кажется, ничего больше не осталось. А у него теперь есть! Надо обстоятельно изучить эти бумаги, а потом решать, что делать дальше.

«Кстати, а что такое или кто такой А.М., которому предназначалось золото на сумму один миллион четыреста шестьдесят тысяч рублей?»

Тихое постукивание по наличнику заставило вздрогнуть и прийти в себя. Алексей, не шевелясь, смотрел на занавеску, прикрывающую окно: «Да что же

такое? До этого год никому не был нужен, а теперь очередь выстроилась, чтобы ко мне постучаться. … А может, показалось? … Или голуби, … ветер?»

Громкий, продолжительный, звенящий стук по дребезжащему в старой раме стеклу дал понять, что ни птицы, ни стихия здесь не при чём.

ГЛАВА 5

1918 ГОД. ОРЕНБУРГ

Неожиданный стук в окно поздним вечером, громкий и настойчивый, растревожит любого, даже непугливого человека. Но за тёмными стёклами окон, залепленных мокрым весенним снегом, не было заметно беспокойства. Никто не выглянул на стук, ни в одной из комнат не загорелся свет. Может, и нет никого в доме?

Промозглым мартовским вечером, пробравшись по непролазной грязи, смешанной с липким снежным месивом, Леонард Ильин безуспешно пытался достучаться в окна родительского дома. Девять лет он не был в Оренбурге, и сейчас, в снежных сумерках, с трудом нашёл знакомую с детства улицу и свой дом. На первом этаже каменного особняка за высокими зарешеченными окнами когда-то размещалась контора филиала компании Ильиных. Рядом, в одной из комнат, жил его друг Кенжегали, назначенный Иваном Леонидовичем управляющим хозяйством в Оренбурге за особые заслуги перед семьёй и обосновавшийся здесь незадолго до отъезда младшего Ильина в Москву. Постучав ещё раз по наличнику, Леонард понял: его не слышат или в доме никого нет.

Уставший после долгого путешествия Бакун хмуро наблюдал за осторожными действиями товарища и рассматривал особняк солепромышленников. Массивное основательное двухэтажное здание на высоком фундаменте, с мансардами под двускатной крышей. За каменным забором темнели деревья со склонившимися под тяжестью мокрого снега ветвями.

Друзья так долго добирались из сибирской ссылки в Оренбург, что перспектива ещё какое-то время стоять в грязи под снегом привела в неистовство закоченевшего Бакуна. Поняв, что надо самому браться за дело, он снял походный рюкзак, подошёл к окнам и, громко выругавшись, забарабанил подобранной палкой по стёклам и наличникам.

В доме послышались испуганные голоса, замелькали огоньки свечей и тени на занавесках. Встревоженные домочадцы тщетно пытались рассмотреть нежданных гостей через залепленные снегом окна. За арочными воротами, гремя цепями и хрипя от беспрерывного лая, бесновались собаки. Наконец, во дворе послышался скрип открываемой двери. Кто-то шикнул на разъярённых псов, осторожно подошёл к воротам и тихо спросил:

— Кто здесь?

— Кенжегали! — узнал Леонард голос давнего приятеля и вздохнул с облегчением. — Это я, Леон.

1902 ГОД. ЗАКАСПИЙСК

Они познакомились и подружились в небольшом приморском городке, где Леонард часто бывал с родителями в далёкие безмятежные годы на стыке веков.

В тысяча девятьсот втором году он в очередной раз приехал с отцом и дядей в Закаспийск к Николаю Петровичу Дубинину, с которым Ильиных связывали не только родственные, но и деловые отношения. Семьи укрепляли сотрудничество между своими предприятиями. Расширяли производственную и коммерческую деятельность: строили дома, склады, пристани, перерабатывающие комбинаты. Поставляли продукцию не только по всей России, но и отправляли через Каспий в Баку и Персию. Оттуда привозили мануфактуру, ковры, специи.

Компаньоны старались чаще встречаться, вместе ездили не только на подписание контрактов, но и приезжали с семьями друг к другу в гости. Вот и в этот раз братья Ильины после деловых встреч в Закаспийске собирались отправиться с Дубининым в Баку, а оттуда в персидский город Энзели, куда их давно приглашали местные предприниматели. Там они планировали купить землю под выращивание хлопка и участки под строительство домов и складов.

Леонард на время их поездки оставался у Дубининых. Не скоро ему удастся снова приехать сюда. После окончания гимназии он готовился поступать в

Императорское Московское техническое училище. Николай Сергеевич Ильин, окончивший ИМТУ, перед отъездом пообещал научить его работать с геодезическими инструментами и картами. Так что эта поездка стала для Леонарда не только развлекательной, но и познавательной. К тому же дядя, желая чем-то занять племянника, придумал, как обучение можно превратить в развлечение. Показав основные приёмы работы с инструментами, он поручил с их помощью решить предложенную задачу: найти тайники в зданиях, сооружениях, мемориалах, обозначенных символами на оставленной карте.

Для Леонарда, с его беспокойным характером, задание дяди стало вызовом и проверкой. Всё оставшееся до конца лета время он и местные подростки были заняты захватывающими приключениями: поисками тайников, спрятанных в городе и окрестностях.

Три первых обнаружили относительно легко, благодаря достаточно ясным подсказкам, зашифрованным на оставленной карте. Для нахождения четвёртого тайника потребовалось больше времени и усилий: пришлось обследовать много домов, заброшенных строений, памятников и курганов. Лето близилось к концу, но найти его не удавалось. Большинство искателей приключений разъехались по домам. Только Кенжегали, сын рыбака, с которым Леонард, помимо прочего, занимался грамотой, продолжил поиски вместе с ним. Знаток окрестных мест чувствовал ответственность за нового друга и не мог оставить без помощи в незнакомом городе. А Леонарду необходимо было доказать отцу и дяде, что он может довести до конца любую порученную работу и сделать её хорошо. Ведь в скором времени ему предстояло покинуть семью и отправиться на учёбу в далёкую, незнакомую, пугающую Москву.

Друзья проверили выполненную ранее работу и, исправив допущенную при измерениях ошибку, довольно быстро нашли последний тайник с оставленными в нём сувенирами.

Чтобы разнообразить оставшиеся до отъезда Леонарда дни, Кенжегали решил показать ему Лебяжий остров и расположенный на нём посёлок рыбаков, где в одной из артелей Дубинина работал его отец.

Длинный и узкий, вытянувшийся с севера на юг на три десятка километров, покрытый пустынными растениями и на первый взгляд необитаемый остров располагался в тридцати километрах к северу от Закаспийска. Раньше рыбаки приезжали сюда только для работы и жили в сезонных строениях – времянках в небольшом селении, стихийно образовавшемся на северной стороне острова. Со временем не только рыбаки, но и местные купцы построили здесь себе дома.

Посёлок разрастался. Старые времянки переоборудовали под цеха для переработки рыбной продукции. Рядом соорудили погреба – ледники для её хранения. Покупатели рыбы и икры приезжали из Баку, Астрахани, Гурьева.

Отец Кенжегали, малограмотный, как и другие рыбаки, прекрасно знал море, бесстрашно плавал под парусами на лодках, разбирался в правилах мореходства и учил этому своего сына. Последние годы тот работал в артели с отцом. Иногда выходил в море, но в основном был занят в цехе по разделке и засолке рыбы. Только этим летом ему удалось немного отдохнуть: Дубинин поручил на время своего отъезда присмотреть за сыном и племянником. Всё-таки, он был старше их, сильнее, опытнее, да и окрестности города знал намного лучше.

На острове, куда они добрались вместе с рыбаками, Кенжегали познакомил Леонарда с братьями и сестрами, жившими и работавшими здесь. Показал посёлок, старинные и современные постройки, песчаные пляжи и отмели. Особых достопримечательностей здесь не было, кроме остовов разбитых за многие годы кораблей и памятника погибшим морякам. К вечеру приятели заметно устали и решили возвращаться в город на парусной лодке, надеясь добраться дотемна.

Хорошая погода, ясное небо, лёгкий бриз. Ничто не предвещало беды. Но вскоре после выхода в море с севера навалились чёрные тучи, скрывшие заходящее солнце. Подул сильный ветер, и его скорость стремительно нарастала. Огромные волны швыряли и крутили лодку. Её быстро относило к югу от острова. Друзья пытались противостоять напору стихии. Убрали паруса, но набирающий силу шторм всё сильнее бросал их утлое судёнышко из стороны в сторону. Берегов уже не было видно. Обессиленные подростки бросили вёсла, надели спасательные круги и, сев на дно, вычерпывали воду из лодки. Неожиданно резким порывом ветра её развернуло бортом к волнам. Она легла на бок и, захлёстнутая очередным валом, перевернулась вверх дном. Ребята уцепились за неё, уже не надеясь на спасение.

Трудно сказать, как долго их носила и терзала бушующая стихия. Наступила ночь, и ветер стих так же неожиданно, как и налетел до этого. Тучи стремительно умчались на юг. Ночное небо, усыпанное тысячами звёзд, не пугало, а успокоило друзей. Они осматривались, пытаясь определить своё местоположение. Не было видно ни огней со стороны города, ни света костров, которые обычно зажигали рыбаки на острове. Леонард хорошо плавал, но никогда не бывал в таких ситуациях и, наглотавшись воды, запаниковал. Державшийся рядом Кенжегали быстро сориентировался и крикнул, показав на

яркую звезду:

–– Нас сносит на северо-запад, а плыть надо строго на север. Вон туда, на Железный Кол.

Им чудом удалось спастись среди бушевавших волн, но появилась новая опасность: то ли течением, то ли небольшим низовым ветерком лодку несло в открытое море.

–– Леон, где-то впереди остров. Там должны быть видны огни. Смотри внимательно.

Действительно, через какое-то время они увидели всполохи костров и поняли, что их уносит в сторону от Лебяжьего острова. Оставив лодку, приятели поплыли к нему и вскоре почувствовали под ногами землю. Берег был довольно далеко, но они уже шли по дну, поняв, что оказались на отмели, оставшейся от перешейка, когда-то связывавшего остров с материком.

До берега по мелководью шли долго, и Кенжегали, стараясь подбодрить уставшего и замёрзшего товарища, рассказывал об острове и о том, как его осваивали жители близлежащих селений.

–– Здесь, на водном пути с Яика на западный берег Каспия, в старину находилось убежище одной из ватаг Степана Разина. В ту пору бунтовщики прошлись набегами и грабежами от Астрахани и Гурьева до Дербента, Баку и Персии. Говорят, что это место казачьи предводители выбрали, как одно из многих других, для хранения награбленного.

–– И долго существовало это разинское поселение?

–– Два – три года. Потом из Астрахани прибыл карательный отряд стрельцов, которые его разрушили, а мятежников казнили. Позднее людская молва разнесла слухи о спрятанных на острове кладах удалого атамана Степана Тимофеевича.

–– Так надо поискать!

–– За прошедшие годы кто только не искал. Даже мы, пацаны, пытались копать. Да где же здесь можно что-то найти? Глина да песок. К тому же уровень воды в море за сотни лет много раз поднимался и опускался. Размер и границы острова постоянно менялись. Старики говорили, что в давние времена над водой, бывало, появлялся перешеек, соединяющий остров с полуостровом Карелина. И туда можно было пройти по отмелям, а в иные годы даже и посуху. Позднее

перешеек был размыт волнами и течениями. Да и уровень моря в последние годы сильно поднялся. Теперь здесь проходят не только рыбацкие лодки, но в некоторых местах даже суда с малой осадкой. Но эти места знают только несколько человек из старожилов.

Через полчаса уставшие друзья с трудом выбрались на берег, где их уже искали рыбаки, поднятые отцом Кенжегали после начала шторма.

Долго сидели у костра, согреваясь и обсуждая своё спасение. Леонард вспомнил слова друга, услышанные в самые трудные минуты:

–– А что ты кричал про железный кол? … Или мне послышалось?

Рыбаки засмеялись, а Кенжегали объяснил, увидев удивление Леона:

–– Железный Кол. Подпорка. Темир-казык. Так у нас называют Полярную звезду. В ночном небе она всегда неподвижна при вращении остальных светил, и её сравнивают с вбитым колом, к которому тянется след золотой цепи, и вокруг которого, подобно животным на привязи, ходят звезды.

Ильины и Дубинин, вернувшиеся из Персии, не сразу узнали о случившемся. Сначала хотели наказать всех. Молодых «мореплавателей» за неоправданную самоуверенность: взялись за дело, которое и взрослым не всем по плечу. Отца Кенжегали за то, что опрометчиво доверил лодку и отпустил неопытных подростков одних в опасное плавание.

Но всё обошлось. Плохое быстро забывается, а хорошее остаётся в памяти надолго. Ильины уехали домой, поблагодарив Кенжегали и пригласив к себе в Оренбург. А Дубинин устроил его на обучение в уездное училище и взял на работу и проживание в своё имение.

После окончания училища Кенжегали работал смотрителем в перерабатывающем цехе, на складах и ледниках Дубинина. В тысяча девятьсот четырнадцатом был призван на фронт. Вернулся через три года и переехал в Оренбург, где Ильин предложил ему работу в своей компании. Николай Сергеевич часто и надолго уезжал в другие города и за границу. Ему нужен был надёжный человек, которому он мог бы доверить присмотр и охрану домов, магазинов, складов во время своего отсутствия.

1918 ГОД. ОРЕНБУРГ

Закрытые двери комнат вдоль узкого и тесного коридора, когда-то казавшегося просторным, как улица. Дом, похоже, давно не проветривался, окна с лета не открывались. Запах дыма от печи и самовара, казалось, въелся в старые стены. Душно, сыро, темно.

–– А что, электрического освещения у вас нет?

–– Было при хозяине. Да как посадили его, так мы и не включаем это ликтричество. Побаиваемся мы его, батюшка. Нам керосинка сподручнее. Да и нет никого здесь кроме меня, сторожей да кухарки. Зачем зря деньги тратить.

Старая экономка, переехавшая в Оренбург из провинциального Илецка после ареста Николая Сергеевича Ильина, чтобы следить за порядком в его опустевшем доме, проводила Леонарда с другом в комнату на втором этаже, где он жил до отъезда в Москву.

–– А где же его дочери? –– удивился Леонард, вспомнив своих троюродных сестёр.

–– В Самаре они. И младшенькая Олюшка и Елена с мужем. Выросли, разъехались. Думала, здесь их увижу, но не застала. Я ведь нянчилась с ними. Как родные они мне. А вот уж два года, почитай, не виделись.

Открыв знакомую дверь, Леонард растерялся: большой и яркий мир, где он прожил долгие годы и о котором с нежностью вспоминал в холодной ссылке, исчез. Свет лампы немного раздвинул стены маленькой комнаты, тесно заставленной старой, тяжёлой, пыльной мебелью.

Экономка, оглянувшись, понимающе покачала головой и грустно улыбнулась:

–– Это не комната стала меньше. … Это ты вырос, Лёня.

Только матушка так называла Леонарда.

–– Узнала меня, Анна Степановна?

–– Да как не узнать. Вылитый Иван Леонидович. Пропал он, горемыка. А потом и родительница ваша упокоилась. Как свечка угасла. … Всё порушилось, –– вздохнула экономка. –– Вот и дядюшку вашего, Николая Сергеевича, заарестовали. Мыкается, сердешный, в узилище.

По коридору загромыхали сапоги. Свет ламп разорвал многолетнюю пыльную темноту, звучный голос Кенжегали окончательно разбудил спящий дом.

–– Не кручинься, Степановна, всё будет хорошо. Вот Леонард Иванович вернулся, а скоро, я слышал, и хозяина из цугундера выпустят.

В начале тысяча девятьсот восемнадцатого года Россия оказалась в чрезвычайно тяжёлом финансовом положении, вызванном войной и революцией. В качестве одной из мер для преодоления назревающего кризиса большевики посчитали целесообразным введение чрезвычайного налога (контрибуции) на имущие классы.

В конце февраля из Петрограда пришла телеграмма:

«В защиту Советской власти рабочий и крестьянин жертвует всем, что у него есть – своею жизнью. Борьба требует громадных материальных средств, чего у пролетариата нет. К несению этой тяжести должна быть привлечена буржуазия. ... Приступайте к общему беспощадному обложению имущих классов. На защиту социалистического отечества рабочий несет свою жизнь, буржуазию же нужно заставить нести свои капиталы.

За Народного комиссара внутренних дел член коллегии Наркомвнудела Мартын Лацис».

На экстренном заседании оренбургского губисполкома с телеграммой ознакомили приглашённых представителей торгово-промышленных кругов. Было предложено уплатить контрибуцию добровольно, а в случае невыполнения указания – взыскать её силой, а неплательщиков заключить под стражу. Суммы требуемых выплат доходили до трёхсот тысяч рублей. Предпринимателей, несогласных с указанным решением или просто не успевших собрать в назначенный срок «революционный налог», посадили в губернскую тюрьму. Были арестованы сотни владельцев предприятий Поволжья. В числе узников оказались промышленники, купцы, пароходчики.

Николай Сергеевич Ильин также отсидел свой срок, но в заключении был недолго. В конце апреля тысяча девятьсот восемнадцатого года, после выплаты необходимой суммы и некоторых хлопот знакомых и родственников, его выпустили из застенков, но намекнули, что платить чрезвычайный налог придётся регулярно. Более того, стало известно, что предприятия местного значения могут быть национализированы решениями рабочих комитетов «в целях решительной борьбы с хозяйственной и производственной разрухой». Стихийные или карательные национализации проводились всё чаще и чаще. Даже небольшая задержка с выдачей заработной платы приводила к тому, что

местные органы или рабочие комитеты могли конфисковать предприятие у владельцев, а их самих отстранить от управления.

Николай Сергеевич понял, что продолжать работать в новых условиях он не сможет, да и не дадут ему. Нужно сворачивать деятельность компании в России и устраивать жизнь на новом месте. Благо, есть куда уезжать и чем заниматься. В начале века Ильины и Дубинины купили земельные участки для выращивания хлопка и построили дома на южном побережье Каспия, в персидском городе Энзели. Там же, в порту, стояли два торговых судна, принадлежащих их семьям. Вот туда-то и задумал перебираться Ильин. Было только одно препятствие от новой власти. Одно, но очень серьёзное и сводящее на нет все его планы.

«Надо обсудить с племянником, — размышлял Дубинин, узнавший о возвращении Леонарда. — Всё-таки он вместе с большевиками участвовал в свержении режима, вместе с ними по тюрьмам и ссылкам сроки отбывал. Неужели не сможет договориться с соратниками по борьбе, чтобы родственникам помочь? … Или не тянуть время, не ждать Леона, и сразу пойти на соглашение с его однопартийцами — самарскими эсерами, сделавшими на днях заманчивое, но рискованное предложение?»

После Февральской революции тысяча девятьсот семнадцатого года партия социалистов – революционеров (ПСР) была самой многочисленной партией России: около одного миллиона человек в её составе противостояли примерно трёмстам тысячам большевиков. Члены партии, в которой Леонард Ильин состоял с тысяча девятьсот шестого года, считали себя в большей степени победителями в многолетней борьбе, приведшей к свержению царизма, чем большевики. Но раскол и нерешительность в их рядах привели к тому, что ленинцы, придерживающиеся жёсткой дисциплины и координации в действиях, находясь в меньшинстве, взяли управление страной в свои руки.

Внутрипартийные кризисы и междоусобица эсеров, занимавших после революции руководящие посты, как в правительстве, так и в местных органах власти, отвлекали их от межпартийной борьбы и ослабляли позиции партии. Это привело к тому, что у них не было шансов противостоять большевикам. Хотя и невелики были ряды РСДРП (б) и непонятны большинству населения иноземные слова — революция, социализм, коммунизм, но все противоборствующие им силы были разобщены и иногда более враждебны друг к другу, чем к коммунистам. И обещали большевики заманчиво много — конец войне, землю, свободу, равенство, братство. Конечно, не все им верили. Многие ждали, что не выдержат Советы, развалятся. Считали их слабыми временщиками и надеялись встать у

руля разрушенной империи после поражения большевиков.

Леонард вернулся в когда-то родной, а теперь незнакомый город, как на пепелище. И оказался на распутье: ничего не осталось в Оренбурге, что бы его здесь удерживало. Ничего от прошлого не сохранилось: ни семьи, ни дома, ни друзей. Что делать дальше? Надо уезжать. Куда? Может быть, податься вместе с Бакуниным в Одессу?

Бакун родился и вырос в Твери, но не был там уже много лет и возвращаться не собирался. Говорил, что родных у него больше нет, значит, и делать там нечего. И в Оренбурге надолго задерживаться не думал. Заехал попутно с другом, хотел отдохнуть, осмотреться, заново приспособиться к городской жизни после сибирской глухомани. А потом планировал пробираться дальше, через Астрахань или Царицын в Одессу. Про вольный город ему много рассказывали сибирские сидельцы — эсеры и анархисты.

Одному ехать не хотелось, и он уговаривал Леонарда составить ему компанию. А пока тот раздумывал, сошёлся с местными анархистами и близкими к ним эсерами – максималистами, приехавшими в Поволжье из Одессы. Большинство из новых знакомых были такими же бесшабашными авантюристами, и им явно не нравились порядки, установленные здесь большевиками. Знаменитый лозунг теоретика анархизма «Разрушение — это созидание» не давало покоя, будоражило их. В Одессе, по слухам, было привольнее и вольготнее. Все разговоры сводились к одному: пора обратно в вольный город, тем более, румыны там что-то безобразничают.

Значит с Бакуниным в Одессу? … Нет! Если оставаться в России, то надо определяться, с кем и против кого. Эта смута надолго, возможно, на десятилетия. Надо всё же перебираться за границу, о чём Леонард задумывался уже в ссылке после известий из дома. На южном берегу Каспия у семей Ильиных и Дубининых были имения и хлопковые поля. Коммерсант из него вряд ли получится, но дядя поможет, научит и подскажет, как надо вести дела в новой спокойной и мирной жизни. В Энзели он никогда не был, и ехать туда в одиночку не планировал. Надо посоветоваться с Николаем Сергеевичем, а может, и его уговорить на переезд.

Встреча состоялась вскоре после освобождения дяди из недолгого заключения. Последний раз они виделись ещё в тысяча девятьсот четвёртом году. За это время две революции и война разрушили великую империю, разорили города и деревни, разметали семьи, поделили людей на своих и чужих.

Николай Сергеевич рассказал племяннику о событии, потрясшем родственников и знакомых в тысяча девятьсот одиннадцатом году — загадочном исчезновении отца Леонарда после его необъяснимого, безрассудного проигрыша. Заметил при этом, что доля вины в случившемся лежит и на нём, проглядевшем роковую зависимость брата, и на Леонарде, бросившем семью во имя революционных баталий.

Что случилось тогда с Иваном Ильиным, кому он проиграл немалые деньги и родовой особняк, так и осталось невыясненным. Куда делся после этого, также никто не знает. Немногие свидетели говорили, что выглядел он в те дни не совсем здоровым. Может, опоили его чем-то? Неясно. По одной из версий, он спустил всё в игре с заезжими гастролёрами. Те неожиданно появились в городе и так же внезапно исчезли, оставив после себя проигравшихся в пух и прах известных горожан: купцов, чиновников, военных. Хорошо ещё, что Николай Сергеевич успел выкупить выставленный на торги особняк брата. Леонард понял, что может и дальше жить в этом доме, хотя фактически он ему уже не принадлежит.

Рассказал дядя и о недавних событиях, после которых он и другие предприниматели отсидели в губернской тюрьме до тех пор, пока не уплатили назначенную сумму. Но самое опасное всех ждало впереди. Большевики искали выход для преодоления возникших финансовых трудностей. В целях борьбы с хозяйственной и производственной разрухой они рассматривали различные варианты предстоящих антикризисных мероприятий, направленных на частные компании: реквизицию, конфискацию, планомерную и полную национализацию.

Николай Сергеевич согласился с Леонардом: будущего для них здесь нет, из этого жизненного тупика надо как-то выбираться. Они с Дубининым уже обсуждали возможные варианты действий в сложившихся условиях, и тоже пришли к выводу о необходимости переезда в Персию.

— Мы хоть сейчас готовы уехать. Свяжемся с Энзели, и оттуда сразу же отправят судно, чтобы вывезти наши семьи и имущество.

— Так что же вас держит здесь до сих пор? — удивился Леонард.

— А ехать не с чем. … Ни денег, ни золота у нас больше нет.

Двенадцатого января тысяча девятьсот восемнадцатого года Высший Совет народного хозяйства РСФСР принял постановление «Об утверждении секции благородных металлов ВСНХ и об установлении казённой монополии торговли золотом и платиной», в котором говорилось:

«Изделия из золота весом более шестнадцати золотников и всё золото в сыром виде, находится ли это в руках частных лиц и учреждений, или в магазинах, ювелирных и иных мастерских, или в банковских сейфах, переходит в собственность государства с уплатой владельцам по установленной цене. … За золото в сыром виде, обнаруженное в сейфах, никакого вознаграждения не уплачивается».

С пятнадцатого января в течение месяца граждане советской России были обязаны продать Государственному банку все имеющиеся у них золотые изделия весом более шестнадцати золотников. Не сданные в этот срок предметы подлежали конфискации.

А после апрельского распоряжения о вывозе золота, серебра и денежной массы из Самары и сосредоточении их в кладовых Казанского отделения Народного банка РСФСР, туда было вывезено конфискованное золото и драгоценности семей Ильиных и Дубининых.

— Конечно, было у меня прибережено кое-что на чёрный день. Но это только малая часть от накоплений, хранившихся в банках и изъятых постановлением большевиков, — объяснил Николай Сергеевич. — Деньги, золото, ценности — всё было конфисковано. Кроме того, сейчас даже семейные активы невозможно реализовать. Мы уже не являемся полноценными хозяевами предприятий, карьеров, магазинов, складов, пароходов. Обязаны финансировать их деятельность, и сохраняем право получать прибыль. Но, только как арендаторы.

— Что же получается? — Леонард был сражён этой новостью. — Нам и за границу нет дороги? Строить жизнь на новом месте, да ещё и в чужой стране, без капиталов невозможно. Неужели нет выхода?

— Возможно, не всё ещё потеряно, — замялся дядя и рассказал о предложении, поступившем ему после освобождения из-под ареста. — Я хотел было уже всё бросить и уехать, но недавно ко мне обратились твои соратники — эсеры.

После роспуска Всероссийского Учредительного собрания в январе тысяча девятьсот восемнадцатого года во многих городах России стали формироваться антибольшевистские подпольные ячейки. В Самаре бывшие члены разогнанного Учредительного собрания, объявленные контрреволюционерами, перешли на нелегальное положение и работали в подполье. Готовясь к борьбе с большевиками, они вооружались, собирали вокруг себя единомышленников и сформировали инициативную группу впоследствии созданного Комитета членов Учредительного собрания.

Заговорщики позиционировали себя как основу будущего самарского правительства. Их поддерживали другие оппозиционные силы и офицеры Русской Императорской армии, оставшиеся без службы, работы, средств к существованию и готовые в любое время выступить против большевиков. Кроме силовой поддержки подпольщикам была необходима финансовая помощь, поэтому их представители налаживали контакты с самарскими предпринимателями, напуганными репрессиями рабоче-крестьянского государства. В случае прихода Комитета к власти им обещали либерализацию экономики, денационализацию предприятий или возмещение их стоимости. Купцы и промышленники объявили сбор средств.

Ильин понял, что надо воспользоваться последней возможностью вернуть золото, драгоценности и деньги, замороженные большевиками в банках. Он подписал договор, по которому обязался оказать финансовую помощь инициативной группе Комитета членов Учредительного собрания на сумму пятьсот тысяч рублей золотом.

В свою очередь ему гарантировали:

1. Возврат суммы финансовой помощи после свержения большевиков.

2. Возврат денег и ценностей семьи, хранившихся в Казанском отделении Народного банка РСФСР.

3. Реквизицию предприятий Ильиных с возмещением стоимости зданий, оборудования, машин, материалов и прочего имущества.

Николай Сергеевич передал первый взнос — двести пятьдесят тысяч рублей. Дать больше пока не мог: недавно уплатил двести тысяч рублей контрибуции.

— Есть надежда, что Советы скоро будут разгромлены, — подбодрил он Леонарда. — Заговорщики готовят переворот и надеются на поддержку пензенских подразделений бунтовавшего Чехословацкого корпуса.

В годы Первой мировой войны из чехов и словаков, бывших военнослужащих австро-венгерской армии, выразивших желание участвовать в войне против Германии и Австро-Венгрии в составе Русской армии, было сформировано национальное добровольческое воинское соединение — Чехословацкий корпус (легион). В начале тысяча девятьсот восемнадцатого года его решили эвакуировать из России во Францию. Но чехословацкий национальный совет опасался, что при выводе корпус может быть перехвачен немцами. Поэтому

двадцать шестого марта в Пензе было подписано соглашение, по которому предусматривалась отправка легионеров по Транссибирской железной дороге во Владивосток и далее через Тихий океан в Европу.

В апреле Германия потребовала разоружения корпуса и остановку передвижения чехословацких эшелонов на восток. Ленин поддержал призыв немцев. После подписания мирного договора между Германией и Советским правительством о выходе России из Первой мировой войны среди чехов и словаков распространились слухи, что их собираются выдать Германии и Австро-Венгрии, как бывших военнопленных. Легионеры негодовали и не верили большевикам. Таким образом, корпус был вовлечён в вооружённый конфликт. Начались столкновения с частями Красной армии.

— Так что, не всё ещё потеряно, — подбодрил помрачневшего племянника Николай Сергеевич. — В Пензе с чехами уже работают бывшие депутаты Учредительного собрания. Есть сведения, что в ближайшее время пензенская группа легионеров выступит там против Советов, а потом они и на Самару пойдут.

Но у нас есть ещё одна проблема! … Надо найти двести пятьдесят тысяч рублей, которые я должен передать КОМУЧ по подписанному договору.

ГЛАВА 6

2024 ГОД. ПРИГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГА

— Кто же там долбится?! — разозлился Алексей. — Выглянуть или не стоит? Так ведь окно высадят, дебилы.

Давно он здесь не был и ни с кем из соседей в последние годы не общался. Да и не до гостей ему сейчас. Но снова услышав глухие удары теперь уже по воротам, решил откликнуться. Видимо, кто-то во что бы то ни стало хочет достучаться до хозяев дома.

Осторожно выйдя во двор, Алексей огляделся. Темнеет. Хотел включить свет над крыльцом, но передумал. Зачем освещать себя? Ни в дверь, ни в окно никто больше не барабанил, но Ильин почувствовал, что кто-то наблюдал за ним через щели в заборе.

— Кто там?! — рявкнул он, скорее для того, чтобы подбодрить себя.

Тишина. Только собаки дружно откликнулись в соседних дворах. Ильин глянул на лежащий рядом с воротами топор.

— Я-то сосед, а вот ты кто такой? — услышал он спокойный ответ и рассмеялся от неожиданности. Голос вроде бы знакомый, но чей, вспомнить не смог. Редко бывал здесь в последнее время. Невозмутимая интонация незваного гостя за забором успокоила, и Алексей подошёл ближе. Хотел по привычке выругаться, но благоразумно сдержался:

— Пердóнэ, компанéро!

— Лёха! Ты, что ли? — весело удивился невидимый собеседник. — Ты так ругаешься или здороваешься?

«Свои, — ухмыльнулся Ильин, уже догадываясь, кто потревожил его. Отодвинув ржавую щеколду, открыл тяжёлую скрипучую дверь. — Точно он, Славка».

— Привет, бродяга! Это я так извиняюсь за свою медлительность. А ты-то как здесь оказался? И сколько же мы не виделись?

«Полысел Славик, похудел, — разглядывал Алексей давнего приятеля, жившего по соседству с незапамятных времён. — Изменился. Ну, как и я, впрочем. При случайной встрече и не узнали бы друг друга».

— Да, не было меня какое-то время, но теперь часто сюда заезжаю. Я в городе живу, а брат мой так и остался в нашем старом доме.

Алексей слышал от знакомых, что Славка вслед за старшим братом отсидел несколько сроков в колонии. Сначала за драку, потом с дружками местный магазин с бодуна обнесли, а дальше никто уже и не помнил, за что ещё.

— Ну, проходи, рассказывай. Где живёшь, с кем? Всё нормально у тебя? — улыбался растроганный воспоминаниями Ильин. — Пойдем, посидим, поговорим!

— Всё в порядке: семья, работа, квартира в городе. Мы с дочкой к брату заезжали. — Славик неожиданно заторопился. — Извини, надо её домой отвезти. … Потом увидимся, поболтаем, друзей вспомним, «Гусаров» споём. Не забыл

ещё?

— Ну что ты, это не забывается, это же наши лучшие годы. Буду ждать. … А ты зачем приходил-то? Не знал ведь, что я приехал.

— Вот потому и зашёл, что не знал. Все соседи присматривают за домом тёти Вали. Вот и я поглядываю, когда мимо прохожу. Столько лет здесь никого не было, а тут смотрю — свет в окне. Вот и решил проверить, кто там за занавесками копошится. Своровать-то в доме, наверное, и нечего, а вот поджечь бродяги или пацаны могут. Ловили мы их уже. Не от злости жгут, а по неосторожности да по пьяни.

— Ну, тогда спасибо, что не забываешь нас, — Алексей достал телефон. — Как к тебе позвонить? А то опять лет на десять – пятнадцать разбежимся.

Проводив приятеля, Алексей тщательно закрыл все двери и вернулся в дом к бумагам прадеда, понимая, что уже не заснёт до утра.

С чего бы начать? Осмотрев кипу ссохшихся документов, осторожно вытащил из середины толстую тетрадь, привлёкшую внимание надписью «МАРИЯ». Скорее всего, это записи, связанные с его прабабушкой Марией Николаевной Ильиной.

1918 ГОД. САМАРА. НИКОЛИН ДЕНЬ

Каждый год в мае Ильины и Дубинины отмечали День святого Николая Чудотворца, или Николу Вешнего. Много именинников в этот день было издавна в их семьях, что давало повод для ежегодных встреч близких и дальних родственников.

И в этом году, несмотря на драматические события, решили они отпраздновать Николин день. Заодно и отметить освобождение Николая Сергеевича из «казённого дома».

При последней встрече дядя напомнил Леонарду о семейной традиции, заметив при этом, что на праздник, кроме родственников и знакомых, приглашены представители разных партий и важные чиновники из губернских организаций и учреждений, от которых может зависеть дальнейшая работа, а возможно, и судьба Леонарда.

— Хорошо, если удастся уехать в Энзели! А если не получится? Надо тебе пытаться налаживать свою новую жизнь в этих условиях.

Леонард и раньше бывал на таких встречах, но то были другие, спокойные, патриархальные времена, когда встречались близкие люди, знакомые друг с другом с детства. В этот раз почти никого из приглашённых гостей он не знал: слишком давно уехал отсюда.

Николин день считался в их семьях особо почитаемым торжеством. И потому, что на Руси он был одним из наиболее главных церковных праздников после Пасхи, и потому, что в родах Ильиных и Дубининых из поколения в поколение передавалось имя этого святого.

Леонард пришёл на именины вместе с другом, которому в ссылке рассказывал, как у них принято николить. Веселье в этот день должно быть безудержным. Не зря в народе говорят: «На никольщину и друга зови, и недруга зови: все друзья будут». Бакунину не терпелось усесться за стол и причаститься к местным традициям, но Леонард помнил, что существует определенный, давно установленный ритуал проведения этого торжества.

Поутру хозяин дома с семейством торжественно шли в церковь, где истово молились. Считалось, что в этот день Николай Угодник особенно милостив и дарует усердно молящимся всё, что они попросят: и здоровье, и богатство, и успех в делах и промыслах. Кто-то обращался с просьбой о прощении грехов, кто-то — об исцелении недугов.

Девушки просили святого о встрече с добрым, сильным, красивым, богатым женихом. По пути из церкви присматривались, не пошлёт ли святой им какой приметы. Потом рассказывали друг другу, что увидели, и гадали, что бы это значило. Вот и сегодня они вернулись, взъерошенные от ветра с весенним дождем: — «Велика милость Божья, коли в Николин день дождик польет». Смешливой, весёлой, щебечущей стайкой перепархивали от одного стола к другому и что-то рассказывали — где шумно и весело, где загадочно шёпотом. Алексей догадался: наверное, о замеченных приметах на Николу Вешнего. Самая молодая и смешливая из стайки уже громко рассказывала Николаю Сергеевичу: — «Ольха кругом расцвела, благополучие, богатство и неожиданные деньги ожидают всех …! А может и клад кто-то найдет …!».

Девушки разносили традиционные в этот день кушанья: пироги с гречневой кашей, яичницу, горячий хлеб. И водку подавали с поклонами, шутками и поговорками. К Леонарду подошла с угощениями та – озорная, которой он невольно и неожиданно для себя залюбовался. С поклоном и улыбкой тихо и нараспев заговорила:

— Да хранит вас, Леонард Иванович, Никола многомилостивый! От бури, от холода, от голода, от тычков – пинков, от ружья, от искры сохранит трескучей, от огня палящего, сохранит в бою с неприятелем.

Взглянул на неё Леонард и замер: «Значит, не зря я вернулся сюда». …

И разошлись тучи, и солнце заискрилось на мокрых от дождя окнах, и забылись войны и революции, и не было Сибири с её лютыми морозами. В памяти всплыли строки поэта – символиста, необычайно популярного в студенческие годы:

«… И вся она была легка,

Как тихий сон, – как сон безгрешна,

И речь её была сладка,

Как нежный смех, – как смех утешна.

И не желать бы мне иной!

Но я под сенью злого древа

Заснул… проснулся, – предо мной

Стояла и смеялась Ева…».

— Откуда знаешь меня, Ева?

Наклонила голову, посмотрела лукаво, засмеялась и убежала с подружками, о чём-то весело шепчась.

Бакунин хмыкнул в ухо:

— Вижу, одному мне придётся ехать в Одессу!

Он наконец-то исполнил свою мечту и отпраздновал всё, что пропустил за годы ссылки — наниколился, как говорили в этот день. Вспомнил рассказы Леонарда о том, что выпивка в этот день приближает к святому Николаю, и что считается даже неприличным не упиться в этот день. Это так понравилось Бакунину, что он быстрее всех «приблизился» к святому. Без церемоний перезнакомился с гостями, весело и шумно поучаствовал в традиционных для этого дня танцах, хороводах и играх.

Вернулся к Леонарду с новостью, что девушку, с которой тот не сводил глаз, зовут Мария. Это младшая дочь дальнего родственника Ильиных, рыбопромышленника Николая Петровича Дубинина, к которому Леонард с родителями часто приезжал в детстве и дружил с его старшим сыном Петром.

Леон вспомнил, что видел Машу, двухлетнюю сестру друга, когда в последний раз приезжал к ним в гости летом тысяча девятьсот второго года.

Бакунин продолжил:

— К тому же у неё есть давний поклонник. Некий Фомин. На год старше нас. Из семьи рыбака, образование — два класса. С тысяча девятьсот седьмого года жил в Оренбурге, учился на рабочих курсах, работал слесарем на шахте Ильина, потом на механическом заводе. Там увлекся революционными идеями, возглавил один из оренбургских рабочих комитетов, принимал участие в забастовках. В тысяча девятьсот десятом году вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). За революционную деятельность неоднократно арестовывался.

Леонард удивился:

— Откуда такая подробная информация? И когда ты успел? Танцевал, пил и веселился больше всех. От сестры моей троюродной не отходил.

— Всё ты в жизни ваших семей пропустил, — засмеялся Бакунин. — Я теперь больше тебя знаю биографии твоих родственников. Ну, по крайней мере, младших.

— Тогда поделись. Я ведь, как и ты, и многие наши сверстники, уехал из дома много лет назад и всё, что случилось здесь, прошло мимо меня. Мы с тобой строили планы на светлое будущее и мечтали о построении Трудовой Республики на руинах империи. А вернулись на руины родных стен.

— Некстати приуныл ты, Леон. Сам же рассказывал, что в Николин день грустить нельзя. Послушай лучше об ухажёре Марии. В тысяча девятьсот пятнадцатом был сослан на три года в Сибирь, где и находился до семнадцатого года. — Бакунин усмехнулся. — С одной стороны, наш соратник по борьбе, сибирский этапник. С другой стороны, идейный противник, большевик, а теперь уже и соперник.

— Рассказывай дальше. Просто поклонник или что-то серьёзнее?

— Здесь все о нём знают: уж больно напорист и настырен он. А мне рассказала Ольга, твоя сестра. Они с Марией ровесницы и лучшие подруги. Вместе учились

в Оренбургской частной женской гимназии. Поэтому и знает о ней больше других. Фомин ещё до революции пытался оказывать внимание дочери Дубинина, когда та училась в гимназии и жила в доме Ильиных. Но она тогда была ещё достаточно молода, да и Николай Петрович не считал его достойным претендентом на её руку. А вот после революции Фомин, став представителем новой власти, уже более настойчиво ухаживал за Марией. Дубинин, как и другие предприниматели, зависящий от прихотей новой власти, не решался прямо отказать Фомину в его притязаниях, но и согласия не давал. Хотя ответ дать всё же придётся. Фомин постоянно напоминает, что конфискации, реквизиции, контрибуции, вводимые Советами в постоянную практику, пустят Дубинина по миру, и только он может защитить его от разорения. Даже освобождение из-под ареста твоего дяди, дальнего родственника Дубининых, Фомин ставит себе в заслугу. А недавно и Николай Петрович оказался под арестом за неуплату контрибуции. Так что, теперь судьба отца Марии зависит и от неё.

После обеда появился Фомин. Хозяин дома представил нового гостя присутствующим, и Леонард узнал его. Летом тысяча девятьсот второго года они вместе с другими подростками приморского городка участвовали в поиске тайников — игре, придуманной для детей родителями перед отъездом в Персию. Шестнадцать лет прошло, человек изменился, но набыченный, пристально изучающий взгляд исподлобья остался.

Фомин надолго не задержался, поздравил именинника с праздником, поговорил о чём-то с Марией, сослался на занятость и ушёл. Ничем не примечательный серый человек с холодным, тяжёлым взглядом, заметил Леонард. И ещё ему показалось, что этот странный персонаж знает о нём больше, чем просто как о родственнике хозяина дома.

Ближе к вечеру появились ещё несколько гостей. Расположились в дальнем углу зала, стараясь не привлекать к себе внимания, и о чём-то долго разговаривали с именинником. Было видно, встреча с ними важна для старшего Ильина. Скоро Леонард заметил, что один из собеседников присматривался к нему.

Подошёл дядя и с удивлением обратился к племяннику:

— Наш гость сказал, что вы с ним, оказывается, давние приятели, и хочет о чём-то поговорить.

Леонард направился к незнакомцам. Один из них поднялся и шагнул навстречу.

«Да это же Борис Фортунатов! Товарищ из далёких бунтарских огненных лет студенческих протестов, демонстраций, столкновений с полицией».

Они познакомились в тысяча девятьсот шестом году после вступления Леонарда в партию социалистов – революционеров, одну из крупнейших политических сил Российской империи. Фортунатов был старше Ильина всего на два года, но уже считался одним из видных активистов этой партии в Москве. Участвовал в забастовках и баррикадных боях тысяча девятьсот пятого года, пять раз был арестован, дважды ранен.

После тех событий шквал антиправительственных выступлений учащейся молодёжи охватил города России. Студенты и школьники заявили о поддержке рабочих, проведении стачек и прекращении занятий. Они требовали реформ университетского и школьного образования, создания демократической системы самоуправления в учебных заведениях.

Соратники по протестным акциям, Ильин в Императорском высшем техническом училище и Фортунатов в Московском университете, вели пропагандистскую работу среди студенчества, продвигая идеи перехода к демократическому социализму. Эсеры, как одни из вдохновителей этих акций, считали своей целью свержение самодержавия и установление демократической республики, а террор — частью своей политики для достижения этой цели.

В год основания ПСР была создана её боевая организация, занимающаяся подготовкой и проведением экспроприаций, террористических актов и покушений на чиновников и видных деятелей действующего режима. В октябре тысяча девятьсот шестого года из основного состава ПСР отделилась наиболее радикальная часть эсеров, образовавших новую партию — Союз социалистов – революционеров – максималистов (ССРМ), в которую вошёл Леонард Ильин. Своей целью максималисты поставили переход к социализму с передачей земли, заводов и фабрик крестьянским и рабочим трудовым коллективам. От митингов и забастовок максималисты перешли к нелегальным и радикальным методам.

Леонард принимал активное участие в силовых акциях партии, таких как ограбление Московского общества взаимного кредита в марте тысяча девятьсот шестого года и налёт на карету помощника казначея Петербургской портовой таможни в октябре того же года.

Пути студентов однопартийцев разошлись в тысяча девятьсот седьмом году, когда Ильин перешёл на нелегальное положение после серии громких экспроприаций в Москве и Петербурге, а Фортунатов был выслан за границу.

И вот судьба снова свела их. Случайно ли?

— Леон! Вот так встреча! А я, познакомившись с Николаем Сергеевичем, думал, что вы однофамильцы, но когда услышал имя, тут уж все сомнения отпали. Тот самый Леонард Ильин из компании молодых и дерзких романтиков боевой ячейки социал – революционеров.

Фортунатов отвёл Леона к отдельному столику в углу зала. Удивлённо рассматривая товарища по баррикадным баталиям времён бурной молодости, продолжил:

— Думал, никого из вас уже не увижу. Бомбы, револьверы, репрессии. Мало кто из тех восемнадцатилетних бунтовщиков в живых остался.

Леонард улыбнулся:

— В ссылке оказался, вот и жив. Хотя, и там много наших сгинуло.

— Наслышан. Кое-что знаю о вас, навёл справки, когда мне передали, что вы приехали в Самару. В Иркутской губернии отбывали ссылку?

— Да. А что, знакомые места?

— Нет, — засмеялся Фортунатов. — Меня в другую сторону отправили, в Европу. Но вот некоторые мои знакомые побывали в тех краях примерно в то же самое время, что и вы. Вера Брауде. Знаете такую или, может, что-то слышали о ней?

— Вера? — удивился Леонард. — Да, вместе с нами была в Манзурке. Но её досрочно освободили в связи с беременностью. Это, возможно, и спасло её: слишком уж агрессивно вела себя, а там неуживчивые люди долго не живут. Говорили, что она уже в гимназии занималась антиправительственной деятельностью с друзьями из РСДРП. Но вот в ссылке от других большевиков отличалась. Те спокойнее были, рассудительнее. Работали, местным жителям помогали, лечили, просвещали. А она постоянно вступала в конфликты с местными властями и с уголовниками. Всё пыталась стравить нас с ними. На меня злилась после того, как в одной из стычек я отобрал у неё револьвер и не дал пристрелить одного из урок. Слышал, что до ссылки Вера была в эмиграции, там с Лениным познакомилась. Интересно, где она сейчас? Если в живых осталась, то с такой неукротимой энергией наверняка высоко поднялась. Где-то в столице уже?

— Интересная характеристика, — усмехнулся Фортунатов. — Но, судя по её жизни после ссылки, вы правы.

— Что, и вы с ней столкнулись? Неужели жива? С её-то характером.

— Жива, здорова. Одной из первых вернулась из ссылки: в начале марта семнадцатого года подпала под амнистию. Родственники добивались её досрочного освобождения. К тому же произошла Февральская революция. Родила дочку, оставила её у родителей и снова занялась революционной работой, но теперь уже в рядах нашей партии.

— Она же большевичка, соратница Ленина?! — удивился Ильин. — Рассказывала нам, что была выслана в Сибирь на три года за участие в группе казанских и самарских большевиков и активную пораженческую агитацию против войны. Когда успела перековаться?

— И мне странно. Более того, уже в апреле была выбрана секретарём Казанской организации эсеров – интернационалистов и максималистов.

— Загадочные перемены, — Леонард вопросительно посмотрел на Фортунатова. — И что бы это значило?

— Есть у меня кое-какие сведения, но об этом как-нибудь позднее поговорим. Надеюсь, вы, в отличие от Веры, партийную принадлежность не меняли. Если так, то мы встретимся, думаю, ещё не раз. Чем дальше заниматься будете, пока не решили?

Фортунатова интересовали планы Леонарда на будущее. Собирался ли он продолжать борьбу, но теперь уже с нынешней властью, как решили эсеры после разгона большевиками Учредительного собрания? Или же решил отойти от политических баталий, обзавестись семьёй (Фортунатов заметил взаимную симпатию Леона и Марии) и продолжить дело династии солепромышленников Ильиных?

Леонард пока ещё не понимал, с какой целью Фортунатов появился в Поволжье, но догадывался, что такой деятельный человек не мог приехать из Петербурга без какой-то определённой задачи.

— Вряд ли. Не думаю, что из меня выйдет толковый предприниматель. Да и большевики не дадут. Со временем реквизируют всё, и если к стенке не поставят, то опять в Сибирь. Бакун вот в Одессу зовёт, — кивнул он в сторону друга.

— Бакунин? Это же боевик из Московской группы анархистов – коммунистов, — вспомнил Фортунатов прозвище друга Леонарда. — Ваш подельник по акции, которую в прессе окрестили «ограблением века». Помню, помню. Экспроприация

Московского купеческого общества.

Леонард улыбнулся:

— Ну, мы тогда молодые были, только начинали, в основном на подхвате. Но и это зачлось нам в приговоре. Потом вместе сибирские университеты проходили и о великих свершениях мечтали.

— Так великие дела сейчас именно в Поволжье и начинаются, — придвинулся Фортунатов. — Если вы судьбой страны обеспокоены, то она в большой степени здесь будет решаться. И ехать отсюда куда-то для борьбы за новую Россию абсурдно.

Он помнил друзей, как бескомпромиссных и отважных борцов с царским режимом. В студенческие годы они наделали много шума, как участники прогремевших на всю страну террористических акций и экспроприаций. И теперь партии снова нужны такие решительные, азартные, надёжные боевики, как Бакунин и Ильин.

— Подумайте. Если вам хочется приключений, то вперёд, в Одессу. Если же решите бороться с большевиками вместе с нами, найдите меня через Николая Сергеевича.

2024 ГОД. ПРИГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГА

В одной из комнат опустевшего дома, разложив на столе под абажуром найденные документы, Алексей внимательно рассматривал их и фотографировал. Потом осторожно, стараясь не повредить, раскладывал в папки по датам, фамилиям, городам, подписанным на титульных листах найденных тетрадей и блокнотов. Тетрадь с надписью «МАРИЯ» он положил в папку, которую подписал: «Прочитано частично. Скопировано».

Фотографии просмотренных страниц решил отправить в Казань утром: «Поздно уже. Зачем беспокоить людей на ночь глядя. Разволнуются историки, увидев записи из далёкого прошлого».

Затолкав опустевший самовар под старый журнальный столик, достал из рюкзака ноутбук и устроился на диване. Извещения и письма от банков, налоговой инспекции, недовольных клиентов и прочих недоброжелателей привычно пропустил. А вот и знакомое имя. Сообщение от Максима с приложенными файлами: «Отправляю найденные в архивах и в сети копии

документов и иную информацию об интересующих нас событиях тысяча девятьсот восемнадцатого года».

ГЛАВА 7

1918 ГОД. МЯТЕЖ ЭСЕРОВ

К весне тысяча девятьсот восемнадцатого года советская власть в Поволжье и Прикаспии была слаба и неустойчива. В местных Советах зачастую находились случайные люди, избранные на свои посты либо за взятки и безответственные обещания, либо просто от равнодушия и безразличия избирателей, уставших и напуганных последними событиями. Контрреволюционные силы ушли в подполье и никак себя не проявляли. Одним из центров таких сил в виде эсеро – монархического альянса стала Самара.

Борис Фортунатов и другие видные самарские эсеры — Брушвит, Климушкин, Вольский, перешедшие на нелегальное положение после роспуска Учредительного собрания и объявленные контрреволюционерами, — готовились к антибольшевистскому выступлению. Они создали инициативную группу сформированного впоследствии Комитета членов Учредительного собрания и позиционировали себя как основу будущего самарского правительства.

Для проведения восстания эсерам была необходима поддержка вооружённых формирований. После революции по всей стране создавались антибольшевистские подпольные ячейки. Эсеры установили связь с одной из них — организацией подполковника Галкина. В то время в Самаре проживало около пяти тысяч офицеров Русской Императорской армии. Но в группе Галкина насчитывалось не более двухсот человек: офицеры и учащаяся молодежь. Необходимо было заручиться поддержкой более многочисленных и подготовленных к предстоящим боям вооружённых отрядов.

В конце мая легионеры Чехословацкого корпуса, ожидающие отправки по Транссибирской магистрали во Владивосток, захватили Пензу. Вскоре части корпуса двинулись к Самаре. К ним навстречу отправились представители инициативной группы эсеров с планом города для координации совместных

действий в предстоящих боях за него. В ночь на восьмое июня мятежники почти беспрепятственно заняли Самару. Где-то на окраинах слышались одиночные выстрелы и взрывы гранат, но к утру всё стихло. Как выяснилось позднее, члены подполья заранее знали о подходе чехов и выставили на их пути свои вооруженные пикеты, которые и вступили в перестрелку с проснувшимися большевиками.

Белочехов, как их называли большевики, в Самаре встречали члены распущенного Учредительного собрания. Здесь они создали своё новое правительство — Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ). Борис Фортунатов, как активный участник антибольшевистского подполья, вошёл в его состав.

Девятого июня на совещании банкиров и представителей торгово-промышленных кругов КОМУЧ объявил об отмене национализации: «В области финансово-экономической отменяются национализация банков, торговли, промышленности, финансов и вообще всякие стеснения личной инициативы и предприимчивости. Частный торгово-промышленный аппарат должен быть восстановлен. Власть будет работать в контакте со сведущими лицами и специалистами дела».

Владельцам «отобранных предприятий» КОМУЧ обещал возмещение стоимости «…захваченных материалов и полуфабрикатов, происшедших от порчи машин и прочего имущества предприятия».

Купечество, банкиры, промышленники поддержали действия КОМУЧ и по подписным листам собрали для него тридцать миллионов рублей. Двадцать пятого июня предприниматели Самары провели совещание, на котором приняли решение о постоянной финансовой помощи Комитету.

В день захвата белочехами Самары КОМУЧ сообщил о создании Народной армии и о наборе добровольцев в неё. Чехи не собирались надолго задерживаться здесь, у них был свой план действий, и к тому же вокруг города сосредотачивались немалые силы красных.

На собрании офицеров был поставлен вопрос о том, кто возглавит и поведет за собой части создаваемой Народной армии. Желающих занять этот пост не было из-за малочисленности добровольных формирований. Вызвался только подполковник Владимир Оскарович Каппель, состоявший до этого на службе в Приволжском военном округе. Штабной работник, в боевых действиях Красной армии не участвовал. Как убежденный монархист, считал борьбу с большевизмом главной задачей своей жизни.

Одиннадцатого июня 1-я Самарская добровольческая дружина, переброшенная по железной дороге в Сызрань, молниеносной атакой захватила её. За эту победу приказом КОМУЧ Каппель был произведён в полковники.

Тринадцатого июня тысяча девятьсот восемнадцатого года командующим Восточным фронтом Рабоче-крестьянской Красной армии был назначен Михаил Артемьевич Муравьёв, командовавший до этого войсками на Украине, а потом — в так называемой Одесской Советской Республике. Прославился, в основном, массовыми расправами над офицерами и прочей «буржуазией». «Человек, хотевший стать Наполеоном», как впоследствии Тухачевский характеризовал Муравьёва. Отряды красногвардейцев, набираемые в тех краях, в значительной мере состояли из людей с криминальным прошлым. Бойцами Муравьёва, которых привлекала возможность безнаказанно нападать, арестовывать, грабить, в Киеве и Одессе были убиты тысячи человек.

Пятого июля на V Всероссийском съезде Советов, проходившем в Москве, левые эсеры выступили против большевиков, заклеймили их как предателей идей революции, призвали к отмене Брест - Литовского договора и объявлению войны Германии. На следующий день левые эсеры Андреев и Блюмкин застрелили немецкого посла графа Мирбаха с целью разрыва российско – германских отношений.

Левые эсеры, мечтавшие превратить Гражданскую войну в «империалистическую», снова не сумели взять власть силой и террором: седьмого июля мятеж был подавлен. Их делегатов, как и представителей остальных партий, кроме большевиков, арестовали, а нескольких наиболее активных участников расстреляли. Партия левых эсеров была объявлена вне закона.

Восьмого июля новый командующий Восточным фронтом Красной армии, левый эсер Михаил Муравьёв получил телеграмму из Москвы о восстании эсеров и убийстве ими германского посла.

В тот же день Фортунатов отправил своих делегатов в Казань для ведения переговоров о совместных действиях эсеров, анархистов и восставшего Чехословацкого корпуса против Советов. В числе отправившихся к Муравьёву переговорщиков был и друг Леонарда Ильина анархист Александр Бакун, твёрдо решивший бороться с новой бедой России — большевиками.

В Самаре среди эсеров и анархистов ходили легенды о Муравьёве — храбром борце с буржуазией, беспощадном к врагам революции. Под его руководством части Южной группы войск в январе вошли в Киев и установили там режим

террора. Накануне взятия украинской столицы Муравьёв говорил соратникам: «Знаете, как я буду брать Киев, я возьму анархистов, дам им бомбы, кинжалы — они войдут в город ночью и будут всех резать. … Наше задание — взять Киев… Вы много страдали, но они кровью ответят за ваши страдания…. Дайте только добраться до Киева. Если понадобится — камня на камне не оставлю в Киеве. Жителей не жалеть, они нас не жалели, терпели хозяйничанье гайдамаков… Нечего бояться кровопускания: кто не с нами — тот против нас».

Рассказывали, что в Киеве и Одессе он калёным железом выжег всю местную «буржуазную сволочь» — монархистов, гайдамаков, офицеров. На предпринимателей наложил многомиллионную контрибуцию на содержание Рабоче-крестьянской Красной армии. При этом своим бойцам не мешал вольно жить и гулять. Непримиримый противник «украинизации», называвший украинцев предателями – мазепинцами, Муравьёв был сторонником лозунга «Россия единая, великая и неделимая». По улицам ездили грузовики с плакатами «Смерть украинцам!». Говорить на украинском языке стало опасно.

Бакунин предлагал и Леонарду вспомнить былые времена и присоединиться к заговорщикам. Но тот отказался: слышал в ссылке от анархистов и эсеров рассказы о том, как отряды Муравьёва бесчинствовали в Полтаве, Киеве и Одессе, как его подчиненные расстреливали, рубили и сжигали в судовых топках арестованных белогвардейцев.

Ильин понимал, что Фортунатову любой ценой нужна победа над большевиками в Поволжье, и ради неё он был готов вступить в сговор с любой, даже самой гнусной нечистью.

— С тёмными силами опасно заключать союз, — пытался отговорить Бакунина от поездки к Муравьёву Леонард. Но тот лишь хохотал над предупреждениями товарища.

По разработанному Каппелем плану перед наступлением на Симбирск предполагалось освободить от красных близлежащие города, чтобы не получить удар в тыл, не попасть в окружение, и заодно отбросить противника подальше от Самары. Отряд Каппеля наступал на Симбирск с юга от Сызрани, отряды белочехов — со стороны ранее занятого Мелекесса.

Муравьёв называл себя левым эсером, хотя формально в партию не вступал. Фортунатов знал его с декабря тысяча девятьсот семнадцатого года и надеялся договориться о выработке совместной тактики. Он дал поручение своим переговорщикам попытаться сдержать импульсивного и вспыльчивого

командующего от несогласованных действий. Было бы хорошо ударить по Симбирску одновременно: с севера полками Муравьёва, а с юга — отрядами Каппеля и чехословаков.

Десятого июля Каппель снова взял отбитую красными Сызрань, а шестнадцатого июля — Мелекесс, отбросив части красных под Симбирск. Туда же ранее бежали члены Самарского революционного комитета под руководством Куйбышева. Каппель готовился к наступлению на Симбирск. Фортунатов ждал из Казани ответа командарма на предложенный план совместных действий.

Но Муравьёв решил сделать всё по-своему: он Главком армии, глава Поволжья, и в Симбирск войдет, как входил в Киев и Одессу. Приказав перебросить часть красных отрядов из Симбирска в Бугульму, в ночь на десятое июля Муравьёв с двумя полками погрузился на пароходы и направился в Симбирск. Во время плавания его сопровождали телохранители — вооруженные бойцы, больше похожие на бандитов: русские, латыши, татары, черкесы, китайцы. Певицы – шансонетки всё недолгое плавание развлекали весёлую пьяную компанию танцами и песенками фривольного содержания.

Перед отплытием командующий дал телеграмму в штаб Симбирской группы войск о своём прибытии на следующий день. Обстановка в городе обострялась с каждым часом: отряды белочехов и Каппеля продвигались вверх по Волге. Красные в Симбирске ожидали прибытия главкома с войсками как спасения. Надеялись на коренной перелом в ходе боевых действий, ждали начала решительного наступления и освобождения территорий, захваченных Народной армией.

Одиннадцатого июля отряд Муравьёва прибыл в Симбирск. Его встретили на пристани с оркестром, салютом и приветственными речами. После всеобщего ликования солдаты и матросы разбрелись по городу, размещаясь на постой, кто где смог. Ни городские власти, ни командарм Тухачевский ещё ничего не подозревали, а Муравьёв уже приступил к решительным действиям. По его приказу были заняты почта и телеграф, арестованы руководители местных коммунистических органов, члены городского совета, губисполкома, ЧК, командарм и политкомиссар красных.

Муравьёв собрал местных эсеров и зачитал свою программу, в которой объявил себя Главкомом армии, действующей против Германии, и призвал к созданию Поволжской Советской Республики во главе с левыми эсерами. Тут же разослал телеграммы «Совнаркому и всем начальникам отрядов» о разрыве позорного Брест – Литовского мирного договора и об объявлении войны Германии. Отдал

приказы войскам Восточного фронта и чехословацкого корпуса двигаться дальше на запад для противодействия германским войскам.

Ленин и Троцкий объявили его изменником, которого «всякий честный гражданин обязан застрелить на месте».

Вечером Муравьёв с группой левых эсеров и охраной прибыл на чрезвычайное заседание губисполкома с требованием отдать ему власть. Там же он намеревался официально объявить о своих решениях, приказах и изложить свою «программу». К началу экстренного заседания его уже ждали освобождённые военные и руководители местной власти, готовые арестовать или ликвидировать мятежного главкома. Когда он появился, личную охрану незаметно оттеснили, а здание губисполкома окружили латышские стрелки и отряд бронедивизиона.

Во время совещания местные эсеры выступили за одобрение решений Муравьёва, но большевики отказались его поддержать, назвав авантюристом. После горячих споров разъярённый главком направился к выходу, но был остановлен солдатами, объявившими об его аресте. Муравьев понял, что попал в засаду, но было поздно. Его застрелили при попытке оказать сопротивление.

В городе начались облавы на прибывших мятежников. Большинство из них не стали сопротивляться и перешли на сторону красных. Особо рьяные приверженцы самозваного вождя, не согласившиеся сдаться, погибли в завязавшихся на улицах стычках. Раненых и арестованных на следующий день отправили в Казань на тех же пароходах, на которых они прибыли в Симбирск. Их судьбу должна была решить Казанская Губернская Чрезвычайная Комиссия.

1918 ГОД. ЗАСТЫВШИЕ СЛЁЗЫ БОГОВ

В эти дни в Оренбурге Леонард Ильин вдруг остался в одиночестве. Бакунин с эсерами и анархистами отправился в поход на Симбирск и пропал. Николай Сергеевич перевёл Кенжегали в Гурьев, экономку — к дочери в Самару, а сам постоянно пропадал на собраниях Самарского общества фабрикантов и заводчиков, где решался вопрос финансирования деятельности КОМУЧ. Пётр Дубинин с сестрой, очаровавшей Леона на именинах дяди, тоже не давали знать о себе.

Запала в душу Леонарду озорная смешливая девушка. Но как неожиданно она появилась в его жизни, так же быстро исчезла. Упорхнула, улетела, пока он

разговаривал с Фортунатовым. Бакунин перед отъездом рассказал, что она и её брат пытались собрать двести тысяч рублей для освобождения отца, арестованного за невыплату «революционного налога».

Ольга Ильина, неожиданно приехавшая из Самары, подтвердила: Мария и Пётр искали возможность получить в банке хотя бы часть семейного капитала, изъятого по декрету большевиков. Но сестра обратилась к Леону по другому поводу. Фомин неожиданно назначил Николаю Сергеевичу и Марии встречу, на которой хотел им что-то сообщить. Ольга боялась этого опасного, как ей казалось, человека, зачастившего в последнее время в их дом, и решила на всякий случай пригласить троюродного брата. Она заметила, как на прошедших именинах он не сводил глаз с подруги, и решила, что его присутствие на этой встрече будет нелишним.

В доме Ильиных в Самаре, где Мария гостила у подруги, Леонард вновь встретился с девушкой, растревожившей его очерствевшее сердце и вскружившей его безрассудную голову. Ольга, организовавшая эту встречу, оставила их наедине и осторожно прикрыла дверь, увидев, как суровый бунтарь и заговорщик, робея и краснея от случайных прикосновений, тихо заговорил о чём-то с её ещё более взволнованной подругой.

А Леон рассказывал о беззаботных днях летних каникул, проведенных на берегу Каспийского моря с её братом и дружной компанией сверстников в далёком тысяча девятьсот втором году. Вспоминал, как морозными сибирскими ночами снились ему горячий ветер, обжигающий песок и ухоженная зелёная лужайка перед приветливым домом семьи Дубининых.

Мария счастливо улыбалась. Всё так и осталось: и море, и лужайка, и горячий ветер. Только родовое поместье уже не узнать. В тысяча девятьсот восьмом году всё было перестроено, но стало ещё красивее и уютнее. После рождения её младшего брата за домом был высажен сад, а к дому пристроены два флигеля — один для неё, другой для новорожденного. А на фронтоне мезонина над домом красным кирпичом выложена дата рождения малыша. Очень символично.

Вернувшись через полчаса, Ольга увидела, как Леон и Маша всё так же полушёпотом разговаривают, с нежностью глядя друг на друга.

На лестнице внизу послышались шум и голоса. Приехали хозяин дома с гостем.

Разговор Николая Сергеевича и Фомина проходил в гостиной в присутствии Марии и Ольги. Леонард к приехавшим не вышел, остался в соседней комнате и

слышал всё через приоткрытую дверь.

Фомин торопился, волновался и заверил всех, что не задержит их надолго. Ему предложили новую должность в Казанской Губернской Чрезвычайной Комиссии. И он пришёл в этот дом с надеждой уговорить Марию на переезд с ним, а Николая Сергеевича, как её родственника, дать на это своё согласие.

Ильин с удивлением посмотрел на племянницу, пока ещё не понимая её отношения к этому предложению. Но она молчала, и он, немного помявшись, уклонился от прямого ответа:

— Как дальний родственник, я не могу что-то советовать по столь ответственному вопросу, — и добавил, недоуменно и растеряно глядя на Марию и Фомина. — Может быть, лучше не торопиться, подождать освобождения отца и решать этот вопрос уже с ним?

— Что ж, — понимающе кивнул Фомин, — я знаю, в каком положении сейчас находится Николай Петрович. Возможно, в Казани мне будет легче содействовать его освобождению. Но деньги собрать всё-таки нужно. Большевики принципиально относятся к вопросу выплаты контрибуции. Это не местная инициатива, а выполнение директивы Наркомата внутренних дел об «общем беспощадном обложении имущих классов». Здесь родственные связи или знакомства без оплаты «революционного налога» не помогут, а только навредят.

Озадаченный Ильин пообещал найти деньги и предложил встретиться всем вместе для разговора уже после освобождения Дубинина.

После отъезда Фомина Леонард вышел в гостиную. Николай Сергеевич не удивился появлению племянника, он сам предложил Ольге пригласить его на эту встречу. Во-первых, заметил взаимную симпатию Марии и Леонарда и надеялся, что племянник также примет участие в оказании помощи семье Дубининых. А во-вторых, Леонард был нужен ему для решения вопроса о возврате денег и ценностей Ильиных из банка Казани. Помочь в этом могли только эсеры, готовившие вооружённое выступление против Советов. Фортунатов поручил Ильину уговорить племянника отправиться в Казань для помощи заговорщикам, готовящимся сорвать эвакуацию золотого запаса.

— Слышал его! — возмущённо воскликнул Николай Сергеевич. — Экий нахал! Поганой метлой бы его отсюда, да не наше сейчас время.

Ильиных удивила спокойная реакция Марии на предложение Фомина. Неужели она согласна ехать с ним только из расчёта на помощь в освобождении отца? Но ведь чекист откровенно признался, что без выплаты контрибуции большевики Дубинина не выпустят. Николай Сергеевич пытался понять дочь родственника и выяснить, что она задумала.

— Сейчас нет смысла торопиться, нужно успокоиться и решить, как собрать необходимую сумму. Неужели у Петра Николаевича не осталось денег, золота, драгоценностей?

— Я никогда не вмешивалась и не вникала в дела папы, — объяснила Мария. Да он и не подпускал к ним. Петра только после ранения стал готовить для работы в компании. А драгоценностей наших и на десятую долю от необходимой суммы не наберётся.

Николай Сергеевич удивлённо покачал головой:

— Стало быть, он вам ничего не рассказывал?! … Да оно и понятно. Тебе и десяти годков тогда не было, а Пётр в столице науки постигал.

— О чём это вы? — насторожилась Мария.

— Это я по поводу драгоценностей, — успокоил Ильин. — Были они у вашего отца. Были. Во время гражданской войны в Персии в тысяча девятьсот восьмом – девятом годах он, помимо рыбной продукции, нелегально поставлял туда оружие. Я это знаю точно, потому что Николай Петрович сначала один занимался этим делом, а потом меня с братом Иваном взял в долю. И мы тоже на наших кораблях отправляли повстанцам оружие под видом официальных грузов.

Поставки оплачивались бриллиантами, потому что их легче, чем деньги и золото, можно было спрятать и вывезти. Ещё Марко Поло называл Персию мировой столицей торговли алмазами. А греки считали эти камни священными и называли — Застывшие слёзы Богов.

— Как красиво и поэтично! – прошептала замершая от удивления Ольга.

— Камни были. — Николай Сергеевич вернул девушек из мира грёз в мир суровой действительности. — Думаю, не меньше чем на миллион золотых рублей. Давайте лучше подумаем, где он мог их хранить. Есть только два варианта. Первый: там же, где и золото семьи, — в банке. Но тогда и говорить не о чем: пропали бриллианты вместе с золотишком. Но есть и второй вариант! Думаю, припрятал Пётр хотя бы часть камней, а может и все. Так оно завсегда надёжнее, особливо у нас на Руси. Как думаете? Но тогда надо искать укромное

место.

— Тайник? — удивилась Мария. — В самарском доме? Вряд ли. Папа не очень его любил и редко бывал в нём. Если искать, то только в Закаспийске. Там семья и хозяйство. Но ехать сейчас туда для поисков нет смысла: долго и опасно. Да и где найти его в огромной усадьбе?

Проводив Марию, Леонард весь вечер думал об их встрече, разговорах, воспоминаниях. Одна мысль не давала покоя: он должен поддержать её. Но как? Чем может помочь человек, сам потерявший всё: дом, семью, деньги и даже веру в юношеские идеалы. «Дом, семья, деньги …!» — Леон вдруг вспомнил рассказ девушки о родном доме и понял, где Дубинин мог хранить запас на чёрный день.

В далёком тысяча девятьсот пятом году, перед отъездом сына из Оренбурга в Москву, Иван Леонидович Ильин повёл его наверх в мезонин и показал «на всякий случай» потайное место, где прятал деньги и ценности, когда надолго уезжал из города. Дом достраивался после рождения Леонарда, и на фронтоне мезонина строители по желанию отца выложили красным кирпичом дату рождения сына —1888. Тайник был устроен как раз за этими цифрами. Со временем их не стало видно: возможно, были закрашены при ремонте.

Дом в Закаспийске строился по тому же проекту, что и дом Ильиных в Оренбурге. Вполне возможно, что тайник Дубинина также может находиться в мезонине. Надо как-нибудь позднее съездить и проверить.

«Кстати, а что с хранилищем отца? Вдруг там остались какие-то ценности после его таинственного исчезновения?»

На следующий день Леонард выехал в Оренбург.

В доме Ильиных тихо и пусто. Все, кроме сторожей, разъехались. Подобрав необходимые инструменты и выбрав время, Леон поднялся наверх. Провисшая скрипучая дверь открылась без ключа. В мезонине всё изменилось: светлая и уютная комната превратилась в хранилище старых вещей, поломанной мебели и прочей рухляди. По кружевам паутины и толстому слою пыли было понятно, что если тайник и существовал, то в последние годы никто к нему не подходил. Стараясь не греметь, Леонард расчистил проход к окну и осмотрел стену под подоконником. Нашёл метку, оставленную отцом, и поддел несколько досок вокруг неё. Под ними открылась кирпичная стена. Расчистив слой раствора вокруг кирпича под меткой, ударил по нему молотком, как показывал отец. Кирпич провалился внутрь ниши, открывшейся в стене. Убрав ещё несколько

кирпичей, Леонард посветил прихваченным фонарём и увидел на дне проёма знакомую с детства потёртую дорожную сумку отца, которую тот брал с собой, уезжая из города по делам.

Леон бережно вытащил сумку, не торопясь закрыл проём досками и постарался, насколько смог, убрать следы своего пребывания. Озираясь по сторонам, вернулся к себе в комнату по опустевшим коридорам когда-то шумного дома. Заперев дверь, протёр потрёпанный саквояж от многолетней пыли и мусора. Осторожно открыв его, увидел две металлические коробки: большую и маленькую.

Большую Леонард сразу же вспомнил. В ней отец хранил пистолет, который купил незадолго до их расставания и при расспросах называл оружием личной самообороны. От кого он собирался обороняться, никто так и не понял, но перед исчезновением в тысяча девятьсот одиннадцатом году Иван Леонидович, видимо, не чувствуя опасности, пистолет с собой не взял. В этом Леон убедился, открыв коробку. Тускло поблескивающий браунинг лежал вместе с шомполом, отверткой, двумя запасными магазинами и тремя десятками патронов. Это оружие было хорошо знакомо Леонарду и его друзьям: с ними они готовились к боям с ненавистным режимом, а потом участвовали в громких акциях боевой группы эсеров – максималистов. Лёгкий компактный карманный пистолет образца 1900 года быстро перезаряжался, и его легко было спрятать под одеждой.

Леонард неторопливо разбирал браунинг, время от времени бросая взгляд на маленькую круглую коробку. Желание сейчас же достать и открыть её боролось со страхом не обнаружить в ней того, что он надеялся найти, примчавшись сюда. Оттягивая ожидаемую радость или возможное разочарование, решил не торопиться: в спешке уже не было смысла. Убедившись, что отец хорошо смазал оружие перед закладкой в тайник, Леонард собрал его и положил на место. Протёр окно от пыли и ещё раз проверил, хорошо ли заперта дверь.

Ну что же, а теперь самое любопытное и волнующее — коробка на дне саквояжа. Осторожно достал, очистил и рассмотрел: бронзовая шкатулка диаметром не больше четырёх дюймов, с рельефным растительным орнаментом на откидной крышке и боковой поверхности. Опасливо тронул защёлку, нажал на неё, и шкатулка неожиданно легко открылась. Ильин замер, ослеплённый сверкающими бликами, заполнившими тесную комнату. Голубыми искрами сверкали драгоценные камни, тесно уложенные на подкладке из чёрного бархата. Он не разбирался в самоцветах, но сразу понял: это те самые

бриллианты из Персии, о которых рассказывал Николай Сергеевич. Застывшие слёзы Богов!

ГЛАВА 8

2024 ГОД. ПРИГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГА

«Да! — понимающе усмехнулся и вздохнул Алексей. — Два-три таких брюлика решили бы и мои проблемы».

Расшифровывая полустёртые записи в тетрадях прадеда, он прочёл в одной из них историю о найденной в оренбургском доме Ильиных шкатулке с драгоценностями.

«Тогда, где же остальные камни? По предположению дяди Леонарда бриллианты Дубининых и Ильиных, возможно, также были спрятаны в тайниках. А что если до сих пор хотя бы часть из них там и находится? Это же миллионы долларов по нынешним ценам! Надо наконец-то отправить Максиму фотографии просмотренных документов. Пусть историк ломает голову. Может быть, предложит, что делать дальше. Всё-таки пора разобраться в истории, которую в течение века по разным причинам предпочитали не вспоминать родственники. Если не разгадать тайну пропажи семейных сокровищ, то хотя бы прояснить обстоятельства некоторых загадочных происшествий, случившихся в последующие годы с членами семей и, похоже, связанных с событиями вековой давности».

Занимаясь разборкой и изучением найденных документов, Алексей был вынужден хотя бы изредка выезжать в городскую квартиру. Тётя Клава, как и прежде, присматривала за ней, а заодно и за ним: покупала продукты, стирала одежду, тревожилась и звонила, если он долго не приезжал.

Собираясь в очередную поездку в город, Ильин вспомнил про сына соседки и решил захватить с собой самовар, который собирался отдать ему. Вытащив из-под стола, решил немного почистить. Истлевшие тряпки, которыми была заткнута ржавая прогоревшая труба, посыпались из неё. Может, и зола на дне

ещё осталась. Ни к чему тащить в городскую квартиру вместе с металлоломом всю эту древнюю труху.

Разложил на полу старые газеты. Протёр медный корпус снаружи и внутри. Затем принялся кухонным ножом и крючком из проволоки выдирать из черной обгоревшей жаровой трубы ссохшиеся рассыпающиеся лоскуты. Остатки мусора решил вытряхнуть и перевернул потрёпанный людьми и временем, но заблестевший после чистки антиквариат. Внутри топки загремело, и вместе с пылью и ржавчиной оттуда посыпались и покатились, глухо звеня и сверкая, жёлтые монеты.

Бросив самовар, Алексей сгрёб их в кучу и поднял несколько: «Тяжёлые?! Это же золото! Профиль Николая II. Царские червонцы!»

Лихорадочная дрожь и слабость в ногах заставили его опуститься на пол. Никогда не видел он таких монет, но слышал об их ценности. Долго сидел, зачерпывал дрожащими ладонями из сверкающей груды червонцы, подбрасывал их и слушал опьяняющие звуки падающего золота.

Смятение, растерянность и тревога, угнетавшие его последний год, мягко схлынули тёплой ласковой волной. Умиротворение и спокойствие разлились по телу, заглушая боль потерь, горечь несбывшихся надежд, страх ожиданий.

Алексей встряхнулся, отгоняя обволакивающую усталость, и резко поднявшись, подошёл к окну, чтобы лучше рассмотреть находку. Ни вмятин, ни царапин. Монеты выглядят идеально. На одной стороне — портрет Николая II и надпись по кругу: «Б.М. НИКОЛАЙ II ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС.». На обратной стороне — герб Российской Империи, номинал — 10 рублей и год выпуска — 1899. На боковой поверхности надпись: «Чистаго золота 1 золотникъ 78,24 доли» (АГ).

Вспомнились уверения матери о том, что вещи, документы и семейный медальон Леонарда его вдова передала сыну Анатолию, вскоре после этого пропавшему без вести. Очевидно, среди вещей прадеда были и эти монеты и найденные недавно дневники. Сколько же десятилетий они пролежали в своём необычном хранилище? Кто положил их туда? Кто последний видел и держал в руках? Если Анатолий Ильин, то прошло уже более семидесяти лет, а если Валентина Ильина, то не менее четверти века. Хотя на встрече родственников в Оренбурге она утверждала, что вещи Леонарда пропали вместе с его сыном. И вот теперь стало ясно, что самое ценное из наследия отца Анатолий перед отъездом всё-

таки оставил дома. Возможно, взял с собой часть документов и монет, и его исчезновение каким-то образом связано с ними?

Телефонный звонок вывел из оцепенения.

— Неужели нашёл те самые документы?! Даже не верится. Где, как? Через столько лет!

— Да, Максим, кажется, нашёл. Почему кажется? Не уверен, что это именно те бумаги, о которых говорят более века. А если всё же они, то вероятно, не все. Попробую объяснить. Судя по их состоянию, думаю, что пролежали там, где я их нашёл, достаточно много десятилетий. Да, в них есть сведения о золоте и бриллиантах, есть даже некий список (покажу при встрече). Но в просмотренных мною записях нет ни фактов, ни даже намёков на то, что сокровища вывозились куда-то на юг, где впоследствии и пропали, как рассказывал Дубинин на встрече в Оренбурге.

— А ты уже все дневники изучил?

— Нет, только некоторые бегло посмотрел. Пока что тетради, блокноты, отрывочные записи поверхностно просматриваю и раскладываю в разные папки: по датам, фамилиям, городам.

— Ну, ты прямо как бухгалтер!

— В геодезии так положено: при работе с документами должны соблюдаться жёсткие правила и порядок.

Максим оживился:

— Отлично! У нас, историков, тоже ценятся точность и систематизация. Давай подумаем, что мы имеем. Найдены документы, скорее всего, связанные с известной нам историей вековой давности. Но есть некоторые сомнения, потому что в просмотренных записях нет информации, подтверждающей гипотезу Дубинина. Что делать дальше? Для начала — более тщательно поработать над уже найденными бумагами. Ты же сказал, что смотрел только часть из них, и то поверхностно. Если всё-таки найдутся записи с конкретными сведениями о том, куда Леонард вывез золото, то можно заниматься расследованием и, возможно, поисками. А если они исчезли с вместе Анатолием семьдесят лет назад, то придётся забыть об этой истории и продолжать жить дальше также спокойно и безмятежно, как жили до того. Ну, может быть, вспоминая иногда строки Омара Хайяма: «Мне известно, что мне ничего неизвестно! — Вот последняя правда, открытая мной». Здесь, кстати, мама рядом сидит, Елена Сергеевна, помнишь

её? Отнимает у меня телефон, чтобы поговорить с тобой. Всё-таки более тридцати лет не виделись.

— Здравствуй, Лёшенька! Что же за беда такая прошлась по всей вашей семье? Ты помнишь меня? Мы ровесницы с твоей матушкой. На встрече в Оренбурге подружились, а потом вот только открытками к праздникам обменивались. А теперь и её уже нет.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна! Да. Вот так сложилось.

— Держись, Алёша, крепись и не падай духом. Приезжай к нам. Поговорим, поделимся радостями и успехами, погорюем об утратах и потерях. Заодно семейные легенды обсудим, о которых вы с Максимом говорили. А то слышу, вы в порыве пессимизма средневековых классиков цитировать начали. В наших семьях пессимистов никогда не было. Борцы за справедливость были, искатели приключений и бесшабашные авантюристы тоже были. Так что и вы, их потомки, постарайтесь быть похожими на них — неугомонных оптимистов.

Раз уж вы решили хотя бы немного разобраться в той давней истории, то я тоже могу помочь вам. Мой отец родился в Иране, а после возвращения семьи в тысяча девятьсот сорок шестом году в СССР работал в МИДе при Молотове и Вышинском. Это потом, уже после репрессий, семья перебралась в Казань. Он особо не откровенничал, а вот его сестра, Ольга Петровна, в ответ на мои расспросы после встречи в Оренбурге кое-что рассказала. И, кстати, передала мне один из тех самых медальонов, о наличии которых настойчиво допытывался Александр Александрович Дубинин.

Максим рассказывал тебе о его сыне, недавно приезжавшем к нам. Я посмотрела родословную. Получается, что мы с ним троюродные брат и сестра. Но он младше меня. Вежливый, спокойный, но слишком уж, как бы поприличнее выразиться, … вкрадчивый и скрытный. Всё выспрашивал и выведывал, но о себе ничего определённого не сказал. Обмолвился только, что всю жизнь прожил в Баку, откуда, как я помню, и его отец приезжал в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. А где сейчас живёт и где они с друзьями ведут поиски пропавшего обоза, так и не открыл нам.

Кстати, я догадывалась, что у Валентины остались какие-то документы и вещи от Леонарда. На той давней встрече Дубинин намекнул, что хочет приехать в Свердловск и вместе попробовать отыскать эти бумаги. Но она неожиданно для всех очень резко оборвала его и сказала, что никаких поисков и общения больше не будет. А после этого быстро собралась, уехала и больше ни с кем близко не общалась. Тогда это показалось очень странным.

Думаю, что разговоры о сокровищах, якобы вывезенных Леонардом Ильиным куда-то на юг, вполне могут быть достоверными. В последнее время не только в архивах, но уже и в интернете появились свидетельства о том, что золото из Казанского отделения Народного банка РСФСР вывозилось не только на восток к Колчаку.

— Интересно! Посмотрю, почитаю. Но...! — Алексей, относившийся к идее поисков, как и его отец, с ироничным пессимизмом, попытался осторожно объяснить свою позицию. — Дело в том, что у нас нет никаких свидетельств и доказательств того, что деньги и ценности семей вообще куда-либо вывозились. Они были, с этим не поспоришь. Теперь вот даже блокнот с описью золота, полученного Леонардом в Казанском отделении Народного банка, нашёлся. Но что с ним потом случилось, пока ещё неизвестно. Есть только одни разговоры, слухи, намёки, да ничем не подкреплённые заверения Александра Дубинина, которые мы слышали в Оренбурге. Давайте сделаем так. Я ещё поищу, вдруг найду что-то. А потом приеду к вам, чтобы вместе разбирать и расшифровывать записи в найденных документах. Всё-таки вы, как историки, более компетентны в исследованиях такого рода. И заодно подумаем о дальнейших действиях. Если решим заняться расследованием событий столетней давности, то это надо делать там, где они начинались — в Казани. Но, если честно, я считаю идею поисков сомнительной и в данное время невыполнимой. Чтобы разгадать тайну исчезнувших сокровищ, надо повторить предполагаемый путь Леонарда. Проехать через Казань, Самару, Оренбург и потом, возможно, куда-то дальше на юг — Гурьев (сейчас Атырау) или Астрахань. На это нужны большие деньги. И ещё неизвестно, чем окончатся поиски.

НАМ ЖИЗНЬ ВСЕГДА ПОДАРИТ ШАНС. Омар Хайям

«Но с долгами-то все проблемы теперь решены? — После разговора с родственниками мелькнула успокоительная мысль, но при взгляде на кучу монет тут же растаяла. — Нет, надо трезво оценивать реальное положение. Слишком большие долги, чтобы ликвидировать их с помощью этого золота. … Кстати, сколько их?»

Алексей снова потряс самовар, перевернув его. Ничего больше не звенело, не гремело, не падало. Смёл мусор с газет. Пересчитал: девяносто две монеты. Но как и кому их продать? И сколько всё это будет стоить? Заглянул на сайты с объявлениями «Золотые червонцы времён Николая II». Средняя цена продаж — от пятидесяти тысяч рублей за штуку. Но это только предложения, а за сколько

купят, ещё не известно. Так что если предположить, что найдётся оптовый покупатель с ценой немного ниже, то за все монеты можно получить не больше сорока тысяч долларов.

«Даже продажа дома и этой находки проблему не решат. … Ладно, дочищу окончательно этот цветмет, поеду в город и отдам Олегу. Посижу с ним, а потом уже буду думать, куда монеты пристроить и какие долги сначала закрывать».

Вытащив самовар во двор на солнце, стал сдирать ржавчину и нагар с трубы, заодно пытаясь выковырять оттуда застрявшие тряпки.

Наконец весь оставшийся мусор вывалился из топки. Алексей осторожно развернул клубок из ссохшихся обрывков ткани и увидел маленькую плоскую деревянную коробочку не больше десяти сантиметров длиной и четырёх шириной. Лёгкая, завёрнутая в истлевший платок, перевязанная медной проволокой, она застряла на выходе из топки и поэтому не выпала вместе с тяжёлыми монетами.

«Ну и что же интересного в ней может быть? Возможно, какая-то вещица, памятная для кого-то в давние времена, а сейчас, скорее всего, никому не нужная. Мало ли таких безделушек продаётся на блошиных рынках».

Металлические петли заржавели, а накладной декоративный замок из латуни, вроде бы, в порядке, только потемнел от патины.

Алексей потрогал защёлку, с трудом приподнял её и открыл коробочку.

Ослепительное сияние всех цветов радуги вырвалось из многолетнего заточения. При малейшем повороте оттенки радужных бликов переливались и менялись. Горячее солнце, отразившись в самоцветах, лежащих в футляре, холодным ярким блеском разноцветных лучей слепило Ильина.

Он огляделся и захлопнул крышку коробки, испугавшись, что сверкающий блеск заполнил не только двор, но и улицу, привлекая чужое внимание.

«Ну и денёк сегодня выдался! — занемевшими от потрясения руками Алексей лихорадочно пытался засунуть коробочку то в один, то в другой карман, и тут же снова вытаскивал и проверял, нет ли в них даже небольшой прорехи, через которую драгоценная находка могла выпасть. А в голове крутилась и не давала покоя одна и та же мысль: — Неужели это они?! — И тут же внутренний голос с сомнением шептал: — Таких подарков в жизни не бывает. Ты ведь не герой

Дюма, нашедший сокровища аббата Фариа. — Но мучительная надежда, уже поселившаяся в голове, снова убеждала и утешала: — Они это! Они! … Правильно, ты не Дантес. Тот нашел целый сундук с золотом и драгоценностями. А ты — всего лишь несколько бриллиантов».

— Кстати, — пришёл в себя Алексей, — а сколько их там. Ведь и вправду, немного.

Оглядевшись и убедившись, что безлюдная улочка также тиха, как всегда, он вбежал в дом и лихорадочно выдернул из кармана руку с зажатой в ней коробкой. Немного успокоился, сел за стол и, зажмурившись, открыл футляр.

На белом атласе, покрывавшем внутреннюю сторону крышки, увидел старинный логотип — именное клеймо под Государственным гербом Российской Империи:

ФАБЕРЖЕ

ПЕТРОГРАДЪ

МОСКВА, ЛОНДОНЪ

На ложементе из бело-жёлтого бархата холодно блестели, без солнечного света уже не ослепляя, десять камней: три больших и семь немного меньше. Рядом с ними лежал жетон из белого металла. Во дворе Алексей, потрясённый не виданным ранее блеском самоцветов, не обратил на него внимания. А теперь сразу же понял: это и есть один из четырёх медальонов, переданных потомкам Ильиных и Дубининых более ста лет назад. Из семейных преданий было известно, что по символам, оставленным на медальонах, можно определить местонахождение исчезнувших после революции сокровищ. Но для того, чтобы понять закодированные послания и найти это место, потомкам семей нужно объединиться.

Тщательно рассматривать медальон пока не стал: сейчас не до расшифровки головоломки предков. Главная задача на ближайшее время — разобраться с камешками - сверкальцами, так долго хранившимися в найденном футляре. «Если действительно это те самые "Застывшие слёзы Богов" из Персии, о которых говорится в дневниках, то все проблемы, навалившиеся на него в последние годы, будут решены. А как их проверить? Надо посмотреть в интернете».

Набрав в поисковике запрос «Как определить настоящие бриллианты», тут же нашёл множество советов. Частью из них не рискнул воспользоваться: побоялся

тереть камни пилкой для ногтей, бить по ним молотком, жечь огнём и кислотой. А вот по стеклу поцарапал. Все царапали хорошо, качественно! И метод проверки дыханием тоже опробовал: на стекле влага была, а на бриллиантах нет.

Впрочем, Алексей понимал: вряд ли кто-то из его предков стал бы прятать подделку вместе с золотыми монетами. Так что надо искать хорошего добросовестного оценщика или ювелира. В Екатеринбурге расспрашивать и советоваться по таким вопросам он не решился. Позвонил в Москву однокурснику, закадычному другу Валере Степанову и, без долгих разъяснений, попросил узнать, нет ли у кого-то из его знакомых или родственников сведений о специалистах необходимого профиля. Как оказалось, и узнавать ничего не пришлось. Валера даже удивился:

— А ты забыл, или тебя не было во время разговора с куратором нашей группы — математиком Альтманом — на встрече выпускников три года назад? Там же подошёл и его племянник Давид Эйдельштейн. Помнишь такого? Он на курс старше нас и учился на другом факультете вместе с моим братом. Короче, этот Дава лет через пять-шесть после получения диплома положил хрен с прибором на геодезию и стал заниматься семейным бизнесом — ювелиркой. Сначала просто перепродавал золотишко и самоцветы, а потом стал соучредителем в известной компании, занимающейся торговлей драгоценностями. Альтман теперь тоже работает по совместительству в этой фирме. Консультант по каким-то вопросам. Я возьму у брата их контакты и сброшу тебе. Поговоришь, намекнёшь на находку. Мне кажется, надёжнее и безопаснее варианта ты не найдёшь. Всё-таки это люди приличные, да и знакомы мы с ними уже больше двадцати лет.

Звонить Альтману и говорить с ним на такую необычную тему Алексею не хотелось, да и не заладились у них отношения во время его учёбы в столице. Юрий Моисеевич преподавал высшую математику в их ВУЗе и больше всего запомнился тем, что на зачётах и экзаменах одним из первых вопросов к Ильину и его сокурсникам, приехавшим из других городов, был такой: «Ну и зачем вы приехали на учёбу в Москву? У вас в Екатеринбурге (Симферополе, Волгограде, Минске …) такие прекрасные университеты». И объяснять ему что-либо по этому поводу было бесполезно. Родители одного из сокурсников Алексея, учившиеся у Альтмана четверть века назад, говорили, что и тогда он задавал приезжим студентам всё тот же вопрос. И вот когда на одном из экзаменов после третьего курса Ильин вслух высказал предположение, что Юрий Моисеевич, вероятно, является автором пресловутой фразы «Понаехали тут», и ему неплохо бы запатентовать её, математик обиделся и назначил «понаехавшему» острослову

пересдачу экзамена на осень.

Так уж бывает, что со временем всё скверное, мелкое и пустое сглаживается и забывается. А может, обоюдная выгода от предстоящей сделки помогла найти взаимопонимание. Как бы то ни было, по прошествии многих лет учитель и ученик наконец-то поговорили довольно радушно и тепло. Узнав суть вопросов, возникших у Ильина, Альтман рассказал, что компания «Davidiamond» много лет занимается вопросами определения подлинности драгоценных камней с проведением геммологического анализа на основе международных стандартов оценки. Давид на днях улетел в Магадан, но на обратном пути он обязательно заедет в Екатеринбург и проведёт предварительную экспертизу представленных материалов.

ГЛАВА 9

1918 ГОД. САМАРА

Спешно вернувшись в Самару, Леон не стал скрывать свою находку и сразу же показал бриллианты дяде: «Надо бы определить подлинность и оценить найденные драгоценности».

По мнению Николая Сергеевича, они могли стоить до трёхсот тысяч золотых рублей. Но для определения точной цены он решил показать их знакомому ювелиру.

Воодушевлённый Леонард помчался к Маше. Надо успокоить и порадовать её: теперь у них есть средства для выплаты контрибуции. Искал по всему городу, но не смог найти ни в этот, ни на следующий день. Когда родные и знакомые переполошились, узнав об исчезновении Марии, Ольга Ильина призналась: подруга, как и её брат, уехала в Казань для поисков и спасения отца. Она надеялась, что Пётр через своих знакомых сможет там найти деньги, а Фомин выполнит обещание и посодействует освобождению старшего Дубинина из заключения.

Леон, успокоенный известием о том, что с Марией всё в порядке, но раздосадованный её неожиданным отъездом, объявил о намерении отправиться вслед за ней. Надеялся отыскать девушку и заплатить контрибуцию за её отца деньгами, вырученными от продажи бриллиантов Ивана Ильина.

Николай Сергеевич, придерживавшийся принципов умеренности и сдержанности в действиях, не одобрил поспешный поступок дочери родственника и не поддержал рискованное решение племянника. Ехать в Казань, чтобы пытаться договориться с большевиками сейчас, во время наступления Народной армии, бессмысленно. А ехать туда с ценностями, да ещё из Самары, логова антибольшевизма, как её называли коммунисты, — это вообще высшая степень безрассудства.

Дядя посоветовал не торопиться и не совершать необдуманных поступков. Спешкой и горячностью можно только навредить и Дубининым, и себе. Нужно немного подождать. В ближайшие дни всё может измениться.

— Сегодня вечером состоится очередная встреча представителей Самарской торгово – промышленной палаты, Биржевого комитета и Общества фабрикантов и заводчиков с представителями КОМУЧ для подписания резолюции о финансовой помощи Комитету. Комучевцы, в свою очередь, обещали рассказать о планах по освобождению городов Поволжья силами антибольшевистской коалиции. Надеюсь, что завтра сообщу нечто важное для всех нас. Кстати, Фортунатов и тебя приглашал на эту встречу. Как я понял, он хотел поговорить с тобой о сотрудничестве.

Леонард хмуро покачал головой:

— Извините, сейчас не до разговоров. … Как-нибудь позднее.

1918 ГОД. ЗОЛОТОЙ ЗАПАС ИМПЕРИИ

К началу Первой мировой войны золотой запас Российской империи был самым крупным в Европе: один миллиард шестьсот девяносто пять миллионов рублей, или тысяча триста одиннадцать тонн золота. За годы войны он значительно уменьшился. В итоге ко времени захвата власти большевиками остаток золотого запаса составлял один миллиард сто один миллион рублей с учётом золота, добытого в период военных действий, или восемьсот пятьдесят две с половиной тонны золота.

В ходе войны встал вопрос о сохранности золотого запаса. Было решено перевезти часть его подальше от границы: в Нижний Новгород и Казань. Эти города на Волге занимали удобное географическое положение и имели прямое железнодорожное сообщение с центром страны. Эвакуация сокровищ началась в тысяча девятьсот пятнадцатом году. В обширные кладовые Казанского отделения Народного банка с новейшими защитными системами хранения ценностей перевезли золото из Петербурга, Москвы и других российских губернских центров. Сюда же доставили драгоценности Монетного двора, Главной палаты мер и весов и Горного института. К июню тысяча девятьсот восемнадцатого года в местном отделении банка оказалось более половины золотого запаса Российской империи — примерно четыреста девяносто тонн золота в слитках и монетах на сумму немногим более шестисот миллионов рублей.

После захвата Самары в июле тысяча девятьсот восемнадцатого года власть в городе перешла к Комитету членов Учредительного собрания, объявившему о свержении советской власти. Народная армия и части взбунтовавшегося Чехословацкого корпуса стремительно захватили несколько городов Поволжья. Захват Казани не входил в заранее разработанный стратегический план КОМУЧ. Его лидеры предполагали развивать наступление в юго-западном направлении на соединение с Добровольческой армией генералов Алексеева и Деникина. Но обозначился успех в северном направлении. К тому же лидеров КОМУЧ встревожило сообщение о возможном вывозе золотого запаса из Казани. Во-первых, они были против выплат Россией Германии репарации по заключенному мирному договору. Во-вторых, белому движению требовались средства для финансирования войны с большевиками и для расчетов с западными союзниками. Было решено предотвратить эвакуацию золота из казанского банка.

По словам одного из лидеров КОМУЧ, Казань было решено взять по следующим мотивам:

« — Здесь находилось большая часть золота российского государства…

— Здесь же находилось колоссальное количество интендантского и артиллерийского снаряжения и вооружения…

— В Казани было много офицеров, готовых к выступлению против большевиков и которых большевики уже начали беспощадно расстреливать.

— Кроме того, Казань была большим политическим центром России и главным центром Поволжья».

Войска красных, деморализованные предательством главкома Муравьёва и стремительным продвижением отрядов Каппеля и чехов, отступали. Двадцать первого июля белые подошли к Симбирску и на следующий день беспрепятственно заняли его. Ночью советское руководство покинуло город. Двадцать шестого июля там встретились Каппель, члены КОМУЧ Лебедев и Фортунатов, и прибывший из Казани представитель Савинкова, штабс-капитан Григорьев. Он рассказал о положении в городе, о многочисленном офицерском подполье, о том, что обещанное подкрепление к красным ещё не прибыло, и сейчас самое подходящее время для наступления. Подступы со стороны Волги никем не прикрыты, можно высаживать десант. Тут же был разработан план захвата Казани.

Двадцать седьмого июля Наркомат финансов РСФСР, обеспокоенный ситуацией в Поволжье, принял решение об эвакуации золотого запаса из Казани. Об этом был информирован управляющий Казанским отделением Народного банка Петр Марьин. Двадцать восьмого июля прибыла эвакуационная экспедиция с несколькими баржами и пароходами. На них предполагалось вывозить золото в Нижний Новгород.

Прибывшие из Москвы финансовые работники вместе с сотрудниками Казанского отделения банка занялись подготовкой золота к эвакуации. Проводились частичный пересчёт ценностей и упаковка в ящики и мешки. Прокладывались подъездные пути от банка до пристани. Работы завершились к началу августа, но стремительное наступление белочехов и Народной армии помешало вывезти золото в установленные сроки.

Первого августа вооруженные пушками пароходы с войсками КОМУЧ направились к Казани и в устье Камы разгромили противостоящую им красную флотилию. На следующий день из Самары выехала группа боевиков для помощи казанским подпольщикам, решившим заблокировать транспортировку золотого запаса. Вслед за ними на барже Ильиных, перевозившей очередную партию соли, готовился к отправке Леонард, которого по просьбе Фортунатова дядя уговорил на сотрудничество с КОМУЧ. Старший Ильин и подумать не мог, что сын его непутёвого брата пользуется уважением у занимающихся большой политикой людей из столицы. Он убедил Леонарда, что тот нужен Комитету как опытный специалист по экспроприациям на случай, если придётся противостоять вывозу золота из банка силовыми методами. Уже была установлена связь с казанскими подпольщиками. Необходима координация совместных действий с ними. Фортунатов, в свою очередь, обещал выяснить, что

случилось с друзьями Леона, выехавшими ранее в Казань, и помочь им в случае необходимости.

Николай Сергеевич, вручив племяннику сопроводительные документы к руководству Казанского банка, поручил договориться о расчетах за последние поставки и заодно постараться узнать, есть ли возможность вывести из-под ареста ценности и золото семей Ильиных и Дубининых.

Фортунатов дал задание выяснить, куда большевики намереваются эвакуировать золотой запас, и есть ли у них реальная возможность сделать это.

Леон догадывался, что главная задача, для выполнения которой его отправили в Казань, состоит не в противодействии вывозу золотого запаса. Этим занимаются совсем другие люди из подпольных групп Самары и Казани. Ильин старший уверен, что большевики в ближайшее время оставят Казань. Тогда, согласно обещаниям КОМУЧ об отмене национализации, он сможет забрать из банка арестованные ценности семьи, получить компенсацию за финансирование деятельности Комитета и выплату за реквизицию предприятий и оборудования.

А главная задача Леонарда — получение и вывоз семейных ценностей и золота из Казанского банка после захвата города силами белочехов и Народной армии.

Былого не вернуть. Дом и семья разрушены, друзья пропали. Найти их и помочь им он сможет, только выполнив данные ему поручения. Выход один — надо отправляться в Казань и сделать всё, что от него требуется. А потом найти Дубининых, узнать, что случилось с Бакуниным, и постараться уехать из Советской России.

Проводить племянника пришёл возбуждённый и ликующий Николай Ильин. Размахивая какими-то бумагами, торжествующе закричал:

— Дождались, Леонард! Не подвели твои однопартийцы, выполнили свои обещания. Вот последние постановления КОМУЧ: «…все вклады в банках и сберегательных кассах объявляются неприкосновенными. Произведенные распоряжением большевистских комиссаров списывания с текущих счетов будут уничтожены, захваченные ценности и имущество возвращены обратно, … аннулирование займов отменяется». И о денационализации предприятий: «Возмещается владельцу стоимость захваченных материалов, фабрикатов и полуфабрикатов, имевшихся налицо к моменту захвата, по рыночным ценам, существовавшим к моменту захвата, а равно по определению Комиссии возмещаются убытки, происшедшие от порчи машин и прочего имущества

предприятия, по ценам, существующим в период ликвидации захвата».

Николай Сергеевич взволнованно рассказывал, как на прошедшей встрече промышленники и купцы, фабриканты и заводчики, воодушевлённые пламенными речами, щедрыми обещаниями и клятвенными заверениями лидеров КОМУЧ о скором наступлении по всему Поволжью, договорились об экстренном финансировании Народной армии.

Дядюшка убеждал уже почувствовавшего надвигающуюся беду племянника:

— Поддержка антисоветских сил Поволжья приведёт не только к возврату захваченных ценностей семьи, но и к скорому освобождению отца Марии.

А Леонард холодел от недоброго предчувствия:

— Что-то мне стало не по себе от ваших слов. … Застывшие слёзы Богов?! … Неужели вы это сделали?

Николай Сергеевич опустил голову и растерянно развёл руками:

— Не мог же я остаться в стороне. К тому же, если помнишь, по ранее подписанному договору я должен был передать КОМУЧ двести пятьдесят тысяч рублей.

Вот и сдал в фонд поддержки Комитета деньги, полученные накануне от одного из финансистов Самары за бриллианты твоего отца.

2024 ГОД. ПРИГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГА

— Застывшие слёзы Богов! … Невероятно! Да ещё где?! Не в Москве, не в Петербурге. В Свердловске!

Племянник профессора Альтмана, известный московский специалист по драгоценным камням и металлам Давид Александрович Эйдельштейн, приехавший в Екатеринбург по совету дяди, до сих пор не мог привыкнуть к старо – новому имени столицы Урала. А может, просто не хотел. И ему больше нравилось название, данное сто лет назад в честь его единоверца, «злого демона революции» Якова Михайловича (Моисеевича) Свердлова.

— Это о чём вы с таким восхищением говорите, Давид Александрович? О золоте или о самоцветах?

— Уважаемый Алексей! Разве может человек с фамилией Эйдельштейн говорить так о презренном, как всем известно, металле? Человек с фамилией, переводимой с идиш как «драгоценный камень», и к тому же диамантер по призванию, может так восхищаться только бриллиантами.

— Диамантер?! … Звучит красиво. Я так понимаю, от слова диамант — бриллиант, алмаз.

— Верной дорогой идёте, товарищ Ильин. Diamonds expert — бриллиантовый байер. Оцениваю и покупаю бриллианты для моих клиентов. Алмаз, бриллиант или адамас, диамант, что на древнегреческом означает «непобедимый». Греки и римляне верили, что они могут быть осколками падающих звезд, и называли застывшими слезами Богов.

— Изящно! Древние эллины — мастера ярких метафор. А вы это серьёзно? Настоящие бриллианты? Я говорю про камни, которые нашёл дома.

— Серьёзнее и быть не может. Самые что ни на есть настоящие! Серьёзнее может быть только вопрос: чистые ли они? И это не в смысле качества, здесь сомнений нет. Чистые по происхождению и истории. Мы с Юрием Моисеевичем криминал обходим стороной и, по возможности, как можно дальше. Благодаря чему живём и работаем без особых проблем уже довольно долго. Ну, по крайней мере, с тех пор, как я покинул нашу благословенную альма-матер и сменил сферу деятельности. Я ведь там же учился, где и вы, только на другом факультете.

— Знаю, да и Альтман напомнил, когда я просил порекомендовать надёжного специалиста по оценке и продаже. Он сказал, что скоро вы будете у нас, и предупредил о строгих правилах вашей компании при работе с клиентами. Вы не работаете с товаром, имеющим криминальную предысторию и с товаром, не прошедшим предварительной проверки. Но я-то не перекупщик и не посредник. Я наследник и эти семейные реликвии достались мне от прадедов, солепромышленников Ильиных. — Алексей испытующе посмотрел на бывшего коллегу и добавил: — Заодно успокою вас: я не фармазон и предлагать вам фальшивые цацки не собираюсь.

Гость с удивлением повернулся к Ильину. Тот, скрывая улыбку, отрицательно покачал головой.

— Нет, я не из приблатнённых. Просто немного застал те времена, когда в некоторых кругах так говорили. Да и в экспедициях на Севере поработал немало. А там контингент самый разнообразный. Кстати, о криминале, который вы стороной обходите.

Эйдельштейн оторвался от приборов, с помощью которых увлечённо изучал камни, и вопросительно посмотрел на Ильина. Тот продолжил:

— Вы сказали, что придерживаетесь определённых принципов в своей деятельности и криминалитет стороной обходите. Но приехали ко мне в сопровождении людей Седова. А ведь это далеко не самые законопослушные жители Ебурга, как они называют наш славный город. Ну, по крайней мере, были такими в недалёком прошлом.

— Видите ли, Алексей. Мы знаем таких людей здесь и в других городах, но не связаны с ними как партнёры по бизнесу. Заказываем только услуги сопровождения и охраны. Они выполняют всё чётко, качественно и, главное, без лишних разговоров и вопросов. А что нам ещё надо?! А теперь перейдём непосредственно к делу. Бриллианты старинные, это видно по огранке. Где их гранили, не знаете?

— Я в этом не разбираюсь и прадед, от которого они остались, вряд ли разбирался. В его дневниках ничего об этом не сказано. Знаю только, что их привезли в Российскую Империю из Персии в начале двадцатого века.

Алексей показал футляр Фаберже и тетради, найденные в родительском доме.

Гость понимающе кивнул и пояснил:

— Огранка — "на глаз". Сейчас так не работают. Поэтому и блеск старинных бриллиантов слабее, чем современных. Но камни таких цветов и чистоты теперь редко где можно увидеть. Если только в музеях или в антикварных магазинах иногда. Надо показать их нашему ювелиру. Он сделает окончательную оценку. Как и куда их пристроить, мы уже знаем. Для нас главное, чтобы за ними криминальных хвостов не было.

Эйдельштейн открыл один из своих блокнотов.

— По поводу происхождения ценностей. Думаю, что особых проблем не будет. В статье 233 Гражданского кодекса о кладах указано:

«… зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право, поступает в собственность лица, которому принадлежит имущество (земельный участок, строение и т.п.), где клад был сокрыт, и лица, обнаружившего клад, в равных долях».

Я уверен, что найденные монеты и камни культурно – исторической ценности не представляют. И если отнести их в полицию для получения официального заключения, то это подтвердится. Но всё будет долго, нудно и неизвестно, когда и чем закончится.

Вы, как я понимаю, владелец участка, где были найдены ценности, и вы же лицо, обнаружившее их. К тому же вы наследник людей, сокрывших ценности. Значит, всё найденное ваше. Поздравляю! Монеты и четыре отложенных камня я сейчас заберу, с вами расплачусь, а за остальными приеду после консультации с одним из авторитетных ювелиров. — Давид Александрович посчитал на калькуляторе, сверяясь с записями в блокноте, открыл портфель, строго посмотрел на Ильина и повторил: — Имейте в виду, обязательно приеду!

— И где мне теперь хранить оставшиеся камни.

Эйдельштейн иронично всплеснул руками:

— Аз ох-н-вей! Не гоните волну, Алексей. Вы хотите сказать, что после нашей встречи полгорода будут знать, что мы здесь разглядывали и о чём говорили?

— Нет, извините, я не про вас, а про ваших сопровождающих.

— Слушайте сюда. Сопровождающие, как вы выразились, получают такие деньги, что им абсолютно всё равно, играем мы здесь в шахматы или беседуем о Лагранже и методах разложения пертурбационной функции. Так что живите спокойно до следующей нашей встречи и далее, насколько возможно. Главное, сами ни с кем больше не говорите ни о своей находке, ни о нашей встрече. А камни спрятать легко. Это не золото и не мешок с деньгами, которые легко можно обнаружить. Если прикопаете где-то поглубже, то никто и никогда их больше не найдёт. Сами только не потеряйте.

На столе перед Алексеем росла гора из пачек долларов, а Эйдельштейн продолжал: — Оплату, как я полагаю, возьмёте наличными? Извините, деньги поганые, заморские, но наши родные пришлось бы укладывать в несколько чемоданов. Давид Александрович вырвал из блокнота и положил на стол лист с расчётами:

1. Золотые червонцы Николая II — 92 шт. = 500 $ x 92 = 46 000 $;

2. Бриллиант 10 (десять) карат — 1 шт. = 90 000 $;

3. Бриллианты 5 (пять) карат — 3 шт. = 40 000 $ x 3 = 120 000 $.

Итого: 256 000 $ (двести пятьдесят шесть тысяч долларов).

— Всё в ажуре? Расписку пишите по образцу. Если посчитаете, что мои расчёты неверны или найдёте где-то более выгодные курсы продажи золота и камней, скажите мне при следующей встрече. Но уверяю вас, больше никто не предложит. Да и опасно, можете на аферистов нарваться или представителей каких-либо недремлющих органов. И ещё неизвестно, кто из них опаснее. А мы с хорошими клиентами дружим и друг друга не обижаем.

ГЛАВА 10

1918 ГОД. АВГУСТ. КАЗАНЬ

Я только верной пули жду,

Я только верной пули жду,

Что утолит печаль мою

И пресечёт нашу вражду.

Голова гудела, болела, во рту пересохло. Яркие круги перед закрытыми веками, звон в ушах, тошнота и унылое пение, словно из-под земли, заставили Леонарда протереть глаза и приподняться. Где это он?

Тёмная ободранная каморка с грязными стенами. Свет от фонаря еле пробивался сквозь пыльные, потрескавшиеся стёкла зарешеченного окна. Единственный вход в тесное помещение закрывала массивная железная дверь.

Леон сел и осмотрелся. Что это? Тюрьма? Грубо сколоченные нары в два яруса вдоль стен, как в сибирской ссылке. Закралось пугающее предположение: «Неужели я до сих пор там — в Сибири, а всё, что случилось после неё, мне только приснилось?»

За дверью тянулось бесконечно тоскливое:

Но только смерть не для меня,

Да, видно, смерть не для меня,

И снова конь мой вороной

Меня выносит из огня.

— Всё про смертушку поёшь? Беду чуешь, Егорыч? — Громыхнув дверью, кто-то вошёл в соседнюю комнату и прервал заунывное пение. — Очнулся после встречи с тобой наш гость или уже не очнётся, как те два офицера после весенней облавы?

Леонард понял, что всё случившееся с ним не сон: он узнал этот голос.

В ответ на слова вошедшего, прерванный малоискусный певун, которого, очевидно, и звали Егорычем, забасил поволжским говором:

— Рассказали вам уже? Да тогда они уж шибко выкобенивались, вот и пришлось их контузить маненько. Только вот лишканул я немного. … А здесь-то хотел осторожно. Но когда он булгачить начал, пришлось успокоить чуток. Вы же приказали доставить во что бы ни стало.

— Смотри, если он успокоился на веки вечные, как те подпольщики золотопогонные, товарищ Вера сама приговор вынесет и сама его исполнит. Ты же знаешь, она скорая, если что не по ней.

— Да знаю уж. Бают, скольких врагов в расход пустила. И своих тоже. Тех, что оступились или слабину дали. А накой вы про смертушку-то помянули, Степан Михалыч? Он хто? Намо чай, особый какой, этот гость наш ералашный?

— Похоже, что особенный. Из эсеров он, когда-то вместе с большевиками с царским режимом боролся. С Верой Петровной в сибирской ссылке по соседству на поселении срок отбывал. Недавно освободился, в родные края вернулся, а его тут же по башке шандарахнули. … Ты на фронте, я слышал, геройствовал? Так здесь же не война, аккуратнее надо.

Егорыч закашлялся и после недолгого молчания упавшим голосом обратился к собеседнику:

— Нашего гостя я в порядок приведу, не сумлевайтесь. Пускай только отдохнёт маненько, а то надысь совсем квёлый был. А вы уж, товарищ Фомин, пособите мне, замолвите словечко перед товарищем Верой. Нам выпало таперича под вашим началом верой и правдой Советской власти служить. Вы знайте, если что случится, я не подведу.

«Фомин. Значит, не ошибся. Похоже, я в КазГубЧК? … А Вера Петровна? Это не Брауде ли?» — Леонард устало закрыл глаза.

1918 ГОД. ДЗЕРЖИНСКИЙ И БРАУДЕ

Состав образованного в Самаре КОМУЧ постепенно расширялся по мере вступления в него других бывших членов Учредительного собрания, перебравшихся в Поволжье. Самарским чекистам удалось внедрить в него своего информатора. Вскоре он сообщил о предстоящей отправке агентов Комитета в Казань для срыва плана по вывозу золотого запаса.

В начале августа стало ясно, что Казань большевикам не удержать. В банке готовились к срочной эвакуации. Во избежание хищений при перевозке золота заместитель председателя Казанской ГубЧК Вера Брауде приказала установить наружное наблюдение за банком. Среди обслуживающего персонала были её осведомители. Информация обо всех неблагонадёжных работниках и клиентах сразу же доводилась до Брауде. Особо подозрительных визитёров задерживали и доставляли к ней для проверки.

Вера Брауде. Фанатичная революционерка. Семья и всё личное на втором плане. С юности участвовала в борьбе: митинги, демонстрации, забастовки, экспроприации. Также постоянно: аресты, репрессии, ссылки. Впоследствии её однопартийцы отзывались о ней так: «Человеческого в ней не осталось ровно ничего. Это машина, делающая свое дело холодно и бездушно, ровно и спокойно…. И временами приходилось недоумевать. Что это? Особая разновидность женщины-садистки или просто совершенно обездушенная человекомашина?».

Сама Брауде писала о себе: «Я всегда считала, что с врагами все средства хороши, и по моим распоряжениям … применялись активные методы следствия: конвейер и методы физического воздействия …. Применялись эти меры только к действительным врагам, которые после этого расстреливались…».

По одной из версий, Брауде вступила в партию эсеров по заданию Дзержинского. С помощью внедренных в ряды ПСР агентов «железный Феликс» решил добиваться развала и ликвидации левоэсеровского движения изнутри. После разделения эсеров на правых и левых в апреле тысяча девятьсот семнадцатого года Брауде была выбрана секретарём Казанской организации Партии эсеров-интернационалистов и максималистов.

Её очередная встреча с Дзержинским произошла во время Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. С ноября тысяча девятьсот семнадцатого по январь тысяча девятьсот восемнадцатого года она работала в Отделе по борьбе с контрреволюцией Следственной комиссии Казанского губернского Революционного Трибунала. После левоэсеровского восстания Брауде вышла из партии левых эсеров. С июля работала заместителем председателя Казанской губернской Чрезвычайной комиссии.

Весна и начало лета тысяча девятьсот восемнадцатого года принесли тяжёлые испытания большевикам: белые один за другим захватывали города Поволжья.

Дзержинский вызвал Брауде и дал указание установить наблюдение за Казанским отделением Народного банка, его работниками и посторонними лицами, появляющимися в банке и контактирующими с руководством, служащими и обслуживающим персоналом.

— Скорее всего, золотой запас не удастся эвакуировать, хотя сейчас принимаются все меры для его вывоза. Мы предполагаем, что в случае захвата Казани белочехами и КОМУЧ, золото будет вывозиться ими на восток к Колчаку. Как? Пароходами по Волге и далее поездами. Будем отслеживать и по возможности препятствовать вывозу. Армия, ВЧК, добровольческие отряды по мере продвижения поездов будут противодействовать всеми надлежащими методами и средствами.

Но с вами, товарищ Брауде, я хочу поговорить о другом.

Во время боёв за город будет трудно контролировать хищение золота из Казанского отделения Народного банка. А то, что такие попытки будут, я уверен: при смене власти в прифронтовой полосе неизбежны беспорядки, хаос, сумятица. Перемещение огромных масс военных формирований и гражданского населения, сбои в движении транспорта создают возможности бандитам и мародерам для воровства и разбоя. В этих условиях вывезти и укрыть похищенные ценности гораздо проще.

Выявлением этих преступлений будут заниматься группы наших подпольщиков в оставленных городах. Ваша задача: внедрить агентов во все подразделения банка. Под контролем должны быть все: руководящие работники, простые служащие, уборщики. Но этого мало. Никто не знает, как все эти люди, даже самые надежные и лояльные к советской власти, поведут себя при новом режиме. Вам нужно уже теперь убедить их, что власть белых будет временна и преходяща. Чтобы не было и тени сомнений, что советская власть вернется и

беспощадно покарает всех предавших её, помогавших и даже сочувствовавших белым. Как убедить? По обстоятельствам: силой, обманом, лестью, подкупом.

Следующая задача. Необходимо отслеживать весь транспорт, вывозящий что-либо из банка. Ваши люди должны быть везде: среди грузчиков и охраны, среди сопровождающих при перевозках. Вы должны знать адреса, направление и расстояние до места доставки перевозимых грузов.

Всё отследить, конечно, не удастся. Ни нам, ни вам. … Увы. Хитёр русский народ, обязательно придумает что-нибудь этакое, что и представить сейчас невозможно. Вывезут, вынесут и спрячут. Но золото не может долго лежать в тайниках. Для того его и крадут, чтобы оно работало. Будут переправлять дальше. Когда? — Как можно раньше, пока Советская власть не вернулась. Куда? — Только на юг! Там у белых ещё есть надежда с помощью интервентов удержать власть и, собрав силы, перейти в контрнаступление. Их заботы — составлять планы. Ваше дело — выставить кордоны из проверенных людей на дорогах в южном направлении, а также в Гурьеве и Астрахани, откуда возможна перевозка золота на западный берег Каспия в Порт-Петровск и далее — в Баку или Крым. В Гурьеве находится английская миссия, занимающаяся приёмом, распределением и отправкой поступающих от интервентов грузов. Они превратили этот город в свой опорный пункт. Необходимо как можно быстрее выставить там наблюдательные посты: в порту, на складских территориях, возле постоялых дворов и, особенно, у английской миссии. Вы должны знать всё, что происходит в городе, о чём говорят, шепчутся и даже думают. Делайте что хотите, но вы ответственны за результат.

Теперь о старых знакомых. Многие ваши бывшие однопартийцы после мятежа левых эсеров перебрались в Поволжье. Так называемый КОМУЧ, созданный ими в Самаре, пытается свергнуть советскую власть в других городах с помощью мятежного чехословацкого корпуса и подпольных офицерских организаций. И кое-где им это удалось. Поэтому в Поволжье и стекаются все недовольные Советами. Здесь и лидеры эсеров, и монархисты, и авантюристы вроде Савинкова. В Самаре, кстати, объявились и ваши хорошие знакомые. Не знаю, порадует ли вас эта новость.

— Интересно. Кто же?

— Эсер-максималист Леонард Ильин и анархист Александр Бакун.

— Как же, конечно помню. Шестнадцатый год. Манзурка, — настороженно улыбнулась Вера.

— Много таких сорвиголов на Волгу съезжается. Но эти двое очень уж неоднозначные личности, — покачал головой Дзержинский. — Одно только их участие в нападении на общество взаимного кредита чего стоит. И в Петербурге они прославились громкими акциями, и в Москве, и даже в сибирской ссылке, я слышал, тоже нашумели.

— Да, с уголовниками разбирались, — улыбнулась Вера. — Очень уж похабно те себя вели.

— Знаю, знаю. … Понаблюдайте за ними. Ильин, по моим сведениям, уроженец Оренбурга, а вот Бакунин не местный. Выясните их намерения: с какой целью в Самару прибыли, чем планируют заниматься, собираются оставаться или уезжать.

1918 ГОД. АВГУСТ. ЛЕОНАРД

«Значит, я в ЧК. Ну что же. Ехал сюда, чтобы найти Фомина и узнать, где Мария. А теперь и искать его не надо, — поморщился Леон, прикоснувшись к голове. — Надо только отлежаться немного, прийти в себя и вспомнить, что случилось с ним, а потом действовать по обстановке. … И поспать, ещё поспать. В сон клонит …».

Он приехал в Казань четвёртого августа. Когда началась разгрузка баржи, отправился в банк для встречи с Марьиным. И почти сразу же заметил похожего на бродягу человека, вышедшего вслед за ним. Вскоре понял, что тот не отстаёт, пытаясь сделать это незаметно. Ильин не удивился: знал, что не останется без внимания КазГубЧК. Фортунатов предупреждал, что всех прибывающих из мятежной Самары сразу проверяют или устанавливают негласный надзор.

В бурные студенческие годы Леонард осваивал навыки ухода из-под наблюдения. Опытные товарищи учили начинающих подпольщиков искусству конспирации: как определять слежку и отрываться от неё, как незамеченным приходить на условленное место встречи. Он привык обращать внимание на незнакомцев, проявляющих к нему необъяснимый интерес или находившихся неподалёку продолжительное время. Научился сбрасывать «хвост», резко развернувшись на филёра и вводя того в замешательство, что позволяло прекратить преследование. Обычно наблюдение ведёт не один человек, следящих несколько, и при смене направления движения они могут меняться. А если поймут, что замечены, то наблюдать будут уже другие. Так что лучше не

предпринимать резких шагов, вести себя спокойно, ввести «хвост» в заблуждение и найти возможность избавиться от него. Например, заговорить с кем-то, смешаться с толпой, скрыться в людном месте. И ни в коем случае не идти сразу домой, чтобы не вывести фискалов на него. Они могут следом ворваться в дом или попытаться позже скрытно проникнуть туда.

Решив проверить, не ошибся ли он, Леонард ускорил шаги, перешёл на другую сторону улицы и заметил, как незнакомец, перебегая вслед за ним, махнул кому-то рукой. В чужом городе трудно скрыться от слежки. Но Леон не собирался излишне маскироваться и путать следы. Если наблюдение ведётся в порту, то у банка наверняка не меньше «топтунов», шпионящих за посетителями. Всё равно, появившись в банке в такое неспокойное время, он привлечёт внимание комитетчиков, ведущих надзор за клиентами.

Так и случилось. Подходя к банку, заметил, что подозрительный тип, неуклюже преследовавший его, подскочил к грузовику, стоящему неподалёку от входа. Поговорив с кем-то, сидевшим в машине, он кивнул в сторону Леона и скрылся под тентом в кузове. Из кабины выпрыгнул подтянутый крепыш в кожаной куртке и фуражке, надвинутой на глаза, огляделся по сторонам и не спеша пошёл вслед за Ильиным.

«Где-то я уже видел его. … Или показалось? — подумал Леонард, заметив выправку и лёгкость шагавшего за ним человека. — Из военных или из таких же перелётных птиц, как мы с Бакуниным».

В банке шум, неразбериха, суета и растерянность. Поступило указание о срочной эвакуации золотого запаса, но город уже окружён войсками белых, и все понимают, что вывезти ценности, вероятно, не удастся.

После проверки документов хмурый охранник в полувоенной форме проводил Леона на второй этаж. Спустя несколько минут приковылял запыхавшийся управляющий Казанским отделением Народного банка РСФСР Пётр Александрович Марьин. Прочитав сопроводительное письмо от Николая Ильина, которого он знал с тысяча девятьсот пятнадцатого года, настороженно исподлобья глянул на Леонарда:

— Родственник Николая Сергеевича?

— Племянник.

— Похож, — покачал головой Марьин. — Знакомы мы с вашим дядюшкой. — И, немного помолчав, тихо добавил. — Но сейчас ничем помочь не могу. Не до расчётов теперь. Видите, что у нас здесь творится. — Потом и вовсе перешёл на шёпот. — Готовимся к эвакуации. Скрытно, а весь город уже знает об этом. Пропадёт всё! — управляющий горестно вздохнул, показав пальцем вниз на подземные хранилища. — Я ещё весной неоднократно обращался к правительству с петициями об отправке в Нижний Новгород. А сейчас поздно: город окружён, поездов нет. Пароходы были, но, говорят, уже ушли вверх по реке. Есть только четыре грузовика. Куда увозить, на чём, с кем? Утопят, разбомбят, растащат, разворуют.

«Поздно?» — Леонард понял, что задуманный с дядей план по отъезду в тёплые персидские края ещё не до конца провален.

— Может, чем-то помочь вам? Если уж я приехал сюда, то буду рад хоть как-то посодействовать, — участливо обратился он к подавленному управляющему.

Тот неожиданно вскинул руки вверх и замахал, будто отгоняя нечистую силу:

— Нет, нет! … Ни в коем случае! Какая помощь? Мне странно, что вас вообще сюда пропустили!

Поманил рукой Леона к окну.

— Сейчас всех посторонних задерживают на входе и на выходе из банка. А любого из Ильиных в первую очередь должны были схватить. Значит, арестуют, когда пойдёте обратно. — И пояснил удивлённому Леонарду, кивнув на грузовик под окнами: — Здесь в Казани уже знают, что известный промышленник Николай Ильин — член Самарского общества фабрикантов и заводчиков, принявшего резолюцию о финансовой помощи КОМУЧ. — Управляющий многозначительно поднял палец: — Помощь комитету, организовавшему вместе с белочехами антисоветское восстание в Самаре! — Помолчал и печально добавил: — Так что сначала арестуют вас, а потом и меня. За мной уже присматривают «товарищи», — он показал глазами на людей у грузовика, — после того, как я, не проверив, принял на работу человека, присланного Николаем Сергеевичем.

— Кого, — удивился Леон и вдруг замер, увидев в окно, как незнакомец внизу, садясь в кабину подъехавшей машины, снял надвинутую на глаза фуражку: — Фомин?!

— Да. А вы знакомы? — Марьин испуганно посмотрел на посетителя, которому только что рассказывал о готовящейся эвакуации золотого запаса.

Но тот уже бросился из кабинета и, вылетев из дверей банка, увидел только пыль от свернувшей за поворот машины. Грузовик с наблюдателями всё также стоял неподалёку.

— Где Фомин? — рявкнул Леон, подскочив к нему и рванув дверь кабины.

Человек, сидевший рядом с водителем, нагнулся к Ильину и молча, спокойно поманил пальцем, словно собираясь что-то шепнуть ему. Леон наклонился и… рухнул безвольным кулём под колёса автомобиля после оглушающего удара по затылку.

«Не суй мене, Господи, куды мене не просют», — в затухающем сознании кружилась молитва, которую матушка его вразумляла вспоминать перед принятием поспешных решений.

Никто из суетящихся возле банка людей ничего не заметил. Только в одном из окон на втором этаже качнулась занавеска. Испуганный Марьин, хромая, неуклюже попятился от окна, увидев, как недавнего собеседника бросили, словно мешок с мусором, в кузов отъезжающего грузовика.

ГЛАВА 11

1918 ГОД. КАЗГУБЧК

В первых числах августа войска Каппеля и Чехословацкого корпуса приблизились к окраинам Казани. В городе их уже давно ждали подпольные группы офицеров и савинковцев, готовые к вооруженному выступлению.

В Казанском отделении Народного банка, где была сосредоточена большая часть золотого запаса России, предполагали, что долгожданная, но постоянно откладывавшаяся эвакуация вот-вот начнётся. Все понимали: если не удастся вывезти золото в Нижний Новгород, то белые после захвата Казани наверняка вывезут его на восток к Колчаку.

Брауда помнила предостережение Дзержинского при их последней встрече и поставила задачу подчинённым: исключить любые возможные попытки хищений

золота из банка накануне предстоящих боёв за Казань. Во все его подразделения были внедрены агенты, незадолго до того переведённые из других городов в КазГубЧК. Под негласное наблюдение были взяты все сотрудники, от руководителей до обслуживающего персонала. Контролировались посещения, встречи, связи, разговоры посторонних лиц с работниками банка. Всех, не внушающих доверия служащих и клиентов, тщательно проверяли, а особо подозрительных доставляли на допросы и дознание в ЧК.

За день до начала эвакуации золотого запаса Вере Брауде передали сумку с документами одного из подозрительных клиентов банка, доставленного в её ведомство. Так уж получилось, что при задержании сотрудники несколько превысили меры физического воздействия, и было непонятно, сможет ли он вообще что-либо рассказать. Но самое интересное заключалось в том, что заместитель председателя Казанской Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем лично знала владельца переданных ей документов.

Дзержинский предостерегал Брауде: после неудавшегося левоэсеровского мятежа, в Поволжье съехались бунтовщики и авантюристы со всей страны, в том числе и её знакомые по сибирской ссылке — ветераны революционного терроризма Александр Бакун и Леонард Ильин. Феликс Эдмундович рекомендовал внимательнее присмотреться к ним и попытаться выявить возможные контакты с антисоветским подпольем.

Что случилось с Бакуном и его соратниками после бесславного похода на Симбирск под руководством мятежного главкома Муравьёва, Брауде уже знала. И вот в самые трудные для осаждённого города дни в Казани неожиданно появился Леонард Ильин. Причём сразу же после приезда его пришлось задержать в банке после абсолютно непонятного и неспровоцированного нападения на работников ГубЧК.

Брауде пока не знала цели приезда эсера – бунтаря в столь неспокойное время, и причину спровоцированной им драки, но в случайности бескомпромиссная чекистка не верила.

В деловых бумагах, изъятых у задержанного, ничего крамольного и опасного для Советской власти она не заметила. Из них понятно одно: приехал из Самары в Казанский банк для оформления финансовых документов за последние поставки нескольких партий соли. В сопроводительном письме от солепромышленника Николая Сергеевича Ильина к руководству банка было

обращение с просьбой о содействии в получении части средств, конфискованных у него Декретом ВЦИК от 14 декабря 1917 года.

Брауде понимала, что затея с получением изъятых семейных ценностей, хранившихся в банке ещё с дореволюционных времён, безнадёжна. Но она слишком хорошо знала Леона и его единомышленников, чтобы успокоиться. Её насторожило обстоятельство, что он оказался в банке как раз в то время, когда большевики, в преддверии боёв за город, готовились к эвакуации золотого запаса.

1918 ГОД. ЛЕОН И БРАУДЕ

За окном раздались гудки и рокот въезжающих во двор машин. Послышались крики засуетившихся людей и стук подкованных сапог, знакомый ещё со времён стычек с жандармами после первой революции.

Леонард очнулся от поднявшегося шума, оглядел мрачное помещение и вспомнил услышанный перед забытьём разговор: «ЧК, Фомин, Вера, Егорыч».

Накануне отъезда из Самары Фортунатов рассказывал о жизни и работе Веры Брауде после возвращения из ссылки. Рассказал и о предательстве: как с её помощью Дзержинский готовил развал левоэсеровского движения в Поволжье. А после очередной встречи в Петрограде назначил заместителем председателя Казанской ГубЧК.

В соседней комнате что-то загремело, упало, забегали люди, раздались команды:

— Готовиться к погрузке. Выезжаем через несколько часов. Проверить, всё ли собрано. Задержанного — к Брауде.

Заскрипела тяжёлая железная дверь в его каморке. Сняв папаху и нагнув взлохмаченную голову, чтобы пройти в слишком низкий для него проём, в комнату ввалился огромный неуклюжий казак. Растерянно оглядываясь, подошёл к вставшему Леонарду и, откашлявшись, хрипло пробасил:

— Приказано проводить тебя, товарищ Ильин, к начальству.

— Да я уже готов. — Леон по голосу узнал вошедшего.

Поднимаясь по лестнице, очевидно, в кабинет Брауде, Егорыч нерешительно заговорил:

— Ты уж не серчай, товарищ дорогой. Перестарался я маненько вчерась, когда мы с тобой вот так нехорошо встретились. Вижу, налетел оглашенный. Ну и шваркнул чуток, чтобы не ухайдакал ты моих подельников.

— Хорошо, что чуток, — поёжился Леонард и решил разговорить сконфуженного казака. — Слышал я случайно, о чём вы толковали с Фоминым. Не волнуйся, Егорыч. Заступлюсь за тебя перед Верой Петровной. Я сам виноват. Вы люди служивые, приказ выполняли, а я накинулся ни с того ни с сего. … Что, суровая у вас начальница?

Егорыч наклонился и тихо доверительно прохрипел:

— Сурьёзная. Шутковать не любит и другим не дозволяет. В случае чего спуску никому не даёт. С врагами революции и сама расправиться может. Надысь ездила с расстрельной командой в госпиталь. Пустили там в распыл арестованных злодеев из отряда Муравьёва.

— Это тех, что с ним на Симбирск ходили?

— Да. Многих на месте побили и постреляли, как и его самого. А пленных и раненых, особливо ярых при нападении, сюда привезли для дознания и расправы.

— И что, всех расстреляли … надысь?

— Да, кажись, всех. — Егорыч вопросительно посмотрел на Леона. — А что? Знакомые в войске Муравьёва были? Бают, кого там только не было. Иноземцы разные: черкесцы, хунхузы, чухонцы. Ерманцев только не хватало. Жаль. А то бы я сам в расстрельную команду вызвался.

— Был там дружок мой закадычный. — Леонард с надеждой повернулся к Егорычу. — Не из чухонцев и не из хунхузов. Наш он — тверской. Поддался на посулы главкома, пошёл за ним и пропал. Надёжный товарищ, с девятьсот шестого года с ним рука об руку с режимом бодались. Нас и в ссылку вместе упекли. … Бакунин. Не слышал о таком возле лазарета?

— Нет, я в охране стоял. Стрельба была, а что дальше — не знаю и знать не хочу. Слыхал только, что с Муравьёвым были два офицера из казанского подполья. Так вот они в Симбирске устроили резню – междоусобицу: своих же соратников по походу, азиатцев, порубили. Твой дружок не из этих офицеров случаем?

— Нет, — удивился Леон, — А распря-то из-за чего случилась?

— Все беды и раздоры, особливо по-пьяному делу, из-за денег или из-за баб зачинаются, — философски рассудил Егорыч. — И там так вышло. Китаёзы водки надюзгались и дрянью какой-то обкурились: опий и морфий у них завсегда с собой были. Заманили вечером певичек, развлекавших в походе Муравьёва и его компанию, снасиловали их, а потом одну из них резать стали. Одурели узкоглазые, решили кожу с рук снять и перчатки сделать. А у девчушки той там, в походе, роман с одним из офицериков завязался. Вот бойня-то и началась. Бают, все стены и потолок в том доме кровью и мозгами бусурманскими были заляпаны.

— И офицеров тоже побили?

— Один-то, который ейный дружок, совсем плохой был. Бают, умом тронулся. А второй позже подоспел и пострелял оставшихся нерусей. Потом уже на крики и стрельбу сбежались наши красные бойцы, которые к тому времени с Муравьёвым покончили. Многих его людей тогда в Симбирске постреляли, да порубали. А этих двоих не тронули. Наоборот, с радением и приглядом вместе с нашими ранеными в госпиталь привезли. Может и таперича они там. Не знаю.

Входя в кабинет Брауде, Леонард нервничал. Он не был рад предстоящей встрече со старой знакомой: «Нельзя доверять ей, отныне она противник».

На его удивление бывшая соратница встретила собрата - этапника радушно. Усадила на просторный диван, предложила чаю:

— Теперь только так завариваю, по-сибирски, — задумчиво улыбнулась, разливая чай в чашки с заморским цветочным орнаментом. — Скучаю по Сибири, по тайге, по речке Манзурке, по заливным лугам. … Покойно там, несуетливо.

— Если только без урок, — оттаял и улыбнулся в ответ Леон.

— Ну, сейчас там только они и остались.

Брауде молча, вопросительно смотрела на бывшего однопартийца, ещё недавно спасавшего её в тяжёлых жизненных передрягах.

«Кто же он для неё теперь? Обычный гражданин, приехавший в осаждённый город с поручением от родственника и не представляющий опасности ни для города, ни для власти? Или коварный противник, засланный из мятежной Самары для связи с заговорщиками из антибольшевистского подполья. Те давно

готовились к вооружённому выступлению и ждали сигнала от окруживших город частей белочехов и Каппеля?

Дядя Леонарда — один из активных членов Самарского общества фабрикантов и заводчиков, финансировавшего КОМУЧ и его вооружённое формирование, так называемую Народную армию. Появись здесь Николай Сергеевич Ильин, она бы знала, что с ним делать. Но как поступить с Леонардом? На него в КазГубЧК не было компрометирующих материалов. Он не участвовал в антисоветских собраниях и митингах, не состоял в каких-либо антибольшевистских союзах или комитетах, не поддерживал свержение Советской власти в Самаре».

О том, с кем сейчас Леон, кто он теперь — друг или враг, Брауде не знала. Как не знала и о том, что перед отъездом из Самары он встречался с членом КОМУЧ Фортунатовым. Но ей было подозрительно его появление в городе в самое опасное для Советов время. Казань находилась в состоянии приближающейся катастрофы: извне — подступающие войска белочехов и Народной армии, изнутри — готовящиеся их поддержать подпольные группировки контрреволюционеров.

Вопросительное молчание затянулось, и Леонард решил сам начать малоприятный для обоих разговор:

— Всё воюете, Вера Петровна, или мне показалось?

— Вижу по вашему состоянию, Леонард Иванович, что не показалось.

Леон, скривившись от боли, покрутил головой, разминая шею, и одёрнул одежду, помятую от долгого пребывания на нарах:

— Так вы же до сих пор с сатрапами и притеснителями трудового народа боролись. А я-то здесь при чём? Вроде бы никого не притеснял.

— Вот поэтому мы и решили встретиться с вами, чтобы понять, причастны ли вы к событиям, происходящим вокруг Казани, или нет. Сейчас в городе и возле него собрались и сторонники, и противники нашего пока ещё не окрепшего государства. Хотелось бы знать, с кем вы теперь. Приехали из самого логова антибольшевизма, оттуда, где собрался весь реакционный сброд: белое офицерское подполье, савинковцы, монархисты всех мастей, восставший чехословацкий корпус. Вы же идеологический противник свергнутого режима, столько лет боролись за создание Трудовой Республики. И как среди них оказались? Могу в какой-то степени понять вашего товарища Бакунина: повёлся на ложные лозунги предателя и ренегата Муравьёва, собравшего часть

казанского оппозиционного отребья и потащившего их в смертельный поход на Симбирск.

Леон оживился:

— Вы что-то знаете о Бакуне? Где он? Что с ним?

Но Брауде продолжала, не обращая внимания на вопросы.

— Разбили, уничтожили всю эту свору в Симбирске. И здесь также разобьём, истребим под корень.

Брауде устало села на диван рядом с Леоном.

— Дел сейчас невпроворот, а тут вы вдруг объявились в городе в самое тяжёлое для него и неудачное для вас время. Да ещё и в банк сразу припёрлись. Если бы приехали из какого-нибудь Задрищенска, никто бы и внимания на вас не обратил. … А из бунтующей Самары — это подозрительно!

Немного помолчав, добавила, внимательно посмотрев на помятого Леона:

— С вашими обидчиками разберёмся. Если надо будет, то накажем кого следует. Революционную дисциплину ещё никто не отменял.

— Не надо никого наказывать, — вступился Леон за простодушного Егорыча. — Я сам сглупил, полез на рожон.

— Ну и славно, — Брауде встала. — Сами понимаете, не до разбирательств нам теперь. — Посмотрела на собеседника, потом на часы. — Фомина ищете? Я уже в курсе. Доложили о ваших расспросах. В ближайшее время встретиться с ним не удастся. Его нет в городе. А насчёт вашего визита в банк, Леонард Иванович, я уже кое-что поняла из документов, с которыми вы приехали. Ничем порадовать не могу, неудачное время сейчас для коммерции. С текущими расчётами придётся повременить. А конфискованные деньги и ценности вам получить не удастся: по данному вопросу есть Декрет ВЦИК, о чём вы и ваш дядя наверняка знаете.

Вернув документы, Брауде напоследок поинтересовалась:

— Ну и зачем вам сейчас деньги, да ещё такие большие? Апостол Павел предупреждал: «Корень всех зол — любовь к деньгам». Вы же бессребреник, как я знаю. Да и спокойнее в Советской России без них.

Леонард с любопытством посмотрел на Веру. Вспомнил, как в ссылке она рассказывала об исключении из института благородных девиц за отказ изучать Закон Божий с мотивировкой «за антирелигиозные настроения».

— Во-первых, нам нужно заплатить так называемую контрибуцию за некоторых родственников и знакомых, находящихся в заключении как раз по причине её неуплаты в установленный срок. Вы, я думаю, знаете о произошедших в последнее время арестах промышленников, коммерсантов, торговцев. — Леон пожал плечами. — Получается, что без денег пока ещё нельзя жить и работать в новой России. Во-вторых, надо восстанавливать хозяйство. Для развития нужны капитальные вложения. Повоевал и хватит. Решил помогать дяде в его делах. Думали вернуть арестованные капиталы и запустить их в оборот, чтобы не лежали в банковских подвалах мёртвым грузом, а служили родине. Гораций говорил, что деньги либо господствуют над своим обладателем, либо служат ему. Нам вот деньги должны послужить для добрых дел.

Брауде усмехнулась:

— Я бы подискутировала с вами, товарищ Ильин, но сейчас не время: бои уже на окраинах. Власть мало захватить, власть необходимо ещё и удержать. Надеюсь, что выдержим. Ну а если нет, то, как говорил Макиавелли: «Лучше проиграть со своими, чем выиграть с чужими». Вы-то определились, кто для вас свои, а кто чужие? … Впрочем, я навела справки: ни в чём предосудительном перед Советской властью вы не были замечены. Так что распрощаемся до лучших времён. И в банке в ближайшие дни не появляйтесь, не до вас там теперь.

Расстались Вера и Леон холодно, понимая, что неожиданно оказались по разные стороны баррикад и ждать друг от друга доверия и поддержки вряд ли стоит. Но, уже прощаясь, Вера остановила Леонарда у двери и тихо сказала:

— В городе сейчас опасно. Попытайтесь выбраться. Вам здесь больше нечего делать. Ни Марии Дубининой, ни её отца в Казани нет.

Хмурый Егорыч вывел Леонарда из старинного барского особняка с прибитой над входом вывеской на помятом куске жести: «Губчека. Вход по пропускам».

— Вижу, хорошо вы поговорили с Верой Петровной. Дала указание доставить в порт в целости и сохранности. Так что садись, товарищ Ильин, в машину и поедем. — Казак многозначительно кивнул в сторону грузовика. — Я пока ждал, покалякал с фронтовым дружком. Он отвозил расстрельную команду в лазарет. По пути кое-что расскажет.

В кабине сидел тот же водитель, что и возле банка. Ильин осторожно, словно опасаясь подвоха, сел рядом с Егорычем. Тот скомандовал:

— Гони, Тимоха, в порт, да проворней. Вишь, тучи низкие, тяжёлые, дождь усилился и башка болит. Вот-вот гроза начнётся. А по дороге расскажи товарищу Ильину, что и мне надысь говорил. Про то, что видел, когда раненых из Симбирска привели на распыл у лазарета.

— А что тут долго рассказывать, — Тимоха рванул с места так, что Леон снова стукнулся головой, теперь уже о кабину грузовика. — Вывели их всех из госпиталя: и хромых на костылях, и перевязанных, и в гипс упакованных. Кого и на руках вынесли. А потом и кончили всех без разбору.

— Как же без разбору, чёрт чудной, — вскинулся Егорыч. — Ты же давеча баял, как одного из них убрали из той команды.

— Да, — подтвердил Тимоха. — Когда вывели их на свет Божий, Вера Петровна прошла вдоль строя со списком. Как будто высматривала кого-то. Увидела одного, всего в гипсе и повязках, подошла, поговорила. Потом его под руки отвели куда-то. Сам видел. Всех кончили, но без него.

— А куда увели-то, чудила? Кто он такой? Знашь? Нет?

— Кто будет спрашивать, Егорыч? Лишние расспросы — себе дороже. Тут уж как в народе говорят: «На что? — На спрос; а кто спросит, тому чихирю в нос».

Высадив Леонарда в порту, Егорыч отошёл с ним от грузовика и попрощался:

— Вижу, наш ты человек, товарищ Ильин, тоже много пострадавший за дело революции. Если захочешь лазарет ентот найти, пораспрашай людишек возле банка. Он там рядом находится. — Огромный казак по-детски заговорщицки огляделся. — Только завтра не ходи никуда. У нас бают, что к вечеру ожидается выступление белой контры. Там и беспорядки, глядишь, начнутся. А в суматохе и зашибить запросто могут.

ГЛАВА 12

1918 ГОД. КАЗАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НАРОДНОГО БАНКА РСФСР

Четвёртого августа передовые отряды белочехов и Народной армии КОМУЧ приблизились к Казани и всполошили большевиков, поприветствовав по телефону командование Восточного фронта от имени Владимира Оскаровича Каппеля и Чехословацкого корпуса.

Захват Казани в ближайшее время был неизбежен. На подготовку к эвакуации золота у красных ушло несколько дней. Решили перевозить его на пристань трамваями. Для этого подготовили площадки разгрузки и подъездные пути к банку и причалу. Из Нижнего Новгорода подошли буксиры и баржи.

Сотрудников Казанского отделения Народного банка РСФСР собрали к девяти часам вечера и объявили о том, что эвакуация запланирована на следующий день. В кладовых началась упаковка золота в мешки и ящики.

Пятого августа к банку подогнали трамвайные вагоны для погрузки и перевозки ценностей. Но отправка всего объёма золотого запаса не состоялась: началось наступление на город. То, что в Казани готовился вооружённый мятеж, знали многие. Но войска Чехословацкого корпуса и Народной армии нарушили планы подпольщиков. В пять часов вечера они неожиданно начали артобстрел. Флотилия КОМУЧ атаковала несколько военных судов красных, вынудив их причалить к берегу. Оставшиеся корабли и прибывшие за золотом баржи ушли вверх по Волге. На пристани высадился десант белых.

Жители в панике бросились из города, оставив имущество и жильё, наспех заколотив двери и ставни. Толпы обезумевших людей бежали с детьми на руках и наскоро собранными пожитками в мешках и котомках. Они метались в страхе по улицам, не зная безопасного выхода из города. Напуганные взрывами лошади волокли телеги со скарбом, увязая в колеях разбитых дорог.

Попытка белых внезапно взять город не удалась. В наступившей суматохе противоборствующие стороны не смогли дальше вести сражение. Боестолкновения в этот день прекратились.

Эвакуировать золотой запас по реке и железной дороге не удалось. В ночь на шестое августа, воспользовавшись затишьем, работники банка смогли вывезти на грузовиках лишь небольшую часть золота — по разным сведениям, от ста до двухсот ящиков. Утром рейс хотели повторить, но было уже поздно: со стороны

пристаней послышались взрывы, пулеметная и ружейная стрельба.

Предвидя новое наступление, большевики ночью начали мобилизацию рабочих. Сформированными из них отрядами и прибывшими подразделениями латышских стрелков новый командующий Восточным фронтом укреплял позиции на окраинах, где можно было ожидать нового наступления Народной армии.

Так и случилось. Войска белочехов и каппелевцев с примкнувшим к ним отрядом сербских добровольцев атаковали Казань с трёх сторон, сходу смяв мало укреплённые позиции красных.

Тяжелые, мрачно клубящиеся тучи, с ночи нависавшие далеко над горизонтом, к обеду навалились на объятый страхом город. В два часа дня, в самый критический момент боестолкновений, разразилась сильнейшая гроза. Ливень обрушился сплошной стеной на развалины домов и улиц.

Отряды большевиков, рабочее ополчение и стихия на время остановили наступление войск КОМУЧ. Но неожиданно с тыла атаковали вступившие в бой отряды казанского антикоммунистического подполья. Ярость взбесившейся природы соперничала с жестокостью сошедшихся в смертельной схватке непримиримых противников. Казалось, небо, вспыхивая огненными разрядами, обрушилось на город в отместку за непомерную озлобленность людей, ещё недавно бывших единым народом. Дождь лил на горящий город, на бившихся насмерть соперников, будто стремясь остудить и остановить их. Но даже этот неистовый нескончаемый ливень не смог потушить возникшие пожары.

От глухого раскатистого рокота сотрясалось всё вокруг: и река, и улицы, и люди, пытавшиеся покинуть измученный громами, взрывами и стрельбой город. Страх от надвигавшейся катастрофы заставил людей, не сорвавшихся с места накануне, всё-таки собраться и бежать.

Леонард, несмотря на предупреждение держаться подальше от банка, решил всё же пойти туда. Не мог усидеть на месте, понимая, что красные, возможно, уже потерпели поражение, а белые пока ещё окончательно не взяли власть в руки. Прихватив отцовский браунинг, он пробирался через потоки грязной воды и толпы беженцев, устремившихся вниз по улицам за городские окраины.

Трудно двигаться против течения. Особенно там, где всё не знакомо. И если к тому же забросило тебя в эту стремнину в погоду ненастную, штормовую, когда и не видно почти ничего. Что ждёт за поворотом: камни, отмели, препятствия? Неизвестно.

Заборы, дома и дороги почернели от проливного дождя. Сверкавшие молнии тонули в зареве пожарищ. Леон остановился, пропуская очередную группу людей, хмуро толкавших тележку с котомками и мешками. И только привязанная к одной из повозок коза весело припрыгивала, очевидно, радуясь предстоящему выпасу на лужайках за селом, к которому сейчас спешили её хозяева.

Залпы орудий стихали и только на окраинах, где ещё шли бои, виднелись затухающие отблески пожаров. Районы и улицы города опустели, только иногда кое-где испуганные люди поодиночке и группами перебегали через осклизлые от грязи дороги и тут же скрывались за домами и заборами. В центре Казани безвластие: ни белых, ни красных. Изредка в переулках внезапно возникали перестрелки и также неожиданно прекращались. Стало понятно, что в ближайшее время власть в городе сменится.

Казанское отделение Народного банка РСФСР с сотнями тонн золота в хранилищах неожиданно осталось без руководства и служащих, без защиты посреди хаоса и неразберихи. Отряд латышских стрелков, охранявший его, перебросили на окраину, где шли последние бои. Работники и большая часть охраны разбежались: одни ушли вслед за красными, другие разошлись по домам, предвидя анархию и погромы. Только несколько вооружённых караульных заперлись в нижних подземных кладовых.

Воспользовавшись ситуацией, в банк ворвались толпы мародёров, будто заранее готовых к такому повороту событий. Кто-то организовал их, почувствовав вакуум власти в центре города? Или же взломщики, грабя опустевшие дома, сами собрались у него, увидев бегство охраны? Теперь это неизвестно. Скорее, всё произошло стихийно, хотя бы потому, что у большинства грабителей не было ничего, в чём можно было вынести те богатства, что открылись перед ними.

Началась вакханалия грабежа.

Прорваться в нижние хранилища погромщикам не удалось, но в верхние временные, устроенные незадолго до наступления белых, они кое-где пробрались. Выламывали двери и решётки, взрывали их гранатами. В оставшихся без защиты помещениях разбивали и крушили шкафы, ящики, сейфы. Давка и столпотворение переходили в драки за найденные ценности.

Забирали всё, что попадалось под руки. Деньги рассовывали в котомки и под одежду. Золотые монеты и слитки тащили, в чём только могли: в ведрах, мешках, сумках. Некоторых грабителей неподалёку ждали подельники на

повозках. Дождь лил беспрерывно. Размокшие мешки и котомки рвались от непомерной тяжести, и золото падало из уезжавших телег на раскисшие дороги. Из разбитых окон банка летели, подхваченные штормовым ветром, деловые бумаги и банкноты. Они кружились и падали в грязные лужи.

Трудно идти против течения, особенно если никто не ждет там, куда ты пробираешься, и всем сейчас совершенно не до тебя. Преодолев потоки ручьёв, Леон увидел серое от дождя здание Народного банка. Выстрелы раздавались уже далеко. Но по беспорядку вокруг него, по громоздившимся на подходе баррикадам и телам убитых было понятно, что совсем недавно здесь шёл ожесточенный бой.

«Похоже, опять я пришёл не вовремя. Не до меня здесь сейчас».

Растоптанные грязные купюры, документы, блестящие жёлтые монеты валялись в красных от крови лужах. Леонард поднял одну из них, протёр. Царский профиль и надпись по кругу: «Б. М. НИКОЛАЙ II ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС.».

«Золотой империал. И сколько их тут вокруг? Надо бы подобрать. Неужели эвакуация продолжается? — удивился Леонард. — Но золото в грязи так просто не валяется. Что-то здесь неладно».

И тут же, будто в подтверждении его догадки, в банке послышались крики, раздался глухой взрыв, началась стрельба.

«Граната, — понял Леон и увидел, как из разбитых взрывом окон второго этажа летят обломки мебели и кирпичей, обрывки бумаг. Они падают на выбегающих из здания взбудораженных людей, но те даже не замечают их, волоча на себе или за собой неподъёмные мешки, сумки, рюкзаки. — Да это же мародёры! — Ильин бросился к входу, расталкивая пролезавших через завалы мусора налётчиков. — Надо как-то остановить этот разбой».

Тут же сверху снова раздался взрыв и кто-то, видимо раненый, дико закричал.

Леон пробирался вверх по лестнице, покрытой осколками стекла и посуды, обрывками документов и денег, через груды разбитых дверей и мебели. Навстречу спускались два окровавленных человека с дикими от страха и напряжения глазами, тащившие ведро с золотыми монетами непомерной тяжести.

Поднявшись на второй этаж, вошёл в тёмный задымленный коридор, где недавно встречался с управляющим и откуда сейчас выбегали и выползали обезумевшие от золота и крови погромщики. Среди разбросанных бумаг и выпотрошенных папок валялись затоптанные банкноты, и тускло блестели монеты, на которые никто из снующих по коридорам и лестницам людей внимания не обращал.

Пройти к кабинету Марьина сразу не удалось. Пришлось пропустить полупьяных то ли от вина, то ли от вида немыслимых сокровищ налётчиков, с трудом перетаскивающих ящик от письменного стола, наполненный золотом и пачками денег. За сорванной дверью одной из комнат с криками и дракой грабители доламывали взорванный сейф, из которого сыпались монеты. В разбитые взрывом окна врывался ветер и, поднимая вверх раскиданные вокруг банковские документы, ценные бумаги, ассигнации, порывами выбрасывал их на улицу.

Внизу и в конце коридора снова послышались выстрелы.

«Надо быстрее уходить отсюда», — решил Леонард. Страха не было, вид похитителей не пугал, а скорее удивлял: неужели охрана разбежалась, не устояв перед этим сбродом. Но он понимал: такой объект, как банк, не может надолго оставаться безнадзорным. Отряд прикрытия скоро вернётся. Оцепление будет восстановлено. И перспектива быть застигнутым вместе с бродягами во время грабежа его совсем не устраивала.

Лишь желание найти Марьина удержало Леона от бегства, и он продолжил пробираться сквозь завалы по коридору. Часть кабинетов уже взломаны, но некоторые из дверей всё же устояли перед натиском толпы. Или они были хорошо укреплены, а мародёры торопились и крушили только то, что быстрее поддавалось, или разрушительные силы стихии иссякли.

Среди разбитых и выломанных дверей Леон пытался найти ту, за которой недавно встречался с управляющим. Если тот находился в своём кабинете до налёта, то, вероятнее всего, и сейчас там же. Глупо было бы пытаться убежать во время нападения толпы. Надёжнее просто отсидеться за стальной дверью.

Подобрав револьвер, выпавший из рук сидевшего у стены раненого человека, Леонард перебежками от одного дверного проёма к другому пробирался к кабинету Марьина, расталкивая выскакивающих из комнат погромщиков. Одного из них, взлохмаченного детину в разорванной тельняшке, бежавшего навстречу с маузером в одной руке и тяжёлым рюкзаком в другой, он сбил ударом револьвера в лицо.

Придавив коленом горло окровавленного верзилы, Леон тихо спросил: — Где и что взрывали, кто стрелял?

Тот придушенно прохрипел и показал: — Там, за кабинетом управляющего, кто-то воюет.

Леонард тряхнул рюкзак. Вывались пачки денег, зазвенели, покатившись по опустевшему коридору монеты.

— Золото и деньги откуда?

— Да они везде, куда не зайдёшь. Вчера часть вывезли, а остальное не успели.

Леонард ударил здоровяка по горлу и, подняв его маузер, осторожно двинулся дальше, прижавшись к стене.

Возле знакомого кабинета увидел следы выстрелов и взрыва. Тяжёлая бронированная дверь не поддалась варварскому натиску. Но и на осторожный стук никто не ответил.

«Скорее всего, нет там никого», — решил Леон, но собравшись уходить, ударил обломком кирпича по металлу и крикнул:

— Пётр Александрович, отзовитесь, если вы здесь. Это Леонард Ильин, мы с вами недавно встречались.

За дверью что-то упало, немного погодя кто-то глухо, как из подземелья, спросил:

— Как зовут вашего дядю?

— Николай Сергеевич. Я от него приехал. Не бойтесь, я один.

В массивной двери приоткрылось маленькое кассовое окно, через которое Леонард разглядел вторую решётчатую дверь. Марьина не было видно. Его голос раздался откуда-то сбоку:

— Леонард Иванович, вы-то как здесь оказались? Неужели охрана вернулась?

— Нет. Никто не вернулся. Здесь только бандиты комнаты да сейфы вскрывали. Я их разогнал немного, но они наверняка скоро снова здесь будут. Так что, я сейчас уйду, а вы не открывайте больше никому. А кто в конце коридора отстреливается?

— Там наша верхняя кладовая. Ночью туда складировали золото, которое не успели эвакуировать: чехи начали наступление. Вот и вернули всё обратно. Часть в подвал успели спрятать, а что-то по кабинетам на этажах разгрузили. Видимо, грабители как-то узнали, и вот уже несколько часов пытаются пробиться туда. В этой кладовой остались новый начальник охраны с работником. Ещё несколько человек закрылись в нижнем хранилище. Но большинство служащих разбежались после начала наступления.

В конце коридора у кладовой снова началась пальба, раздались крики, взорвалась граната. Мародёры с воплями и стонами выскочили на лестничную площадку. Леонард вдогонку несколько раз выстрелил из маузера. Грохот взрыва и стрельбы в тесном коридоре оглушили его. Но и погромщики тоже исчезли, видимо убежав с этажа по второй лестнице.

Подойдя к кладовой, Леонард сквозь дым разглядел сорванную взрывами дверь и раненого налётчика, хрипевшего возле выхода на лестницу. Тяжёлая массивная решётка не поддалась неопытным взломщикам и крепко стояла на месте. В темноте за ней виднелись только разбитые шкафы, стеллажи да грязный пол, засыпанный мусором. Через зарешеченное окно без стёкол дождь с ветром врывались в помещение, заливая дымящиеся документы и обломки мебели.

«Странно, никого не слышно. Но не в пустую же комнату только что палили взбесившиеся головорезы. И граната по ним прилетела, похоже, тоже из неё».

Леонард подёргал решётку, постучал по ней рукояткой маузера. Гулкий звон утонул в шуме непогоды за разбитым окном.

— Есть кто живой? Я свой, от Марьина.

И только после этих слов в разрушенной комнате послышались шорохи, хруст битого стекла и приглушённый стон. Кто-то внизу, за стеной, недалеко от решётки, закашлялся. И знакомый с детства голос с трудом прохрипел:

— А ты-то, Лёня, зачем сюда припёрся, да ещё в такое время? Здесь, кроме швали всякой, да меня, дурака, и нет сейчас никого.